

Василий Лягоскин

Свет далекой звезды

Книга первая

Василий Лягоскин
Свет далекой звезды.
Книга первая

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Свет далекой звезды. Книга первая / В. И. Лягоскин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834866-2

Это первая книга исправленной и дополненной версии истории о могучем воине и умелом охотнике Свете. Рожденный в глухой деревушке, затерявшейся в дремучих лесах безымянной планеты, он волею судьбы стал спасителем родной земли и иных миров. Среди них — Земля конца двадцатого века...

ISBN 978-5-44-834866-2

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Охотник из рода Ясеня	6
Глава 2. Талисман	12
Глава 3. Учитель	19
Глава 4. Предводительница парсов	28
Глава 5. Поединок	36
Глава 6. Награда	45
Глава 7. Би Рослан	52
Глава 8. Новые родичи	62
Глава 9. Франский барон	74
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Свет далекой звезды
Книга первая
Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2016

ISBN 978-5-4483-4866-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Охотник из рода Ясеня

Огромный серый пес, бегущий впереди хозяина по узкой лесной тропе, внезапно замер, задержав на весу переднюю левую лапу. Он вытянул вперед свирепую морду, приняв себя к едва различимому чужому запаху. Увидь сейчас со стороны этого зверя знаток собачьих пород, он был бы поражен: слепой случай разбудил в этой собаке – единственной в своем роде – силу и навыки далеких, давно вымерших предков. Когда-то их создали специально для охоты на крупных хищников.

Его мощное тело лишь короткое мгновение оставалось неподвижным. Однако когда Волк – так звали пса – повернулся назад, его хозяина на тропе уже не было. Острые глаза, чуткие уши и нос, несравнимый по чувствительности с другими, даже дикими волчьими, не уловили рывка молодого охотника, исчезнувшего в густом ельнике. Казалось, толстый слой сухой лесной подстилки не позволял никому передвигаться бесшумно. Но ни один, даже самый тихий, звук не нарушил сейчас обычного шелеста листьев!

Мало кто из живущих в этом мире мог распознать в стремительном движении человека отточенную технику искусства Дао. Но и самый бесстрастный мастер древнего искусства изумился бы, увидев сейчас охотника. Парню, столь искусно демонстрирующему навыки боевого мастерства, только недавно исполнилось восемнадцать лет. Откуда мог знать простой деревенский парень о древнем учении Дао? Не в лесу же он научился этим плавным, текучим движениям? Не дикие же звери были его учителями; и не сородичи, которых в мире считывалось не более шести десятков.

Все они жили здесь, рядом, в одной деревушке. Родная деревня парня, до которой оставалось не больше версты, затерялась в дремучих лесах, где не было ни одной настоящей дороги. Попасть сюда из большого мира можно было только по звериным тропам; или на лодке – по тихой речушке Русинке...

Волк тоже бесшумно, хоть и не столь стремительно, прыгнул в ельник. А охотник между тем отметил, что мерный шум леса не разбавлен звуками недалекой уже деревни. Обычно уже за версту он слышал веселый звон молота по наковальне, а потом и звонкие крики играющих ребятишек.

Человек и собака заскользили по лесу подобно свету и теням. Так бесшумно и стремительно, как молодой охотник, мог прыгать меж кустов разве что солнечный луч, пробившийся сквозь густую листву. Весь вид охотника напоминал о солнечном посланце – длинные и светлые, цвета спелой ржи, волосы; голубые глаза – ясные, бездонные, словно небо в первый по-настоящему весенний день. Этому спокойному, уверенному в себе, судя по выражению лица, парню, как никому другому подходило имя, данное при рождении – Светослав, или Свет. Так его обычно называли родичи.

Свет резко остановился и пригнулся, практически невидимый в густых кустах бузины. Рядом вздыбил шерсть на загривке Волк. Но рычание, готовое прорваться сквозь страшные зубы, не нарушило безмятежной, казалось бы, тишины леса. То ли потому, что крепкая ладонь опустилась на загривок пса; то ли, потому что Волк был не только громаден и силен, но и удивительно умен для собаки. А шуметь сейчас не следовало. Несколько мгновений оба рассматривали место, самой природой предназначенное для засады.

Вдоль узкой тропы, по которой охотники обычно возвращались домой, лежал огромный ствол старой ели, поваленный недавней бурей. За ней могли спрятаться, особо не теснясь, пара десятков воинов. Но сейчас только два человека, одетых в легкие кожаные доспехи, удобно устроились на куче лапника. Устроились с арбалетами в руках, направленными на тропу.

Свет знал, каким страшным оружием в опытных руках может быть арбалет. Сам он предпочитал на охоте лук – изготовленный собственными руками, и отличавшийся абсолютной

точностью и бесшумностью. Любопытство, охватившее было Света, переросло сейчас в тревогу. Слишком вольготно – по-хозяйски – расположились на чужой земле эти люди. Все внимание они направили на тропу; никто не охранял их со стороны деревни. А значит там...

Волк отвлек хозяина от тревожной мысли, прижав уши и подняв кверху голову с немым вопросом в глазах. Свет понял этот вопрос. А поняв, захватил в горсть шерсть на загривке и легонько дернул, словно говоря: «Я сам!».

Он наполнил грудь чистым лесным воздухом и таким же стремительным, как прежде, рывком, преодолел отделявшее его от засады расстояние. Казалось, Свет лишь коснулся обоих воинов ребром ладони. Однако хорошо рассчитанные удары, нанесенные в нужное место, сделали свое дело. Два тела обмякли ровно настолько, что Свет успел не торопясь связать их и сунуть во рты чужаков оторванные с корнем рукава их собственных рубах.

Воины – оба темноволосые, скуластые – были крепко сложены. Давний шрам, перечеркнувший левую щеку более крупного и более старшего по возрасту воина – одетого побогаче и владевшего кривой саблей, украшенной самоцветами – указывал на его участие по крайней мере в одной битве. А скорее всего не в одной – потому что он, очнувшись, единственным движением тела понял, что освободиться без посторонней помощи не получится. Потому он и замер опять, глядя на охотника спокойными, совсем не подходящими для бедственного положения глазами.

Второй – помоложе – дергался, стараясь избавиться от пут, подольше. Даже попытался зацепиться кляпом за острый скол елового корня.

– Куда ты торопишься, – недобро усмехнулся Свет, рывком сажая его на лапник, – хочешь поговорить?

Он сунул к глазам парня (на воина тот пока не тянул) свой нож – длинный, больше похожий на воинский кинжал. Маленький – так назвал его охотник – откинулся всем телом назад, мгновенно лишившись надменного выражения лица и замер, натолкнувшись затылком на вовремя подвернувшийся ствол другой ели.

– Кто вы? – спросил Свет второго, Большого со шрамом; тот не шелохнулся, так же безразлично глядя в пространство, и охотник понял, – чужеземец не знает этого языка.

Впрочем, Свет подозревал, что его родной язык вообще мало кому знаком в этом мире; зато сам он знал еще один – дуганский – которому его обучил учитель, мастер Ли.

– Кто вы? – повторил он уже по-дугански, который, если верить учителю, был распространен повсеместно, потому что его предпочитали торговцы.

Не верить мастеру Ли не было оснований, и молодой охотник сейчас лишний раз убедился в этом. Большой по-прежнему не шевелился, однако уголки его глаз предательски дрогнули.

– Сейчас я вытащу, – сказал Свет, взявшись за кляп, – крикнешь – умрете оба. Ты понял меня?

Большой помедлил и кивнул, глядя так же мимо охотника.

Свет рывком освободил ему рот и посадил рядом с Маленьким. Незаметно подкравшийся Волк сел напротив, показав громадные клыки.

– Кто вы, – опять повторил охотник, – и что вы здесь делаете?

– Позор! – воскликнул вдруг тот, и затянул, словно погребальную песнь, – позор воину, связанному рукой ребенка.

Ребенок, ростом и статью ничем не уступающий причитавшему, усмехнулся:

– Может, он ответит? – и взялся за кляп Маленького.

Большой вдруг выгнулся к товарищу всем телом и, обратив к нему взгляд своих темных глаз, быстро бросил прямо в лицо Маленького несколько гортанных слов. Этой фразы Свет не понял; так же, как не понял – почему Большой внезапно обмяк, откинулся на спину, и уставился теперь широко распахнутыми глазами в небо. Вторым, с испугом и видимым внутрен-

ним борением глянув в глаза охотника, не стал ждать, когда кляп освободится для последних в жизни слов. Он гордо выпрямился сидя и, усмехнувшись прямо в лицо врагу, тоже обмяк. Маленький скользнул по стволу и растянулся рядом с товарищем; тоже с открытыми глазами.

– Мертвы! – понял потрясенный охотник, переводя взгляд с одного тела на другое.

Это был его дар – вернее один из многих талантов, выявленных, точнее дремавших раньше и пробужденных учителем. Свет безошибочно определял смерть, как бы человек не притворялся. Более того, непонятным другим (да и себе тоже) зрением он видел сам момент смерти – тот порог, переступив который, вернуться назад было невозможно. И этот порог – страшный и неотвратимый – понял вдруг Свет, кто-то уже переступил и в родной деревне.

На несколько мгновений охотник остановился взглядом на Волке, от чего тот даже попятился, поджав хвост; затем пожал широкими плечами, встряхнулся всем телом, и снова расстворился в чаще. Пес на этот раз прыгнул вслед ему не так стремительно...

У крайнего дома деревни – немного отступив от леса – стояло огромное дерево, которое родичи называли Ясенывым дубом. Маленький же род Света, весь состоявший из жителей этой деревушки, называл себя родом Ясеня.

Охотник ненадолго остановился на опушке и внимательно осмотрелся. Деревня словно вымерла; ни одно движение, ни один звук не нарушал тишину ясного солнечного дня. И это еще больше раздувало тревожный огонек в душе охотника. Свет закрыл на мгновение глаза, сделал глубокий вдох и начал движение. Поначалу оно было плавным и медленным; так течет на равнине река – не заметишь течения, пока не бросишь в воду щепку. Так же плавно бег ускорился. Он был отработан с учителем бесчисленными упорными тренировками, преследовавшими одну цель – научиться оставаться незамеченным даже на открытом пространстве – если только, конечно, посторонний глаз не успевал зацепиться за самый первый шаг. И тренировки эти не прекратились, даже когда сам учитель стал попадать впросак от внезапного появления рядом талантливого ученика.

Впрочем, если кто и успел бы сейчас взглядом за стремительной фигурой охотника, он бы, скорее всего, не поверил собственным глазам. Потому что набравший огромную, недостижимую обычному человеку скорость, Свет невероятно быстро приближался к неохватному стволу дуба – не сворачивая, и не стараясь затормозить.

Дуб – настоящий великан в четыре обхвата – ровный, без единого сучка на восемь саженей, уже готов был снисходительно вздрогнуть от удара тела, несопоставимого с собственным. А Свет невероятным образом откинул назад верхнюю часть тела, ускорив и без того стремительный бег. Казалось, ногам молодого охотника было все равно, по какой поверхности бежать. Не замедляя шага, охотник промчался по стволу дуба так же легко, как по тропе; он ухватился за нижнюю ветвь и через мгновение скрылся в густой кроне.

С высоты древесного исполина деревня была как на ладони. Свет мог сейчас заглянуть в каждый двор. И заглядывал – отмечая много такого, чего не должно было происходить в разгар летнего дня. Он не видел ни одного человека на единственной улице, не слышал ни одного звука из закрытых скотных дворов.

– Ну ладно, – пробормотал он, – коровы и козы на выпасе. А где куры, где петух тетки Баши, который всегда мечется меж домами в поисках соперника. Где, наконец, дети?

В такой жаркий день берег Русинки, у излучины которого находилась деревня, и который был прекрасно виден с высоты, обычно был полон мальчишек и девчонок – крикливых и звонких. А еще собаки! У каждого парнишки был собственный пес – ими гордились, считали членами семьи. Сейчас же и заросший жесткой дерниной берег, и песчаный пляж были пусты.

Свет вернулся взглядом к домам. Ему стали попадаться умело замаскированные, но так до конца не скрытые – особенно для взгляда сверху – следы недавней схватки. Стрела, вонзившаяся в покатуку крышу одного из домов, видная только сверху; плетень, недавно сорванный

с места сильным ударом, а теперь приставленный к столбам, и подвязанный обычной веревкой, но чужим, никогда не виданным раньше узлом.

Эти, и другие мелочи не бросились бы в глаза, если бы охотник не искал их специально. А вот это поинтереснее – он вдруг заметил движение в одном из дворов. В тени плетня, невидимый с улицы, но различимый сверху, схоронился человек – воин, подобный тем, что остались у лесной засады. Сколько их было тут? Разглядеть сверху – даже такому опытному следопыту и зверолову, как Свет – было нелегко. Практически невозможно – как не старайся.

– А выманить смогу, – недобро усмехнулся парень, к которому пришла уверенность, что ждут именно его, – что ж, попробуйте взять.

Он снял и закрепил в ветвях оружие – лук; колчан, полный стрел, тоже сработанных собственными руками; длинный нож и охотничий топор. Лишь странные звездообразные тонкие диски бритвенной остроты, которые учитель называл молниями Дао, остались с ним, невидимые врагу. Да сам он – живое боевое оружие, готовое к встрече с неведомым.

Бесшумно скользнув по стволу вниз, Свет больше не скрывался; он оторвался от теплой коры дуба на несколько шагов и громко крикнул:

– Эй, есть кто живой?

Он старался казаться растерянным, даже испуганным. Появившись на виду у скрывавшихся врагов – без оружия, в длинной деревенской рубахе навыпуск, в которой вроде бы так неудобно двигаться даже в обычной деревенской потасовке – он надеялся выманить врагов. Может, даже сразу всех. Хоть и вызывал сейчас невольное уважение широким разворотом плеч и тугими узлами эластичных мышц, проглядывающих в низком вырезе рубашки.

Наверное, поэтому тот, кто первым вышел навстречу охотнику, держал наготове оружие. Опустив почти к самой земле острие богато украшенной сабли, к Свету шел коренастый широкоплечий здоровяк, заросший до самых глаз густой черной бородой. Он остановился в пяти-шести шагах от охотника и выкрикнул несколько коротких слов. Из дворов неспешно, так же нацелив оружие, вышли еще двенадцать воинов. Они неторопливо окружили охотника широким полукругом. По краям этой живой дуги расположились по два арбалетчика, нацелившие острые жала болтов прямо в грудь парню. Остальные подобно чернобородому держали наготове кривые сабли. Впрочем, арбалеты были и у них – за плечами, не снаряженные.

Чернобородый с любопытством оглядел охотника; видно было, что он никуда не спешит. И от этой мысли в груди охотника опять зануло. А главарь незнакомцев взгляделся в лицо Света – слово огладил липким взглядом густые светлые волосы, собранные сейчас сзади в хвост и высокий лоб. Спустился ниже – к переносице, которую только недавно разделила надвое глубокая морщина; остановился взглядом на глазах. Он, наверное, видел в жизни немало голубоглазых блондинов; знал, что за каким-то порогом такие глаза становятся не просто голубыми, а блеклыми. Но вот в этих была глубина летнего неба, которая может выцвести только вместе со всем миром; а еще был какой-то огонь, подобный солнечному, который вдруг расцвел, налился такой силой и ненавистью, что чернобородый невольно вздрогнул. В этих глазах напротив недавно поселилась печаль; сквозь нее воин разглядел глубоко скрытую усмешку, означавшую... Он даже махнул невооруженной рукой перед собственным лицом, словно прогоняя наваждение. И ему, очевидно, удалось убедить себя, что этот светловолосый парень, что бы о нем ни говорили соплеменники, не выстоит даже против него одного, вооруженного верным клинком, а что уж говорить о тринадцати?!

Мысль о тех двух, мимо которых парень никак не мог пройти незаметно, пока не пришла в его голову, и Свет поспешил:

– Кто вы, – по-дугански, в который раз за сегодняшний день, спросил охотник, – что вы здесь делаете?.. И где мой род?..

Стоявший позади предводителя воин с лицом, которому выбитый в недавней схватке глаз придавал совершенно разбойничий вид, вдруг засмеялся:

– Род?! Нет больше твоего рода!..

Чернобородый поднял руку, останавливая его.

– Зачем? Что вам сделали мои родичи? Что вы хотели найти у нас?! – Свет старался имитировать неподдельное отчаяние – точнее скрыть за ним разрастающийся в груди гнев.

Отчаяние имитировать не требовалось – оно уже родилось в душе, и укрепилось после слов одноглазого разбойника. Но сейчас Свет помнил о главной цели безумной вылазки. Он мог, не рискуя особо, перебить этих нелюдей из засады – даже вот так, особо не прячась. Но кто ответит ему, зачем они появились здесь, и какому страшному богу понадобились человеческие жертвы? Только так – внешне безоружный и отчаявшийся – он мог получить хоть один ответ на бесчисленное множество вопросов. Получить правдивый ответ. И он не ошибся.

– Тебя зовут Святослав? – скорее просто уточнил, чем спросил чернобородый командир отряда; отвечая на немой вопрос охотника, он криво усмехнулся, – все матери любят своих детей. Первая же рассказала о тебе. За это она получила легкую смерть для себя и своего сына... Все они получили смерть... Я не люблю убивать женщин и детей... Но на то была воля великого бога (здесь взоры его подчиненных устремились к небу) и приказ его наместника в этом мире – нашего Повелителя.

Все головы дружно дернулись книзу. Чернобородый тоже склонился, опустив глаза, но Свет успел прочесть в них неприкрытый страх. А враг продолжил, уже не глядя в глаза охотника:

– Ваш род должен быть искоренен. Ты – последний!

Он шагнул к молодому охотнику, поднимая саблю.

Свет, протянув вперед руку, словно защищаясь от острого лезвия, воскликнул:

– Последний вопрос, о, воин!

– Говори!

– Переведи мне, – Свет на мгновение замешкался, а потом бросил в лицо врагу резкие слова, которые он слышал от чужака, нашедшего смерть в лесу.

Великолепная память не подвела его – эти слова, а особенно точно воспроизведенная интонация – заставила чернобородого отшатнуться.

– Умри во имя Повелителя Узоха, – выкрикнул он так же страшно, как прежде Большой, и... спохватился.

В его лице стало медленно проявляться понимание. Он даже обернулся, словно решив еще раз пересчитать свой поредевший отряд. Двух бандитов, отправленных в засаду, не было, хотя сигнал, поданный им раньше, означал общий сбор.

Его рука с саблей взметнулась вверх в замахе, но это было последним осознанным движением опытного воина. Свет плавным, но незамеченным противником рывком ушел в сторону от сабли, шагнул вперед, и уже за спиной Чернобородого нанес ему удар кулаком в шею.

Показывая ему такой удар в первый раз, учитель лукаво сказал: «Дробим камень». Шейные позвонки чернобородого были не каменными, но и они сейчас оказались раздробленными – как если бы они с размаху приложились к огромному валуну. Голова командира бандитов даже не дернулась – столь мгновенным было действие удара. Спустя некоторое время она все же начала заваливаться назад, в то время как сам чернобородый падал вперед, опуская руку с саблей.

Падение это еще не завершилось, когда сабля, оказавшаяся в руке Света, тонко пропела. Почти не задерживаясь (превосходная сталь!) – лишь изменив звук на более вязкий, чавкающий – она отделила голову стоявшего слева от предводителя бандита от его тела. На противоходе острый клинок повторил то же самое с его соседом.

Увлекаемая, казалось, нечеловеческой силой, кривая сабля развернулась, подалась чуть назад, и устремилась в живот одноглазого. Последний, выпучив в страхе и изумлении единственный глаз, начал вытаскивать собственную саблю из ножен, но не успел. Острое лезвие

прошло тело насквозь. По пути оно легко разрезало и плоть, и саму нить жизни, пока не наткнулась на арбалет за спиной одноглазого. Здесь клинок, рассчитанный – в отличие от меча – на рубящий, а не колющий удар, издал последний резкий стон и переломился у рукояти; настолько силен был этот удар.

Густое, застывшее время снова потекло в обычном ритме. Что-то резко выкрикнул, выхватывая саблю, один из пятерки бандитов, стоящих ближе к своим уже мертвых сотоварищам. Чуть дальше небрежно целили свои арбалеты четыре бандита. Они первыми и вступили в этот бой, только что казавшийся таким легким и предсказуемым. Страшное в ближнем бою оружие вскинулось прикладами к плечам, и остроклювые болты вонзились в землю – в том самом месте, где только что недобро скалился врагам охотник.

Сам он уже мягко перекатился из низкой стойки в сторону и, не вскакивая на ноги, метнул вперед молнии Дао, до сей поры мирно ждавшие своего часа за пазухой. Пятерка, рванувшаяся было вперед с саблями наголо, в ужасе остановилась. Арбалетчики, как по команде, выпустили свое оружие и дернулись руками к горлу. Арбалеты с тупым стуком упали на утоптанную землю – в то время, как меж пальцев их недавних владельцев быстрыми ручьями потекла густая кровь.

– Ну что ж, умрите во имя своего поганого Узоха, – проговорил последнее слово, словно выплюнул, Свет; руки его тем временем – внешне очень неторопливо – вынимали сейчас саблю из руки одноглазого, так и не успевшего до конца выдернуть ее из ножен.

Это имя словно придало и сил, и смелости врагам – пятеро воинов молча ринулись ему навстречу. Ринулись, чтобы снова остановиться в страхе при виде противника, словно одевшего стальную рубаху.

Прием, который применил Свет в этом бою, учитель называл Мельницей богов. Еще он уверял, что никому в подлунном мире он не подвластен. По крайней мере, из ныне живущих. Противник, замороженный сплошным мельканием клинка (или клинков), не успевал отклониться, когда из этой стены, где стремительный плавный рисунок не ломался, вдруг вылетало острое лезвие, чтобы тут же вернуться на свое место, оставив на земле очередного пораженного врага. Свет отработывал этот прием с одним учителем, но и против пяти врагов он оказался очень даже эффективным.

Бандиты были опытными рубаками, однако почти мгновенно четверо из них лежали бездыханными на земле, готовые рассказать об искусном мечнике своему богу, а пятый – самый малодушный – бросился бежать изо всех сил от страшного соперника, не выпуская, впрочем, из руки саблю.

До ближайшего дома он добежать не успел, потому что через невысокий плетень метнулась громадная серая тень. Острые зубы Волка сомкнулись на запястье труса; сабля со звоном упала на подвернувшийся камень, а сам он, сделав по инерции несколько шагов вместе с неподъемной ношей на руке, повалился на землю, закрыв лицо от грозного пса.

Свет подошел к последнему врагу и, посмотрев презрительно в его глаза, произнес въевшуюся в мозг фразу на чужом языке:

– Умри во имя Повелителя Узоха!

Тело врага обмякло, и молодой охотник остался один, не считая верного пса. Он старался не думать о том, что сегодня впервые в жизни убил человека, даже многих – пусть врагов. Только теперь он понял, как прав был учитель, когда говорил, что зла в мире куда больше, чем добра. А ноги сами несли парня туда, где он надеялся найти хоть одного живого сородича. В то же время он с отчаянием понимал, что одноглазый сказал правду...

Глава 2. Талисман

Свет нашел сородичей в Большом доме. Дом стоял у самой реки и служил местом, где при необходимости могла собраться вся деревня. Здесь отмечали все праздники, которых, впрочем, было не так много. А уж у самого Света...

Большой дом не отапливался, не имел за ненадобностью подпола; больше того – изза весенних половодий он был поднят над землей на толстенных столбах из мореного дуба, не знавшего гнили. Родичи лежали здесь все, уложенные рядами на полу и широких лавках. Именно уложенные, а не брошенные.

– Я не воюю с женщинами и людьми, – горько вспомнил охотник слова Чернобородого.

Свет медленно обошел комнату вдоль ряда сородичей; прошел во вторую – меньшую. Здесь, в комнате Совета, стояло большое деревянное кресло, помнящее, как говорили, самого Ясеня. В последнее время в нем сидел Радогор – глава рода, обездвиженный уже несколько лет. Свету он приходился родным дядей, старшим братом отца. А еще – приемным родителем.

Радогор и сейчас сидел в кресле, пригвожденный к высокой спинке четырьмя болтами. Пятый – с погнутым жалом – лежал у него на коленях. На груди главы тускло мерцал талисман рода – большой медальон неизвестного металла с изображением солнца на лицевой стороне. Что было изображено на другой стороне, не знал никто; кроме самого Радогора, естественно. Это всегда интересовало парня, особенно с недавних пор – когда при виде его Радогор стал непроизвольно подносить руку к шее, на которой всегда висел талисман. Сородичи называли его талисманом Ясеня и верили, что медальон обладает магической силой.

Внезапно Свет понял, точнее ощутил, что Радогора еще не коснулась тень смерти! Что четыре удара, каждый из которых был смертельным, не довели дело до конца. Радогор открыл вдруг глаза; по его губам скользнула тень улыбки.

– Дядя! – Свет бросился к нему, опускаясь на колени и оказываясь вровень с сидевшим стариком.

Не закрывая глаз – словно боясь, что не сумеет снова их открыть – Радогор очень тихо, почти беззвучно; но очень отчетливо, выделяя каждое слово, заговорил:

– Дождался... Талисман... Возьми...

Радогор замолчал, видимо, собираясь с силами. Он словно понял колебания племянника, потому что заговорил уже без пауз – горячо и на удивление громко:

– Возьми талисман у живого. В нем сила Рода...

Свет, повинуясь горящему взгляду старика, осторожно снял с главы талисман, и уже без колебаний одел его себе на шею. Радогор проводил святыню взглядом. Казалось, дождавшись родича, он завершил главное дело своей жизни.

Охотник снова невольно прикоснулся к талисману. Он не знал, что его готов был сорвать с шеи старца одноглазый бандит, путивший пятый болт в грудь Радогора. Грабителя остановил Чернобородый, строго бросив:

– Повелитель велел убить всех. И только!..

Из тела Радогора медленно истекали последние капли жизни. Через силу улыбнувшись Свету, он стал медленно закрывать глаза. Затем черты его лица ожесточились, и он бросил в лицо сородичу последнее слово:

– Отомсти!

И умер.

Потрясенный Свет коснулся лбом колен дяди и медленно поднялся. Он тихо произнес:

– Я отомщу, – и, подняв лицо к высокому потолку, закричал, – я найду тебя, где бы ты не скрывался! Ты слышишь, Узох? Найду, и отомщу!

Далеко-далеко, в мертвой пустыне, за полмира от речки Русинки – от мертвой деревни и от Света – в своем мрачном замке священнодействовал Повелитель Узох. Подняв бронзовый нож над тельцем чернокожего младенца, он готовился принести жертву своему богу, в которого сам втайне не верил. Невинный ребенок заворожено следил за бликами факелов на сверкающем лезвии ножа.

Рука Повелителя и мага начала опускаться, когда глухой грохот грома пришел с той стороны, куда больше года назад Узох отправил Чернобородого с полусотней лучших воинов. Затем ощутимый удар потряс черный монолит замка. Казалось, громадное здание готово сдвинуться с места, грозя похоронить Узоха вместе с тысячей преданных адептов жестокого бога.

Рука Повелителя невольно вздрогнула.

По рядам послушников, прежде безмолвным и неподвижным, пробежала дрожь. И это было самым страшным – если хоть один сейчас усомнится в силе бога или его благосклонности к Узоху... Если хоть один поднимется с колен...

Повелитель, смутившийся на мгновение, вдруг понял, что вера в великого бога и в него самого висит на волоске. Окрепшим голосом он закричал, перебивая в пространстве огромного зала и в умах адептов отзвуки грома:

– Великому богу угодна жертва.

В жуткой тишине бронзовый нож опустился вниз...

Между тем Свет, снова выйдя в большую комнату, медленно пошел вдоль скорбных рядов. Он прощался с ними, всматриваясь в каждое лицо, вспоминая с малых лет свою жизнь, бесчисленным множеством незримых нитей связанную с людьми, тела которых теперь лежали вокруг него.

Вот лежит жена Радогора – тетя Любаша, заменившая ему мать.

Мать, Светлана – тоненькая, ясноглазая как будущий сын – недолго прожила в замужестве. Почувствовав вскоре после свадьбы в себе маленький росточек новой жизни, она в радости не сразу заметила, как быстро начали таять ее силы. Чем больше рос под сарафаном живот Светлены, тем чаще она присаживалась передохнуть, стараясь незаметнее погладить, потереть под левой грудью.

Старая знахарка Ведотья, проходя мимо, не подавала виду, что в чертах Светлены все отчетливее проглядывает лик смерти. А помочь она ничем не могла.

– Лишь бы родить успела, – горестно вздыхала старуха, понимая, что ни сил, ни знаний ее не хватит, чтобы спасти любимицу рода.

Словно злой рок простер свою руку над этой молодой женщиной, не свершившей за короткую жизнь ни одного злого поступка.

Светлена успела. Он лежала счастливая и усталая на широких полотах. Ей поднесли сына. Мальчик молчал, появившись на свет; молчал и сейчас, когда его разглядывали любящие глаза матери и тревожные очи отца, сидевшего по другую сторону ложа.

Мать погладила голову ребенка, заглянула в его голубые глаза.

– Светлый-пресветлый, – прошептала она чуть слышно.

Лишь муж, Иванко, расслышал эти слова. Тут ее сердце, стукнув в последний раз, остановилось навсегда. Ребенка, не понимавшего еще ничего, пронзила страшная волна его дара. И в первый раз в своей жизни он закричал, выражая в крике – сам того не понимая – и боль утраты, и громкую просьбу не уходить, не оставлять его одного в этом большом мире.

Подбежавшие тут же бабки, да и отец тоже, смотрели сейчас лишь на него. И только когда ребенок замолчал, все вдруг поняли, что Светлана больше не дышит.

Теперь уже отец закричал – нет, скорее завыл, как загнанный, оставшийся без надежды спастись, волк. И так был страшен этот полукрик-полувовай, что бабки не выдержали. Подхва-

тив на руки ребенка, они выскочили из горницы. Отец же, рухнув на колени, гулко стукнулся головой о деревянный край полатей и, не чувствуя боли, надолго замер.

К сородичам, сбежавшимся к избе охотника Иванки, он вышел через полчаса. Постаревший на добрый десяток лет, он обвел взглядом собравшихся и остановился на старшем брате, Радогоре:

– Ребенок?..

– У нас, с Любашей, – ответил тот.

Иванко понимающе кивнул. Тремя днями раньше Любаша, жена Радогора, родила четвертую уже дочь, и теперь могла позаботиться о племяннике.

Охотник повернулся к бабкам:

– Приберите ее... А сына зовут Светославом... Светом... Она назвала, – добавил Иванко.

Вечером он отправил жену в последний путь, сам поднеся к погребальному костру факел. Затем, по обычаю рода, он тщательно собрал весь пепел, которого от огромного костра осталось на удивление мало, и положил его в крохотную, специально сработанную для этого случая лодочку.

Охотник опустил лодку в Русинку, и река медленно подхватила ее своим течением. Притихшие родичи внимательно следили за ней. Достигнув середины реки, лодочка замедлила ход, а потом и вовсе остановилась, словно находилась не на стрежне, а у тихого берега. Вот она закружилась на месте, как в омуте и медленно затонула.

– Приняла, – выдохнула единой грудью толпа.

Иванко повернулся к родичам; окинул их невидящим взглядом, словно говорил:

– Разве могла святая Русинка не принять чистую душу?..

Свет тряхнул головой, отгоняя тягостные воспоминания, идущие из детства, от рассказов доброй тетки Любаши. Теперь она лежала умиротворенная, без видимых ран, в окружении четырех уже взрослых дочерей и малолетних внуков.

Вот лежат молодые парни – друзья его босоногого детства. По страшным ранам на их телах охотник видел, что они не стали безропотными жертвами Чернобородого и его поделльников. Лежать бы Свету рядом, если бы...

Мысль его словно натолкнулась на глухую стену; она резко повернула в другом направлении: «Если бы он был в этот черный для рода день дома, может...». Он снова тряхнул тяжелой от горьких дум головой. Вспомнил слова учителя:

– Что толку жалеть о сделанном, и тем более о не содеянном, укоряя себя за ошибки. Нужно пойти и исправить их!

Охотник не мог вернуть к жизни сородичей, но отомстить за них, найти и покарать неведомого Узоха... Этому можно было отдать и время и силы, и жизнь.

Свет не мог знать, что почти три дня воины, незаметно окружившие деревню, наблюдали за ней. Чернобородый хотел быть уверенным, что весь род на месте, что из возможных походов вернулись все охотники. Срок в три дня он установил для себя заранее, и был уверен, что весь род Ясеня, живущий своей, оторванной от остального мира жизнью, поляжет в битве в один день. Выучивший по велению своего Повелителя, и с его дьявольской помощью, язык людей Ясеня, чернобородый вожак все таки допросил первую же попавшуюся ему на глаза молодуху. И был неприятно поражен, узнав о молодом охотнике. Понимая, что ни ему самому, ни его людям в дебрях, которые Свет знал лучше собственной избы, охотника ему не поймать, он устроил засаду.

Чернобородый не стал выяснять; он так и не узнал, почему охотника так долго не было дома. Так совпало, что его головорезы только свернули в двух лодках с Большой реки в двух лодках и принялись выгребать против медленного течения Русинки, когда Свет уже вышел ранним утром из деревни. Он шел с Волком к самым истокам Русинки, к границам земель рода. Туда, где ровно шесть лет назад, на глазах Света погиб Иванко – его отец.

После смерти жены постаревший охотник появлялся в деревне лишь для того, чтобы принести добычу. Он оставлял добытого оленя, или связку свежих невыделанных шкур в доме брата и долго сидел, глядя на сына – единственного, кто остался ему от Светлены. Затем, попарившись и отмывшись до скрипа, и переночевав в своем осиротевшем доме, Иванко снова уходил в лес с Серой – хитрой охотницей. Это была полусобака, полуволчица; она тоже избегала человеческого общества.

Так прошло шесть лет.

Свет, первоначально болезненный, вскоре окреп; он сделал без отца первый шаг, сказал первое слово. Мальчику было хорошо в большой и дружной семье Радогора. Любаша не отличала его от собственных детей, звала сыном. А если и смахивала иногда слезу со щеки – только когда была уверена, что Свет не видит этого.

Но все же мальчик несся изо всех сил, стоило только кому крикнуть: «Иванко пришел». Самым ярким воспоминанием его детства был горький смешанный запах лесных костров, пота и звериных шкур, который исходил от отца. Свет прижимался что было сил к его широкой груди и зарывался счастливым лицом в густую посеребренную бороду.

В один из таких дней Иванко, против обыкновения не ушедший поутру в лес, пришел в избу Радогора. Он был чистым, с постриженной коротко бородой, переодетый в деревенские одежды. Лишь Свет сразу узнал в переменившем обличе человеке отца. Он кинулся к нему. Любаша, медленно вставая из-за стола, внезапно осознала, зачем пришел Иванко. Страшась разлуки с ставшим ей родным мальчиком, она тихо заплакала. Следом встал и Радогор. Девочки, сидевшие рядом, и ничего пока не понимавшие, тоже заревели – вслед за матерью.

Охотник, потоптавшись у порога, вдруг неуклюже – низко, до самого пола – поклонился родичам.

– Спасибо за сына, – глухо прогудел он, выпрямившись – и снова поклонился, еще ниже.

Свет, разом понявший все, метнулся к своему углу, стараясь захватить в руки все свое нехитрое имущество – одежду, деревянный меч, сработанный недавно отцом, другие игрушки.

– Куда ж ты его такого малого? – бросилась было к Иванко Любаша.

Радогор перехватил ее, придержал рукой:

– Куда? Домой! И не реви! – цыкнул он на жену, – вон ведь изба – рядом.

Девки за столом заревели еще громче. Свет, виновато оглянувшись на отца, подбежал, обнял Любашу, повиснув на шее.

Радогор, махнув рукой, вышел вслед за братом из избы. Они молча сидели на лавке, пока Любаша не вывела за руку собранного мальчика. Следом высыпали и ее дочери.

Иванко действительно жил по соседству. Радогор с женой и детьми проводили взглядами отца с сыном и, пряча друг от друга погрузневшие глаза, вошли в дом.

С этого дня для Света началась новая жизнь. Без детских игр, поначалу тяжелая; полная неведомых раньше забот. Зато сколько было радости и тщательно скрываемой гордости после разведенного в первый раз самостоятельно костра; после первой добытой собственными руками белки. И эти годы были самыми счастливыми в жизни Света – потому что каждое мгновение рядом был любящий отец.

Детство кончилось одним мгновением, когда рано утром следующего после прощания с домом Радогора дня Свет с отцом и Серой ушел на первую в своей жизни охоту. Иванко щадил ребенка, берег его пока небольшие силы, однако строго следил, чтобы Свет добросовестно выполнял порученную работу. Впрочем, мальчику в радость было трудиться рядом с отцом. Проявившийся рано характер маленького охотника не позволял ему ныть и плакать, хотя новые заботы навалились на его детские плечи тяжелым грузом.

Начав с небольшой вылазки в лес, Иванко с сыном с каждой охотой уходили все дальше и дальше – туда, где можно было добыть серьезную дичь. Иванко спешил передать сыну весь

свой богатый опыт охотника-зверовика. Он словно чувствовал близкую разлуку. Только не мог предсказать, насколько эта разлука станет страшной и безвозвратной.

К двенадцати годам Свет далеко обогнал сверстников и в росте, и в силе, и в твердости характера. В последнем Свет, пожалуй, превзошел и своих взрослых сородичей.

В то черное лето Иванко с сыном собрались в дальнюю охоту – на медведя, лесного хозяина.

Радогор, ставший к тому времени главой рода, внезапно обезножил. Ведотья, лечившая в деревне старых и малых, беспомощно качала головой. Но все же она надеялась на какой-то древний родовой рецепт; на особую мазь. Для этого чудодейственного снадобья и нужен был медвежий жир. Но лесной хозяин давно уже не появлялся в окрестностях деревни. Знали, наверное, мишки, что теперь не один, а два знатных охотника готовы встретить их в лесу.

Иванко знал, где можно было встретить лесного хозяина. Туда – к истокам Русинки – он и отправился вместе с сыном. Серая, донашивающая последние дни тяжелый живот, нагулянный неизвестно где и неизвестно когда, на этот раз лишь проводила их до последнего дома деревни. И уже там завывала – горько и прощально – отчего наверно и высыпали на улицу многие родичи.

Но охотники уже не видели этого. Потрепав по очереди притихшую Серую за ухо, отец с сыном отправились в долгий поход. Ведь до границы земель рода – там, где начинала свой бег Русинка – было не меньше двух быстрых дневных переходов. Охотники не отвлекались на мелкую дичь – они искали задиры коры на деревьях. Причем такие, чтобы достать до верхних можно было только в прыжке. Потому что для снадобья нужен был жир матерого зверя.

Следы зверя попались им уже в разгар третьего дня. И привели они охотников к большой ягодной поляне на берегу совсем узкой здесь речки. Медведь, казалось, сам ждал их для смертной битвы. Он сидел – совсем как человек – и горстями обирал на диво крупную здесь землянику.

Это был не первый бой Иванко с огромным зверем. Поэтому он, стиснув рукой плечо сына, оставил его у края поляны и пошел вперед один, освободившись от лишнего припаса и оставляя лишь острую рогатину и длинный прямой нож на поясе.

Свет уже знал, что стрелять из лука бесполезно, да и небезопасно. Пробить густую шерсть и толстый слой жира стрелой почти невозможно. Раненного же, расвирепевшего зверя принять на рогатину во сто крат сложнее. Поэтому младший охотник мог только смотреть, как неспешно сближаются противники.

Подпустив охотника поближе, медведь, коротко рявкнул и вскочил на задние лапы, отчего еще больше стал напоминать огромного коротконового человека. Он пошел на Иванко, словно встречал на этой поляне близкого, давно не виданного родича, навстречу которому запахнул свои объятия. Свет в то мгновение весь покрылся холодным потом, представив, как сжимаются в смертельном объятии эти длинные лапы, оканчивающиеся страшными острыми когтями. Нет, парень не боялся – он переживал сейчас за отца, который бесстрашно шагнул навстречу зверю.

Вот Иванко остановился и направил в грудь зверя рогатину. Нижний край крепкого древка, сработанного из остролиста, надежно уперся в землю. Наткнувшись на острия, медведь замер, словно в раздумьях. Иванко махнул рукой перед его мордой, дразня зверя, и снова понадежней ухватился за оружие.

Медведь, свирепея, навалился на рогатину, принимая ее в грудь. Он словно еще сильнее тщился обнять сейчас «родственника», размахивая грозными лапами. Однако опыта Иванко – и в самой охоте, и в мастерстве изготовления орудий для нее – хватало. Никогда еще оружие, сработанное охотником, не подводило его. Вот и теперь рогатина, казалось, надежно удерживала зверя на безопасном расстоянии. Руки Иванко дрожали от напряжения; тело словно

вросло ногами в землю, позволяя лесному хозяину приблизиться лишь настолько, насколько уходили в его грудь деревянные острия.

Вдруг с сухим треском переломился надежнейший ствол остролиста, отобранный Иванко из многих сотен, а может, и тысяч заготовок. Он остался торчать в земле, обломленный в двух локтях от нее и по-прежнему целился в зверя теперь уже одним, не менее острым сколом. Длинный двуругий конец медведь с ревом выдернул из раны и отбросил в сторону.

Иванко, как знал его сын, уже бывал однажды в такой переделке. И вышел в прошлый раз из нее победителем. Теперь он тоже не растерялся. Двумя быстрыми шагами преодолев расстояние, отделявшее его от грозно ревушего зверя, охотник резким ударом достал сердце медведя ножом, который, казалось, сам прыгнул ему в руку. Умиравший зверь все-таки успел обнять охотника, к чему стремился с самого начала битвы, и увлек его на землю вчетверо большим весом.

Спину охотника встретила не трава, уже выбитая поединщиками, а острый скол рога-тины. Свет потом часто просыпался в испарине, снова и снова слыша этот страшный звук – треск разрываемой острым деревом плоти отца.

Лесной хозяин не успел еще придавить Иванко к земле, а молодой охотник бросился на середину поляны. Ужасные лапы хищника дергались, захватывая и выдергивая траву целыми горстями; они боронили землю острыми когтями. Однако сын бесстрашно шагнул вперед и ухватился за руку отца – единственное, что виднелось из-под громадной туши. Пальцы Иванко с силой стиснули ладонь сына, чтобы через краткое мгновение ослабнуть и отпустить ее.

По телу медведя пробежала судорога, и он, в последний раз дернувшись, замер. В это мгновение тело Света пронзила сила, пока непонятная ему самому; единственное, что не вызвало сейчас сомнения у отчаявшегося парня – Иванко тоже покинула жизнь. Свет упал было в рыданиях на мохнатую тушу медведя, но тут же вскочил, ухватившись уже в эти жесткие, дурно пахнущие космы, чтобы сдвинуть добычу с тела отца. И так велика была сила отчаяния молодого охотника, что огромная туша, казалось, сдвинулась немного с места.

Увы – сдернуть ее совсем не хватило бы сил не только у парня, но и у взрослого охотника – настолько громадный зверь сейчас лежал перед Светом. К тому же он (понял молодой охотник) был связан сейчас – через Иванко и острый кол, пронзивший его – с землей.

Осознав это, Свет с прежним отчаянием в глазах, но гораздо более решительным выражением лица бросился назад – туда, где лежали и отцовы, и его собственные припасы. Он вернулся с охотничьим топором и принялся с яростной энергией делать то, что было подвластно двенадцатилетнему охотнику – разделять огромного зверя вместе с шкурой. Отваливая без трепета в сторону дымящиеся куски мяса, без брезгливости отпихивая туда же скользкие внутренности, исходящие противным духом, он скоро освободил отца. С залитой медвежьей кровью одеждой, но чистым, разглаженным смертью лицом, Иванок, казалось, безмолвно прощался с миром – с сыном, с высоким небом, с малой речкой Русинкой, которую здесь можно было перейти в три больших шага.

Свет просидел рядом с телом отца всю ночь. Яркая луна позволяла отгонять от его лица мух и комаров, которые, конечно же, не могли причинить вреда мертвому охотнику, но больно ранили в сердце его живого сына. К утру Свет знал, что он будет делать. Он не мог отнести тело в деревню, до которой было около трех дней ходу налегке; не мог и оставить его здесь на растерзание диким зверям, отправившись за помощью. Поэтому скорбный ритуал, который сопровождал уход сородичей в иной мир, Свет решил провести сам.

С первыми лучами солнца молодой охотник начал собирать сухой валежник и сносить его к берегу Русинки. Солнце достигло высшей точки в небе и, казалось, остановилось. Так же остановилось и время для Света, следящего, как набирает силу погребальный огонь. В последний раз он смог продемонстрировать отцу, как быстро и умело может разводить костер.

К вечеру тихие воды Русинки приняли то, что осталось от Иванко.

А через три дня Свет стоял перед Радогором, сидящим в старинном кресле и протягивал вперед котомку, набитую медвежьим жиром. Стоявшая рядом Любаша пригласила его в избу, но юный охотник молча поклонился ей, повернулся и пошел в свой дом. Там он и стал жить один, с Серой и родившимся в этот день крупным, невиданным здесь прежде щенком.

Свет назвал его Волком.

Глава 3. Учитель

Свет в последний раз окинул взглядом сородичей, прощаясь с ними. Он низко поклонился от порога и вышел, решительно затворив за собой дверь.

Остаток дня и весь вечер охотник провел в однообразной работе, занимающей руки, но не мысли. Последний в роду, он должен был позаботиться о мертвых, достойно отправить их в последний путь. Свет решил устроить погребальный костер из Большого дома. Легко поднимая огромные вязанки сухих дров, Свет методически опустошал одну поленницу за другой. Дров было много – у каждого дома хранился, и постоянно пополнялся их запас.

Оставляя место для доступа воздуха, Свет заложил дровами все пространство между сваями, несущими дом; затем начал укладывать их вдоль стен. В последний раз он мог показать сородичам свое умение охотника-лесовика, искусно раскладывающего костер в любом месте и в любую погоду.

Невольно заглянув в один из дворов, Свет понял, почему в деревне стояла неестественная тишина. Вся живность, которая могла подать знак охотнику, была варварски перебита. Он словно воочию увидел и услышал, как не дождавшиеся в урочный час ласковых рук доярок коровы и козы начали мычать и блеять, и как к ним присоединились остальные – и прежде всего собаки. Все они пошли под ножи и под сабли. Собаки лежали вместе – в одном доме, рядом с которым, скорее всего и приняли неравный бой вместе с хозяевами. Не раздумывая, Свет подхватил тело первого пса, и не остановился, пока все они не заняли свои места рядом с людьми – на широкой веранде Большого дома.

В следующем доме он нашел захватчиков. Оглядев их с порога, он вышел, захлопнув дверь – продолжать свое скорбное дело.

Лишь поздним вечером поленница, опоясавшая дом, выросла до крыши. Уложив последнее полено, Свет решил, что не сможет отправить в последний путь сородичей, пока земля рода не очищена от скверны. Понимая, что попасть сюда захватчики могли лишь по Русинке, он окликнул Волка и отправился вниз по течению реки.

Искусно замаскированные лодки ждали его без всякой охраны в двух верстах от деревни. Отвязав большую из них и отдав ее воле течения, Свет с немалым трудом перегнал меньшую к деревенскому причалу. Если бы не слабое течение Русинки, даже его стальные мускулы не справились бы с парой весел – ведь раньше ее двигали вперед восемь таких пар.

Затем охотник, не выказывавший усталости весь длинный летний день, и вот уже половину короткой ночи, перетаскал в лодку тела разбойников. Последним, накрыв своим телом подельников, лег атаман. К звездному небу устремились и черная борода, и незрячие глаза.

– Не твоя это земля, не твоя река, не твое и небо со звездами, – почему-то прошептал Свет, отталкивая тяжело груженую лодку от берега, хотя никто не мог сейчас его услышать.

Лодка грузно развернулась и медленно растворилась в темноте.

Остаток ночи Свет провел в родном доме, твердо решив, что завтра покинет его – может быть навсегда. Здесь он прожил с отцом шесть счастливых лет; здесь долгими вечерами делился с ним мудростью учитель. Сквозь дрему охотник вспоминал эти годы, свою первую встречу с этим удивительным человеком...

Свет встретил человека, которого впоследствии назвал своим учителем, ровно через год после смерти отца. Гибель Иванко он пережил тяжело, но – один, хотя и не стал нелюдимым. Он по-прежнему много охотился; был добычливым и каждый раз с радостью возвращался домой.

С первой же своей самостоятельной охоты он принес двух ланей. Неся их на своих еще не окрепших, но довольно широких плечах, молодой охотник, выказывая характер, не остановился до самого Большого дома – там, где столпились мужики во главе с Радогором. Здесь он и сбросил добычу с плеч и так же, как совсем недавно отец, бросил дяде, сидящему на крыльце:

– Принимай, Радогор.

И дядька, пряча в усах и бороде любовь и гордость за приемного сына, а где-то в глубине и добрую усмешку, обсуждал с ним охоту; хвалил добычу.

С тех пор Свет стал главным добытчиком рода – ведь все меньше родичей, привязанных заботами к земле, доставали из запасников луки со стрелами и другой охотничий припас.

Тем летом, в большой праздник рода, когда на полях и огородах все уже было посеяно и посажено, а потом ухожено и пошло в рост, Свет даже принял участие в соревновании деревенских силачей. Он впервые поставил себя в круг взрослых. Неведомая сила подняла его с места, когда Кудлат – двадцатилетний детина с широченными плечами и пудовыми кулаками – обходил с молодецким видом круг родичей, с усмешкой поглядывая на поверженных раньше соперников. Уже три праздника Кудлат уходил победителем; теперь же только усмехнулся, увидев малолетнего поединщика.

Это была необычная пара – огромный, заросший светлыми волосами, мускулами, а кое-где и жиром Кудлат и крепкий не по годам, но все равно вдвое меньший своего соперника Свет.

Старший поединщик, широко разведя руки и улыбаясь, пошел не охотника, словно желая обнять, прижать к груди родича. Свет ждал соперника, стоя на месте, в середине круга, образованного зрителями. Он не пытался избежать медвежьих объятий Кудлата. Напротив – в последний момент сам шагнул навстречу ему. Однако руки здоровяка не встретили ничего, кроме воздуха. Молодой охотник, стремительно поднырнув под его руки, проскользнул впритирку к обнаженному торсу великана и через мгновение был за его спиной. Затем он так же резко нырнул вниз, ухватился за толстые лодыжки Кудлата и дернул их кверху.

Кудлат, который в это время продолжал обнимать пустоту, наклонившись далеко вперед, грохнулся на землю, не успев отвернуть лица от жесткой дернины. В следующее мгновение его правая рука потянулась назад, чтобы смахнуть, словно муху, охотника, который уже сидел на его спине. Свет, казалось, только этого и ждал. Он схватил Кудлата за запястье и, продолжая движение руки соперника, завел ее до затылка. Второй рукой Свет сильно прижал его заломленный локоть к спине.

Огромный парень еще попытался сопротивляться, скинуть охотника со спины, но жесткая, хоть еще и маленькая ладонь прижала локоть к лопатке соперника еще сильнее, и Кудлат взвыл от нестерпимой боли.

Так закончился этот поединок. Кудлат – скорее удивленный, чем огорченный – ушел, пожимая плечами, а Свет в неполные тринадцать лет был признан сильнейшим в роду.

А через несколько дней он в сопровождении Серой и переросшего ее за год Волка подошел к Радогору с необычайно серьезным лицом и сказал:

– Скоро не ждите.

– Далеко ли собрался? – поинтересовался дядя.

– К отцу... Через три дня будет год...

– Может, возьмешь кого с собой?

– Не надо, – отказался охотник, – дорогу помню.

Через три дня – ровно через год, начиная от последней охоты Иванко – он снова стоял на краю поляны. И снова перед его взором разворачивалась картина битвы, оставившей его сиротой. От тягостных воспоминаний Света оторвал залиvistый лай Серой и присоединившегося к ней Волка.

Они, наскაკивая на самый берег Русинки и возвращаясь обратно к хозяину, не зло, но предостерегающе облаивали незнакомца, лежащего за речкой. Тот руками обхватывал нетолстую березку, а затухающий взор, как показалось молодому охотнику, был полон мольбы и отчаяния.

Преодолев в три шага студёные воды Русинки, Свет склонился над телом. Тот уже не глядел на охотника; лишь сквозь плотно сжатые веки медленно просочились две слезинки. Еще

не дотронувшись до незнакомца, Свет понял, что смерть еще не взяла к себе человека, но уже готова сделать это.

Юному охотнику не удалось развести в стороны руки незнакомца, который словно обрел в березке последнюю надежду – так судорожно вцепился он в тоненький ствол. Пришлось Свету возвращаться на свой берег за топором – бегом, потому что неведомым чувством он отсчитывал последние мгновения жизни этого некрупного человека.

Четыре взмаха руки – и вершинка летит в одну сторону, а подрубленный под корешок ствол остался в руках незнакомца. Так, с оставшимся в руках несчастного колом, Свет подхватил оказавшееся на удивление тяжелым тело за плечи и поволок его на другой берег Русинки.

Показалось ему, или нет, но где-то на середине неширокого русла сведенное судорогой тело расслабилось настолько, что парень едва не уронил незнакомца в поток. Однако успел – подхватил его так, что лишь намочил незнакомцу и штаны и голые, без всякой обуви, ноги чуть сильнее, чем предполагал.

Положив незнакомца под густым тенистым кустом, молодой охотник наконец разглядел его. Он поразился никогда не виданным чертам лица. Прежде всего цвету – желтому, словно тот недавно переболел болотной заразой, переносимой комарами; широкому круглому лицу, напоминавшему полную луну; маленькому приплюснутому носику... Наконец узким, словно всегда прищуренным глазам – острым и пронзительным – которые вдруг распахнулись.

Незнакомец словно не лежал только что практически бездыханным. Он резко сел, подтянув ноги под себя. Бросив на охотника быстрый оценивающий взгляд, он проговорил несколько незнакомых слов.

Свет, не понявший ничего, тем не менее, ответил:

– Меня зовут Свет из рода Ясеня. Ты лежал там, – он ткнул рукой за спину, в сторону реки.

Незнакомец посмотрел на березовый кол в руках, аккуратно отложил его в сторону и сказал с заметным акцентом, тщательно выговаривая слова:

– Можешь звать меня мастером Ли, Свет из рода Ясеня, – он встал, – это ты принес меня сюда?

Свет утвердительно кивнул.

Мастер Ли удивленно огляделся кругом и поклонился Свету невиданным изящным поклоном.

– Сегодня ты спас меня от смерти более страшной, чем можешь себе представить. Я твой должник.

Свет, привыкший говорить со взрослыми на равных, тем не менее смутился. Он отвернулся, отыскивая взглядом собак. Обе сидели рядом – позади хозяина – и тоже разглядывали мастера. Щенок, давно обогнавший ростом мать, глядел, склонив на бок клыкастую морду. Он словно прислушивался к разговору. Мастер Ли так же изумленно и заинтересованно оглядел пса.

– Твой пес станет могучим бойцом, – он шагнул к Волку и потрепал его за ухом, – никогда не думал, что увижу когда-то настоящего охотника на тигров.

– На тигров? – изумился не меньше мастера Свет.

Изумился не только этому известию – ведь о страшных полосатых зверях он слышал только в сказках – но и тому, с каким удовольствием подставил Волк свою шею чужому человеку для ласки. А ведь раньше он не позволял такое никому, кроме хозяина.

– Ты смелый человек, мастер Ли, – почему-то одобрительно кивнул Свет, – давно никто не подходил к Волку так бесстрашно, как ты.

Пес, добродушно распахнув широченную пасть, в отличие от узких волчьих – как у матери и других деревенских псов – даже завилял хвостом.

– Я люблю собак, – просто ответил мастер, – и они меня любят.

Вскоре оба сидели у костра, подогревая жареный бок оленя, неосмотрительно подпустившего вчера охотника на выстрел из лука. Свет, глядя в яркое пламя, разгоняющее сумрак, внезапно рассказал мастеру Ли, почему он оказался здесь один, вдали от родной деревни.

Мастер молча слушал, понимая, что его слова не утешат; что юноша говорит скорее для себя, чем для собеседника. Но ни одна слезинка не стекла из глаз парня; лицо его – и так выглядевшее намного старше, чем можно было ожидать в тринадцатилетнем возрасте – сейчас, в отблесках костра, было словно высечено из камня.

Почти без слов они устроились на ночь и оба долго не могли уснуть, думая каждый о своем.

Наутро, уже в пути, мастер Ли спросил:

– Сможет ли род Ясеня принять меня?

Свет покачал головой:

– В деревне приветят путника, – затем добавил, – ненадолго... Тебе придется покинуть земли рода. Таковы заповеди Ясеня.

Мастер Ли не стал спрашивать, кто такой Ясень. Черты лица через несколько шагов молчания вдруг исказились, и он дрогнувшим голосом сказал:

– Тогда я умру.

Свет сразу поверил, вспомнив его лежащим на берегу Русинки.

– Я уговорю Радогора, – с жаром воскликнул он, и тут же ответил на молчаливый вопрос мастера, – это глава рода, мой дядя. Я уговорю его!

– Мой долг перед тобой утроится, – мастер Ли прижал руку к груди.

Свет тоже поднял руку, словно отказываясь от тяжелого груза признательности.

– Хочешь, – продолжил мастер, – я сделаю тебя мастером боя? Самым сильным, быстрым и умелым?

– Я и так самый сильный в роду, – гордо прервал его Свет; и тут же отвел взгляд, устыдившись.

Мастер лукаво усмехнулся:

– Что ж, попробуй повторить.

Он оглядел стоящие рядом деревья, выбрал одно, толщиной не меньше, чем внушительный кулак Света, и взмахнул рукой. Плавное движение ладони не задержал ствол дерева; лишь преодолев эту преграду, мастер остановил взмах.

Свет тряхнул головой, понимая, что подобное невозможно. Однако дерево, которое не каждый срубил бы ударом топора, вдруг завалилось набок, обнажая ровный срез – или скол – не смог сразу подобрать охотник названия творению голой человеческой ладони.

Мастер Ли, словно не замечая замешательства Света, снова огляделся; он выбрал теперь высокую ровную сосну. Медленно, словно нехотя, мастер направил к ней свой свой бег. Неторопливо, с кошачьей грацией, он подбежал к дереву, и так же, как кошка, продолжил свой бег уже по вертикальной поверхности. Казалось, что земля отпустила мастера, не тянет его к себе, как любого другого.

Добравшись до нижней ветки – на высоте никак не меньше пяти саженей – мастер на мгновение повис на ней, затем бесстрашно отпустил руки; мягко приземлился, сделал кувырок вперед и остановился, теперь улыбнувшись Свету. Подмигнув ошеломленному охотнику, мастер плавно побежал по поляне. Резко ускорив движение, он вдруг... исчез – как раз по центру прогалины. А ведь рядом не было не то что дерева – даже самого маленького кустика! Свет резко дернул головой, пытаясь продолжить движение мастера, и обнаружить его впереди. Тщетно!

Возникнув вдруг из небытия за спиной охотника, мастер Ли несильно хлопнул юного товарища по плечу. Свет вздрогнул, резко поворачиваясь. Он растерянно улыбался, сразу восприняв увиденное не как чудо или балаганный фокус, но как воплощение реальных, практиче-

ски безграничных возможностей человека. Не полученных благодаря капризу природы, а наработанных годами и годами тяжелых тренировок.

– Ты научился этому? – все-таки спросил он.

– Да, – коротко ответил мастер Ли.

– Ты научишь меня этому?

– Да, – повторил мастер, пряча улыбку.

Он не сказал охотнику, что его собственное обучение длилось долгих сорок лет. И не все они, особенно первые, были приятными...

Через три дня мастер Ли стоял перед Советом рода, ощущая спиной горячее дыхание юного охотника. Старейшины переглядывались и качали головами, слушая его просьбу о вступлении в род.

– Кто возьмет в мужья эту страхолюдину, – спрашивали они себя, оглядывая непривычное их взглядам лицо мастера.

Не был он и младенцем, которого, по заветам Ясеня, могла усыновить любая семья рода. Этим и заканчивались возможности вступления в маленький род. Радогор, с вечера выслушавший горячие просьбы племянника, лишь беспомощно пожал плечами. Он ничем не мог помочь родичу.

Но юный охотник был не так прост. Свет вдруг шагнул из-за спины мастера и повернулся к нему. Он положил руку на голову человека гораздо ниже себя, но годящегося ему не то что в отцы, а в деды, и торжественно произнес:

– Объявляю тебя своим сыном, – и, с вызовом обернувшись на старейшин, продолжил, – нарекаю тебя... Иванкой.

– Тебя бы самого еще усыновить, – выкрикнул вдруг Кудлат из рядов сородичей, окруживших Совет.

Видимо, в нем до сих пор дремала обида за проигранный поединок – вот она вырвалась; в самый неподходящий момент.

– Не тебе ли? – очень вовремя выкрикнул кто-то из той же толпы, и все дружно рассмеялись, очевидно, тоже вспомнив поединок. Напряжение ощутимо спало.

Совет, не нарушая заветов Ясеня, в которых ничего не говорилось ни о возрасте усыновляемого, ни – тем более – его будущих родителей, принял мастера Ли в род.

С этого дня для Света началась удивительная, наполненная каждое мгновение, жизнь. Мастер Ли, с внутренней дрожью вспоминая свои первые, самые трудные годы обучения боевому мастерству, не переставал удивляться неистовой энергии молодого охотника. Свет впитывал знания быстрее, чем пересохшие пески пустыни благодатные капли дождя.

Собираясь первоначально передать Свету лишь внешние, самые эффектные приемы владения техникой Дао, он сам незаметно втянулся в процесс обучения.

Один из двенадцати Великих мастеров Дао, Ли смог добраться до вершин искусства, впитав за десятилетия огромные знания, веками копившиеся в Обители. Это было не только искусство побеждать силой и ловкостью, оставаясь самому невредимым. В подвалах древней Обители Дао можно было найти свитки по всем областям знаний, ведомым человеку; труды лучших умов прошлого. Самыми разными путями они попадали в библиотеку Обители, равной которой не было в подлунном мире. Многие из них ни разу не были развернуты, пока до них не добрались жадные до нового руки мастера Ли.

А теперь этот водопад мудрости, спрессованный острым умом мастера в стремительный ручей действительно важных и полезных знаний и навыков, изливался на молодого охотника; впитывался его разбуженным мозгом.

С первых же дней им стало тесно в рамках родного языка Света. Тогда, по ходу занятий, он с ошеломительной быстротой выучил дуганский язык. Но и его не стало хватать, когда мастер решил, наконец, рассказать о причинах своего бегства из Обители.

– Нас стало одиннадцать – Великих мастеров Дао – когда скончался мой старый учитель, – начал он глухим голосом, – войти в наш круг должен был мастер Иджомах, и никто не поднял голоса против него. Он был честен с собой и с нами, когда давал клятву хранить и укреплять традиции Дао. Уже почти двенадцать столетий стоит в горах Обитель, основанная первым мастером Дао. Начиная с его двенадцати учеников, ни один Великий мастер не совершил поступка, повлекшего за собой ущерб Обители, не поплатившись за это жизнью. Впрочем, таких раньше не было.

Мастер Иджомах тоже не помышлял ничего во вред Обители. Напротив – он вознамерился многократно усилить ее. Я уже говорил о знаменитом поэте народов парсов – Фардосе, – напомнил он Свету, – он обладал великой силой, которой наделил свои стихи. Умирая, он оставил ее своему народу... И теперь эта сила воплощается в одной из Предводительниц кочевого племени парсов.

Мой бедный язык не в состоянии передать всей красоты его строк, но вот тебе краткий пересказ последней поэмы Фардоса: «... Придет крепкий телом и твердый духом человек и овладеет этой силой во благо другим. Что сделает он – свершит ли подвиг, спасаю гордую деву парсов, или принесет ее в жертву, знает только небо...».

Мастер надолго замолчал; Свет не двигался, боясь спугнуть воспоминания старого бойца.

– Но, – поднял наконец кверху палец мастер Ли: «... ничем не проявится сила эта в деве и найти ее – вот главная задача...».

– И.., – начал было Свет.

– И мастер Иджомах решил найти эту силу, дабы приумножить мощь Обители.

– Но ведь никто не знает, в чем заключена эта сила? – прервал его Свет.

– В чем, или в ком? – горько поправил его учитель, – что ж, Иджомах нашел выход. Он, конечно, не стал разъезжать по городам и весям, свершая подвиги во славу кочевниц. Но решил, что может обрести силу, принося их одну за другой в жертву во имя Обители. Полилась большая кровь, ведь ни одно гордое племя не отдаст свою Повелительницу без боя. И льется до сих пор, если только Иджомах не добился своего.

– И ни один из двенадцати мастеров не воспротивился этому? – спросил молодой охотник, уже зная ответ.

– Увы, лишь мне одному показалась чрезмерной цена за обладание силой. Приговоренный кругом Двенадцати к смерти, я бежал. Благодарение небу (он поднял голову кверху), что успел добраться до земель твоего рода... Нашего рода, – поправился он, улыбнувшись.

– Не знаю, какая сила хранит твой род – но она превзошла усилия одиннадцати Великих, пытавшихся вернуть меня. Там, где ты подобрал меня, Свет, я бы умер... Или повернул назад – к более ужасной смерти.

Мастер Ли надолго замолчал.

– Расскажи мне о Фардосе, учитель, – прервал, наконец, молчание ученик, – неужели в словах может быть сила?

В этом Свет убедился сам, выучив под руководством мастера парсийский язык – еще быстрее, чем дуганский. Он заворожено слушал наставника, переживая вместе с поэтом то яростный гнев, то безмерную печаль, то глубокую любовь, то обжигающую ненависть.

Учитель огорченно развел руками:

– Это все стихи Фардоса, которые я знаю. Слышал, что много их, не записанных, передают из племени в племя парсы. А может, сами сочиняют.

Как не велика была жажда знаний Света, все же больше он тяготел к боевым искусствам. Полностью отдаваясь тренировкам, он не раз удивлял учителя той скоростью, с которой общался к мастерству Дао. Случалось, что и отвергал тот или иной прием, или изменял его, подгоняя под собственное тело и темперамент.

Так, скептически разбирая нарисованный учителем на куске бересты арбалет, Свет ткнул пальцем в зарядно-пусковое устройство оружия:

- Сколько времени пройдет, чтобы снарядить, прицелиться и выстрелить?
- Умелые стрелки за минуту могут сделать десять... даже пятнадцать выстрелов.
- А сколько это – минута? – спросил озадаченный Свет.

Учитель к тому времени еще не познакомил его с исчислением времени, принятом в более цивилизованном мире. Тонко чувствуя ритм времени, он медленно отсчитал минуту.

- Считай снова, – попросил Свет, поправляя колчан со стрелами.

Затем, ухватившись привычно за изогнутый лук, наложил первую стрелу. Мастер еще не успел закончить счет, когда колчан опустел. Сорок идеально ровных стрел, изготовленных самим охотником из побегов остролиста, не издавших в полете даже намека на звук, сейчас дрожали в толстой березе – в полусотне шагов от них.

Казалось, на дереве мгновенно выросла идеально ровная вертикальная строчка оперенных веток, которые никак не желали успокаиваться. Учителю пришлось согласиться со Светом, что тому лучше оставить на вооружении лук. Однако про себя мастер подумал, что и с арбалетом ученик справился бы не менее впечатляюще.

Однако по-настоящему изумлен был мастер, когда они перешли к изучению фехтовального искусства. Взяв впервые в жизни в руки настоящий меч, Свет неожиданно провел прием, который, казалось мастеру, не знал ни один человек в подлунном мире – кроме него. Он отыскал его когда-то в древнем свитке, и упорно тренировался в исполнении Мельницы богов – так назвал его неведомый автор старинного текста. Ли так и не показал его никому, поскольку и сам не смог в совершенстве овладеть этой поистине несокрушимой, и не знающей преград манерой мечного боя. А может, он потому и не хотел никого знакомить с Мельницей, потому что знал, что против нее нет защиты?

Сейчас, пропустив выпад, пробивший его умелую защиту, мастер в изумлении замер. Ученик бросился к нему, досадуя на себя за сильный удар, но учитель остановил его ладонью:

- Кто научил тебя этому?
- Никто, – пожал плечами Свет.

Мастер Ли напряг память, вспоминая имя легендарного героя из старинного списка.

- Имя Владимиреж ничего тебе не говорит?
- Нет, – ответил Свет, – а кто это?

– Древний герой славянов. Воин, придумавший этот прием и единственный, кто владел им до меня... И до тебя, – учитель снова удивленно покачал головой, – кстати, в народе его называли Ясным Солнышком. Славный герой древности – сильный и красивый; светловолосый и голубоглазый...

Мастер с подозрением посмотрел на Света и рассказал ему удивительную историю, которую за давностью лет мало кто знал:

– Это было очень давно – почти семьсот лет прошло с тех пор. Страны и народы жили тогда по прихоти черного мага и колдуна Тораса. Много силы было у этого чародея; но еще больше властолюбия. Говорили, что он заключил договор с самыми ужасными порождениями тьмы, по которому в жертву приносились целые города и селения.

Ничто не могло остановить его до тех пор, пока войско не вторглось в пределы государства славянов. Две рати встретились у стен столицы этого древнего народа – Зеленграда. По обычаю того времени перед битвой сошлись их предводители.

Вид Тораса – черного лицом и одеждой, с одним лишь посохом в руках – бросал в дрожь не только самых отважных воинов Владимирежа, но и его собственных подданных. Казалось, сама природа помогала чародею. Небо заложило черными тучами, среди которых сверкали ветвистые молнии, дожидавшиеся своего часа в битве.

И вдруг солнце на мгновение разорвало тяжелый покров неба, и его яркий луч упал в то место, где застыл на коне князь Владимир. Тучи тут же заделали брешь в своих рядах, но солнечный луч, не исчез совсем – он словно продолжал жить в доспехах князя. Подняв сверкающий меч, Великий князь славянов поскакал на врага. Его конь, только что с диким храпением не желавший шагнуть вперед даже на полшага, с отчаянным ржанием быстро и смело помчался вперед.

Невозмутимый в своей страшной силе чародей поднял навстречу острому клинку посох. Он так и не успел понять, что кто-то более могущественный у него на глазах наделил князя Владимира своей энергией. Меч, словно молния – прямая и светлая, а не корявая и кроваво-красная, как в тучах – рассек и посох, и самого чародея, разделив его на две половинки. Они еще несколько мгновений попирали чужую землю, а затем рухнули назад, в направлении собственного войска.

И началась великая битва. Войско чародея, из которого словно выпустили дух, дрогнуло. Наемники, чьи руки и души были залиты кровью невинных жертв, понимали, что пощады им не будет. Прежде уверенные в своей непобедимости, они до последнего человека полегли на поле брани...

– И что было с князем дальше? – прервал Свет молчание, наступившее в их беседе.

– Летопись подробно рассказывает о жизни князя славянов – о его мудром правлении, и, что интересно, о таинственной отлучке из столицы, которая длилась не меньше двух лет. Владимир покинул столицу вскоре после той великой битвы. Вернувшись, он объяснил детям и подданным, что искал место, где мог спрятать силу, дарованную ему свыше. На возглас старшего сына о том, что силу эту могли сохранить и приумножить его дети, внуки и правнуки, князь лишь грустно улыбнулся. Может, он предвидел недобрую участь того, кто будет владеть волшебным медальоном, в котором, как говорилось в свитке, и была заключена эта сила?

Ведь к власти, к обладанию силой стремятся обычно недобрые люди. Противостоять им может человек могучий и телом, и духом, и душой. Может, среди своих официальных наследников он не видел такого?

– Официальных?! – воскликнул в недоумении Свет.

Учитель хитро улыбнулся, отчего его глаза совсем потерялись на широком лице.

– Но ведь где-то князь пропал два года. Кому-то он оставил медальон. Слушай его описание – оно тоже приводилось в свитке. Искусный мастер изобразил на лицевой стороне облик самого героя, князя Владимира. А на другой стороне было изображен символ божества, поделившегося с ним своей чудесной силой – солнце.

Молодой охотник ахнул, вспомнив талисман рода, бережно передаваемый главами рода из поколения в поколения. Все считали, что лицевым на нем было как раз изображение солнышка, а что было спрятано на обратной стороне – то было известно только главе. И интересоваться этим знаком, всегда висевшим на шее очередного старшины маленькой деревушки, было не принято.

– Так значит...

– Я тоже думаю так! – закончил его мысль учитель, – князь оставил силу твоему роду. Потому и не смог достать меня здесь круг Двенадцати... Пока не смог.

Мастер Ли помрачнел и опять замолчал.

– А как же яшень?

– Много ты тут ясеней видел? – перебил мастер, – вспомни лучше, как называли Владимира в народе – Ясным Солнышком. Ясным! За прошедшие века он стал Ясенем... А может, и сам назвался так твоим предкам – чтобы та красавица, что стала его избранницей, не возгордилась; да чтобы лишние слухи отсюда не поползли. Ведь...

Мастер ли не стал заканчивать мысль, только что появившуюся в голове – Свет мог быть прямым потомком великого князя – только этим; памятью рода, или, если хотите, памятью

крови, можно было объяснить уникальную способность юного охотника. Эта память дремала многие поколения, и вот проснулась – в его ученике.

Мастер Дао зябко передернул плечами – не от гордости за такого ученика, а от недобрых предчувствий. Кровь великих героев, замешанная на силе светлого божества, не просыпается случайно. Мир – внезапно понял Ли – ждут великие потрясения.

Свою догадку, и свои предчувствия мастер от Света скрыл. По молчаливому соглашению они больше не говорили о Владимире; не открыли тайны Талисмана и сородичам.

А эффективность занятий с этого дня резко возросла. Казалось, вместе с памятью крови – если она все-таки была – проснулись и силы, дремавшие прежде в охотнике. Не забывая о долге лучшего, а в последнее время и единственного охотника деревни, Свет упорно впитывал в себя уникальный опыт и обширные знания учителя.

И настал наконец день, когда мастер Ли, поклонившись ему после очередного тренировочного боя, сказал:

– Теперь ты знаешь столько же, сколько и я. А сможешь узнать больше, если не остановишься.

Учитель продолжал заниматься со Светом, но стал с тех пор замкнутым и нелюдимым. Он перестал ходить с учеником на охоту; долго сидел, уставившись в одну точку, и поглаживая густую шерсть заматеревшего Волка.

Однажды ночью он исчез. Свет, вернувшийся ближе к вечеру после долгой охоты, на которую мастер Ли в очередной раз не пошел, бросился в распахнутую настежь дверь и нашел там только налобную шелковую повязку учителя, на которой на языке Дао был искусно выведен единственный иероглиф: «Надежда».

Схватив прощальный подарок мастера, он бросился вместе с собакой в лес. Волк шел по следу до того места, где за неширокой Русинкой от старого березового пенька вымахало несколько тонких стволиков, уже обогнавших ростом охотника. Перепрыгнув через ручей, Волк сел у этих деревцев и завыл, глядя на хозяина обиженно и виновато.

Свет понял, что могущественный круг Двенадцати мастеров Дао достал таки его учителя. Мастер Ли ушел, оставив надежду в земле рода Ясеня...

Глава 4. Предводительница парсов

Первые лучи солнца Свет встретил на берегу Русинки, уже готовый к прощанию с родичами. Он неожиданно вспомнил давний разговор с учителем. Мастер Ли тогда впервые на правах родича участвовал в погребальной церемонии. В последний путь провожали древнего старика, покинувшего род своей смертью.

Учитель удивленно крутил головой:

– В каком же виде предстанет он перед Создателем, когда Небо призовет его!?

– А что, – удивился в свою очередь Свет, – разве вы не предаете огню своих мертвых?

– Нет! – даже замахал на него мастер Ли, – гляди.

Он задрал такую же, как на Свете рубаху и показал ему пояс, образованный тонким и длинным куском ткани. Размотав один виток вокруг талии, учитель добавил:

– Когда придет мой последний час... обещаю тебе, что завернешь мое тело в этот саван и зароешь в лесу так глубоко, чтобы не смогли достать дикие звери.

Свет с внутренним содроганием дал ему такое обещание. Он вдруг представил себе, в каком виде предстанет перед неведомым Создателем человек, который пролежал после смерти в земле несколько месяцев... или лет.

– Нет! – сказал он про себя, – огонь чище и... надежнее.

С этими словами он сунул факел, объятый пламенем, в кучу бересты – под крыльцо Большого дома, где все пространство было забито сухими дровами. Огонь, облизывая полешки, дополз до смолистой стены дома и вдруг расцвел, взбух гигантским цветком, заставив охотника отступить назад.

В этот момент вдруг высоко, на одной ноте, завыл Волк. Свет отступал от набиравшего силу огня до тех пор, пока не наткнулся на пса. Он прижал к своему боку огромную голову Волка – единственного оставшегося в живых существа, которое он мог назвать родным.

Огонь набрал силу и загудел. В безветрии он – почти бездымный – поднимался прямо вверх. И уносил с собой смрад горящих человеческих и собачьих тел, а может и души тех, кто сейчас тоже прощались с родичем.

Свет стоял недвижимый Он наблюдал как стали исчезать строгие формы дома; как обвалилась, не выдержав своего веса, высокая крыша, взметнувшая к небу целую тучу искр и мелкого пепла. И лишь когда сила огня заметно спала, охотник бросился ему на помощь. Он передвигал к центру огромного костра недогоревшие бревна сруба, широкой снеговой лопатой подгребал туда же пепел, тлеющие угли и то, на что он старался не обращать внимания.

Его лицо покрыл черный слой сажи, который то и дело перечеркивали дорожки не замечаемых Светом слез, мгновенно подсыхающих от жара костра. К полудню на берегу Русинки от рода Ясеня остались лишь Свет да большая куча серого пепла. Он загрузил пепел в большую лодку и оттолкнул ее от берега.

Вопреки всем законам природы лодка медленно заскользила поперек течения Русинки. На середине реки она остановилась; затем, ускорившись, начала кружиться на месте. Гигантская воронка подняла свои края и почти скрыла ее от глаз Света. Острый нос лодки мелькнул в последний раз, и воды Русинки погребли прах, погнав высокую волну к ногам Света.

Охотник, согреваемый прежде огнем и тяжелой работой, внезапно почувствовал озноб. И лишь грудь его словно согревала чья-то теплая ладонь. Свет машинально нащупал талисман, о котором забыл сразу, как только надел его на шею. Он повернул его в руках, и с безграничным удивлением увидел на обратной стороне свое собственное выражение.

– Нет, – поправил он себя, разглядывая великого предка, – князь Владимеж был постарше и... посуровей.

Он не знал, что последние события добавили его переносице упрямую складку, а всему лицу ту самую суровость, которая ему прежде не сопутствовала. Теперь его сходство с предком было полным.

Свет поднял кверху сжатые в кулаки руки; в правом был зажат талисман. Он закричал потрясая ими и изливая небу и боль утраты, и ненависть к врагу:

– Я найду тебя, Узох! Слышишь, найду!!!

На другом краю планеты, в мрачном замке Узоха, в это мгновение часы пробили полночь. С последним боем в комнату Повелителя невидимые руки втолкнули девочку. Узоха в последнее время не радовали прелести взрослых наложниц. Его теперь возбуждали лишь стоны и крики жертв насилия, и он приохотился к совсем юным девушкам, меняющимся каждую ночь.

Очередная жертва огляделась вокруг. Ее испуганный взгляд не доставал высоких потолков и стен помещения, погруженного в полумрак; она замерла, наткнувшись взором на бледное лицо Повелителя. Потрясенная чернокожая девочка, впервые в жизни увидевшая белолицего человека, невольно вскрикнула.

Довольный ее страхом Узох быстро преодолел разделявшее их расстояние; он сильно рванул вниз простое девичье одеяние – длинную, до пят, кафию.

Полотно, не выдержав, треснуло, разом оголив тоненькую фигурку. Узох удовлетворенно кивнул и потащил всхлипывающего ребенка к ложу, почти не заметному во тьме. Он бросил ее на жесткое одеяло, когда стены замка вдруг потряс удар. Пламя единственной горящей свечи испуганно заметалось в сгустившейся темноте. Со стен что-то с мягким стуком посыпалось на густой ковер. В углу – у столика – из упавшего на тот же ковер кубка брызнуло, разливаясь и медленно впитываясь в ворс, драгоценное вино.

Узох застыл, силясь понять причины катаклизма. Потрясение закончилось, перейдя в глухой подземный гул. Повелитель вернулся было к своей жертве, чтобы вскоре убедиться, что продолжения этой ночью уже не будет. Поняв просыпающимся женским чутьем, что одной опасности она сегодня избежала, девочка несмело улыбнулась. Лучше бы она этого не делала. Впрочем, изменила бы покорность что-либо в ее участи? Вряд ли.

Узох, прекрасно видевший в темноте, грозно нахмурился. Знать даже о временной слабости Повелителя не позволительно было никому! Девочка, которую Узох подтащил за длинные волосы к столику, поняла это слишком поздно. Кувшин, поднятый с ковра, обрушился на ее голову. Коротко вскрикнув, девочка упала на пол. Темное пятно на ковре начало расти, питаемое кровью жертвы.

Взяв со столика серебряный колокольчик, Узох несильно дрогнул кистью. Он не стал дожидаться прислужников, которые всегда ждали за дверью. Те, уже вышколенные, знали, что им предстоит делать – редкая жертва покидала покои Повелителя живой.

В соседнюю комнату, куда прошел Повелитель, доступа не было никому. Кроме каменных, ничем не облицованных стен, в ней было только огромное вогнутое зеркало, подобного которому – знал Узох – в подлунном мире больше не было. Зеркало было обрамлено по кругу рядом странного вида свечей. Узох поочередно зажег их, привычно исторгнув из указательного пальца струю пламени.

Комнату заполнил приторный чад горящего человеческого жира. Повелитель невольно поморщился – не столько от этого отвратительного запаха, сколько от воспоминаний тех жуткий мгновений, когда изготавливал эти колдовские атрибуты из плоти замученных жертв. Изготавливал собственноручно – иначе свечи не стали бы подчиняться ему.

Узох произнес заклятие и зеркало медленно осветилось. Повелитель заметно оживился – ведь магическое стекло уже семь дней не отвечало ему. В сущности, зеркало было огромным оком, связывающим Повелителя незримыми нитями с глазом Чернородого – где бы

тот не находился. Узох предполагал, что в тех таинственных землях, куда он отправил одного из самых доверенных, а главное – самых опытных адептов – зеркало может не сработать. Тем большим было его нетерпение.

Набравшее четкость волшебное око не радовало разнообразием картинки: высокое небо, облака, мелькнувшая ветка неизвестного дерева.. Повелитель послал Чернобородому мысленный призыв. Адепт не ответил, и Узох понял – верный прислужник мертв. А вместе с ним и весь его отряд, набранный с великим трудом – нелегко было в центре Черного континента набрать полсотни белых воинов. Таких, что не разбежались бы вдали от власти Повелителя. И он нашел их. Сбежавшие из родных краев преступники и искатели приключений, они разными путями попали к Узоху, где составили отборный отряд. А кого еще можно было послать в глубь Белого континента – не темнокожих же прислужников, составлявших подавляющее большинство адептов бога, чьим живым воплощением на земле называл себя Повелитель Узох?

Внезапно в зеркале появился огромный клюв. Полная мертвой плоти лодка, медленно плывущая по Большой реке, привлекла к себе внимание семьи черных воронов. Клюв стремительно вырос в размерах и стекло покрылось сетью мелких трещин. Узох закричал, прикрыв ладонью левый глаз, в который словно попал осколок волшебного стекла. И этот крик донесся до умершего уже мозга Чернобородого. Тело его вдруг вздрогнуло, и даже попыталось приподняться, но лишь скатилось с груди других трупов. Тяжело груженная лодка накренилась и зачерпнула краем борта волну Большой реки. Она вдруг начала переворачиваться, роняя свой страшный груз в воду – навстречу жадным пастям обитателей речных глубин.

Зеркало, покрытое узором трещин, налилось голубым, темнеющим с каждым мгновением цветом. Узох бросился к дверям, понимая, что совсем скоро и этого цвета не будет – как только глаз Чернобородого разжует какая-нибудь прожорливая рыба.

– Любина ко мне, быстро, – бросил он в отворившуюся дверь, и мертвая тишина, которая всегда сопровождала колдовские бдения Узоха, взорвалась топотом ног, а потом и криками прислуги.

Через несколько минут перед Повелителем стоял, не поднимая от пола глаз, человек, которого можно было бы назвать его любимцем – если бы он вообще мог питать к кому-то чувства, отличные от презрения и превосходства. Узох коротко, но емко вывалил на Любина запас информации, которой тот должен был обладать. Белолицый адепт с лицом ангела и душой прирожденного убийцы молча кивал, запоминая все с первого раза.

– Убей всех, сколько бы их не осталось, – прокрипел ему прямо в лицо Узох, – и стариков и детей. И последнее – самое главное; если будет что-то происходить непонятное, нажми на левый глаз – вот так!

Жесткий палец Повелителя ткнулся в глаз Любина, но тот не шелохнулся, замирая от ужаса. Повидавшему, казалось, все на свете убийце стало не по себе, когда в его мозг ворвались слова колдуна – непонятные и странные. Лицо Повелителя с покрасневшим глазом оскалилось в торжествующей улыбке, и Любин почувствовал, как его затягивает в себя зеркало, покрытое странным узором трещин.

Сила Повелителя росла, и теперь он мог перебросить человека туда, где был лишь намек на его магию. Потому он и спешил, пока глаз Чернобородого не растворился в брюхе какой-нибудь речной твари.

Любин ощутил вокруг себя холодную воду и мгновением позже с громким всплеском всплыл в Большой реке, откашливаясь и отплевываясь. Едва обсохнув, он зашагал через лес в направлении деревни рода Ясеня, срезая угол, образованный течением Русинки и Большой реки, в которую она впадала.

Потому его и не встретил Свет, который закончил свое скорбное дело, погрузил в лодку охотничий припас и Волка и оттолкнулся веслом от родной земли, чтобы, возможно, никогда больше не ступить на нее.

Он проплыл по Большой реке несколько дней, замечая на берегу все больше следов человеческой деятельности и останавливаясь только для пополнения припасов. Учитель говорил ему, что в подлунном мире зла куда больше, чем добра. В этом Свет убедился при первой встрече с чужаками.

Сумерки уже накрывали собой реку и лес, тесно подступивший к ней, когда кто-то невидимый в чаще грубо окликнул его. Свет не успел ответить, услышав вдруг нежное шипение летящей стрелы. Острие вонзилось в то место, где только что сидел охотник, и с прикрепленной к стреле горячей пакли в лодку плеснуло пламенем. Свет, а вслед за ним и Волк, с шумом отправились к противоположному берегу Большой реки, чтобы, переждав, по широкой дуге вернуться туда, где шумели, что-то выкрикивая и смеясь, неведомые враги.

На лесной поляне, у края которой затаился охотник со своим псом, кипела жизнь. Освещенные большим костром, здесь пили, ели, смеялись; а порой и ругались с дюжину крепких, совершенно разбойничьего вида людей. Среди них чужаком выглядел низенький, весь круглый человечек в богатых одеждах. Нужно было очень недолго всматриваться в это лицо, в его порочные плутоватые глазки, заплывшие жиром, как и все остальное в теле, чтобы понять, что ватага грабителей и насильников – самое место для него.

В дальнем от Света конце поляны паслись стреноженные кони; стояла большая крытая повозка и шевелилась какая-то смутная темная масса.

Сидевший у костра огромный человек поднялся, подхватил пылающую ветку и направился к повозке. В дрожащем от ветра свете факела отразились человеческие фигуры, жмущиеся к колесам. Они были связаны или скованы незримыми на расстоянии путами. Великан нагнулся к одной из них; звякнули о стальные оковы ключи и жертва, издали очень маленькая, оказалась на широком плече. Раздался пронзительный девичий крик, подхваченный проклятиями остальных узников. Тут же к ним присоединились громкие вопли боли, сменившиеся стонами, поскольку огромный башмак с размаха ткнулся в ребра одного из вопящих.

Сидевшие у костра разбойники громко захохотали, перекрыв проклятья. Насильник приблизился к костру и принялся рассматривать и ощупывать хрупкую девчужку на весу, словно в руках у него была кукла. Лишь толстячок сверкнул порочными глазками и пробормотал вполголоса по-дугански, сколько он вычтет из доли добычи великана.

Тот, не обратив ни на вопли, ни на хохот подельников, а тем более на злобный шепот толстяка никакого внимания, удовлетворенно кивнул своим мыслям, и направился во тьму, пройдя всего в двух шагах от затаившихся охотников – Света и Волка. Он не заметил, как две серые тени скользнули вслед за ним.

В эти мгновенья Свет видел перед собой яркую, хоть и неприятную картину суда над подобным насильником в родной деревне. Он, еще маленький, стоял в кругу родичей, в центре которого переминался с ноги на ногу молодой парень, не смеявший поднять на людей глаза. Не воспринимавший реальности, набравшийся допьяна браги, парень шел поутру по лесной тропе и встретил – на ее и свою беду – односельчанку, совсем молоденькую девушку. Зажав широкой ладонью рот жертвы, он потащил ее в кусты.

Теперь он стоял, не смея поднять глаз, ожидая суда Совета, который не всегда был жестоким, но почти всегда – справедливым. Суд был скор – и тут же последовало наказание. Поваленный наземь насильник, удерживаемый крепкими руками сельчан, не сопротивлялся; он лишь тонко закричал, когда его естества коснулся холодный острый нож коновала. Последний, испуганно оглянувшись на родичей, пожал плечами, и полоснул по живой плоти. Он сделал свое дело быстро – ведь до этого он уже лишил ненужной мужественности великое множество бычков и поросят...

Свет, с усилием отогнав тягостные воспоминания, беззвучно обрушился на остановившегося насильника. До сидящих вокруг костра донесся лишь хриплый стон, который они встретили новым взрывом хохота и непристойностей.

Однако этот взрыв тут же превратился в изумленный, а потом и испуганный общий вопль, когда от ближайшего куста, от которого до костра было никак не меньше пяти саженей, вылетело безвольное тело гиганта, раскинувшего в полете руки и ноги так широко, словно тот пытался объять всю поляну. Гигант так и рухнул огромным крестом в костер, взметнув кверху яркий сноп искр, и едва не затушив его. Впрочем, пламя тут же нашло благодатную пищу, и с довольным «урчанием» начало поглощать сухую одежду здоровяка. А тот не реагировал, задрав к небу лицо с невидящими глазами, повернутое под таким неестественным углом, что сразу стало понятным – этот человек уже ни на что не будет реагировать.

Два бандита бросились вытаскивать тело за ноги из костра и сбивать огонь с горячей одежды, а остальные вскочили навстречу стройному широкоплечему парню с приметными ясными глазами и двумя глубокими морщинами на переносице. Парень вышел из леса, ведя за руку девочку. В руках у него не было оружия, но он смело остановился напротив разбойников, уже тянувших руки к разномастным клинкам.

– Бросьте оружие, – сказал Свет, протянув вперед с выставленной вперед ладонью, словно та могла защитить от острой стали, – и вы останетесь живы.

– Ах, ты.., – взмахнул клинком один из бандитов.

И тут же осел, еще не ощущая боли, но с ужасом глядя, как сабля медленно, словно нехотя, падает вниз вместе с кистью его руки, начисто срезанной неведомым лезвием. Оружие с тупым стуком опустилось на землю, и тут же рядом упал его владелец, заливая все вокруг кровью.

Свет не спеша подошел к нему и подобрал одну из своих молний – подарок учителя. Он положил ее рядом с другими в потайной карман, машинально оттерев, хотя ничто не могло пристать к острейшему диску, покрытому непонятными знаками. Затем он занялся раненым, благо среди наук, которыми он овладел благодаря мудрому мастеру, лекарское дело было не на последнем месте.

– Следующий получит в голову, – бросил он толпе сгрудившихся бандитов и склонился над телом, отрывая рукав рубашки потерявшего сознания разбойника – будущий жгут.

Еще один из бандитов – видя, что незнакомец занят рукой их подельника – попытался было незаметно прыгнуть ему на спину. Однако он тут же рухнул, дернув руками в направлении расколотого надвое лба. Больше никто из потрясенных противников не мешал Свету, вернувшему на место и вторую молнию, показывать свое врачебное искусство. Тем более, что из лесной тьмы вдруг выпрыгнул и уселся напротив них огромный серый пес, который словно нарочно зевнул, показав всем огромные клыки.

Наконец Свет закончил, подошел к тлевшему до сих пор труп здоровяка и достал из уцелевшего от огня кармана штанов связку ключей.

– Все? – спросил он маленького круглого бандита, оказавшегося к нему ближе других.

Тот судорожно мотнул головой и вытащил из кармана еще одну связку, одним движением выделив самый большой ключ.

– Этот от общей цепи, – угодливо сказал он, кланяясь.

Свет взял ключи и, не обращая больше внимания на согнувшегося в глубоком поклоне коротышку, направился к пленникам. Отомкнув общую цепь, он протянул обе связки глядевшему на него исподлобья мужчине с заросшей курчавой бородой черного цвета. Убедившись, что тот правильно понял его жест, Свет снова вернулся к коротышке.

– Куда вы их веди? – спросил он, стараясь сдерживать свой гнев.

– В Шадзару, на рынок, почему-то удивился толстяк, – а одну – в Обитель Дао.

Он не заметил, как едва дрогнули ресницы охотника; в глазах Света вспыхнули недобрым огнем искры зарождающегося гнева.

– Присоединяйся к нам, величайший из воинов, – воскликнул толстяк, – четверть, нет – половина выручки будет твоей.

Свет, чувствуя за спиной тяжелое дыхание освободившихся узников, отрезал: «Нет!».

– Но ты отпустишь нас? Мы не сделали ведь тебе ничего плохого, – коротышка суетливо полез за пазуху, выудил толстый кошель и протянув к охотнику руку, высыпал на нее горсть монет.

Свет покачал головой:

– Да, вы не сделали мне ничего плохого, – он усмехнулся – вспомнил только теперь о лодке, которая догорала сейчас ниже по течению Большой, – но отпустить вас не могу. Может они вас отпустят?

Охотник показал в темноту, где сгрудились, недобро посверкивая глазами, бывшие узники. Затем он шагнул в сторону, вверяя судьбу насильников освобожденным им людям. Те молча двинулись на коротышку; на других грабителей, покорно ждущих своей участи у костра.

И тут же – к великому удивлению Света – на бывших хозяев были сноровисто надеты их собственные оковы. Мужчина, которому охотник оставил ключи, захлопнул последний замок и, злорадно усмехаясь, бросил обе связки в костер.

Все вдруг вздрогнули, когда с того места, где недавно лежали пленники, раздался пронзительный женский крик:

– Ты что делаешь шакал и сын шакала!? Вы что, не думаете освобождать свою Предводительницу?

Последовавших затем сочных, полных невыносимых поворотов и сравнений ругательств Свет не слышал ни разу в своей жизни. Он густо покраснел и шагнул в сторону, когда мимо него пронеслась толпа, несколько мгновений спустя сгрудившаяся у повозки. Последняя тряслась, словно в ней метался раненый зверь.

Бестолково крича; пытаясь взломать дверцу, свернуть засов с надежным замком, все как будто одновременно вспомнили о ключах и ринулись мимо Света обратно к костру. Тот, немного оглушенный непривычным шумом и мельканием тел, подошел к повозке и, примерившись, обрушил на замок свой кулак. Добротнo сработанный искусным мастером замок выдержал; раньше хрустнул засов, который, визжа гвоздями, выскочил из гнезда.

Дверца, оглушительно треснув о стенку повозки, распахнулась, и мимо юного охотника – даже не глянув на него – прошла черноглазая стройная красавица с пышной копной темных волос, волной спадающих на спину.

Свет вдруг произнес вполголоса слова поэта:

– Та черноокая красавица,

Оставившая без ума мужей без счета...

– Фардос? – изумленно произнес один из тех, кто окружил свою Предводительницу.

Свет словно очнулся.

– Ты тоже слышал о Фардосе? – он только сейчас осознал, что говорит с незнакомцем по-парсийски – на языке, чье многообразие и сочность показала только что запертая в повозке двуногая хищница.

Незнакомец картинно потряс поднятыми к небу руками:

– Слышал ли я о Фардосе?! Слышал ли я о Фардосе?!!

Тут его перебил тот самый мужчина, который бросил в костер связки ключей:

– Ха! Наш Бензир его праправнук, – и добавил, смеясь, – правда, в это верит он один...

Но он действительно помнит все стихи Фардоса. А может, и больше.

Бородач снова засмеялся. Затем он, подойдя ближе к Свету, церемонно поклонился:

– Скажи свое имя, могучий воин, чтобы мы, наши дети и внуки могли возносить его в своих молитвах к небу!

Охотник, уже начавший привыкать к цветистости речи новых знакомых, ответил кратко, как привык:

– Меня зовут Свет.

– Нажудин, – мужчина коснулся ладонью груди, – воистину благословенно Небо, проложившее твой путь мимо наших страданий.

Вообще-то путь охотника проложила Большая река, а потом горящая стрела, угодившая в лодку, но он не стал отказываться, когда Нажудин шагнул в сторону и сделал широкий жест в сторону костра, вокруг которого уже устраивались, весело шумя, его товарищи. Свету наперебой стали объяснять, что бывших пленников не кормили уже вторые сутки, и что вся та снедь, которую ему протягивали сразу несколько рук, у них же когда-то и была отобрана.

За поздним ужином охотник узнал, что спасенные им люди – часть небольшого кочевого племени парсов, захваченная бандитами врасплох.

– Они охотились за ней, – понизив голос, Нажудин показал большой костью в сторону Предводительницы, сидевшей по ту сторону костра с гордым и неприступным видом.

– Зачем? – Свет наперед знал ответ, и спросил, желая лишь разговорить собеседника.

– Это проклятие великого племени парсов, – Нажудин погрузился, – нечестивые мастера Дао! Не видать им ни силы Фардоса как... как...

Он оглянулся в поисках лучшего сравнения и вдруг испуганно замолчал, наткнувшись на прямой взгляд Предводительницы. Царственная красавица вдруг улыбнулась, прекратившись в обыкновенную, хоть и очень красивую девушку. Она перевела взгляд на Бензира:

– Прочти нам легенду о силе Фардоса.

Как не силен был шум вокруг костра, ее слова услышали все. Разговоры мгновенно прервались и Бензир, с трудом проглотив не разжеванный кусок, встал. Он откашлялся и начал декламировать строки, не раз слышанные охотником из уст учителя.

Бензир оказался не только лучшим знатоком творчеством великого поэта, но и прекрасным чтецом. Однако, как ни был очарован Свет волшебством слов, он сразу отметил, что смысл услышанного не совсем соответствует тому, что намертво было запечатлено в его голове. И как только Бензир умолк, охотник воскликнул:

– Но я слышал совсем другое...

– Да, – опять получив молчаливое согласие Предводительницы, кивнул Бензир, – все свитки говорят, что удивительную силу нашего поэта получит тот, кто принесет в жертву главу рода парсов. Истинные строки божественного Фардоса, кроме самих парсов слышали немногие.

Он нараспев повторил главные строки поэмы:

– Тому, кто подвиги свершит,

Ее спасая;

За кем пойдет она,

Готовая на жертву!

Свет криво усмехнулся:

– Значит, Иджомах не получит силы, даже если изведет всех Предводительниц парсов?

Сразу несколько парсов вскочили с ножами в руках, и тут же медленно опустились на место, лишь только Предводительница подняла руку.

– Пока есть великий род парсов, у него всегда будут Предводительницы, – сурово ответила Халида – так звали гордую красавицу, – однако и ты слушал о мастере Иджомахе?

– У меня к нему долг крови, – молодой охотник уже давно понял, что учителя давно нет в живых, и то, кто повинен в его смерти.

Халида сделала паузу, словно ожидая, что Свет расскажет, какой урон причинил мастер Дао охотнику. Не дождавшись, она заметила:

– Что ж, так может сказать каждый парс.

– Мне бы лишь добраться до него, – Свет понимал, что тайно проникнуть в Обитель вряд ли удастся даже ему.

Вдруг искра надежды промелькнула в его голове.

– В Обители Дао уже знают о новой жертве? – он сидя поклонился в сторону Халиды.

– Наверное, нет, – ответил ему Нажудин.

– Но они всегда готовы заплатить за Предводительницу парсов? – повернулся к нему

Свет.

– Конечно, – пожал плечами тот, не понимая пока, к чему клонит охотник.

– И если мы привезем жертву.., – Свет снова поклонился в сторону красавицы, уже стоя на ногах.

Ножи снова сверкнули в отблесках костра, и громкие крики возмущения прервали его. Парсы подступили к нему – невозмутимо скрестившему руки на груди. Они размахивали ножами у его лица и выкрикивали то ли угрозы, то ли оскорбления; а может, и то и другое вместе – в общем гаме разобрать было невозможно. Да Свет и не пытался.

Он не отводил вопрошающего взгляда от лица Халиды, которая решала тут все.

– Тише вы! – одним возгласом утихомирила она толпу; сейчас Халида снова было грозной

Повелительницей, – говори.

– Мне бы лишь добиться поединка с Иджомахом...

– И ты сможешь победить его?

– Смогу! – голос Света не дрогнул.

Двое стояли, разделенные костром, и долго глядели друг другу в глаза. Тишину вокруг нарушал лишь треск горевших сучьев.

– Хорошо, я согласна, – кинула наконец Халида.

Теперь шумная толпа бросилась к ней, чтобы мгновенье спустя умолкнуть, ибо Предводительница снова подняла руку.

– Решено, – сказала она коротко, и ушла в полумрак, к повозке.

Парсы, разом погрузневшие, снова стали устраиваться у костра. Вскоре, подогретые кружками терпкого вина, они снова зашумели; затем затянули веселую песню. Свет, изумленный такой метаморфозой, подумал, что только у такого народа – гордого и бесшабашного, неистового в бою и отходчивого – мог родиться великий поэт.

Вскоре парсы – действительно отходчивые – накормили пленников и начали устраиваться на ночлег, вверив ночной покой обретенному герою – Свету. Последний решил, что с такой задачей вполне справится один Волк, и тоже уснул, немного утомленный последними событиями.

Глава 5. Поединок

Любин, посланник Повелителя Узоха, истощил все свое воображение, придумывая новые и новые проклятия тому, что сотворил дебри, окружавшие земли рода Ясеня. Он выбрал кратчайший путь к деревне и наивно надеялся на звериные тропы, какие-то просеки и прогалины; может даже на лесные дороги. Звериные тропы попадались, но вели они обычно совсем не туда, куда надо было Любину. Лишь к исходу шестых суток весь исцарапанный, разбитый кружением по непроходимым буреломам и ветровалам, истощавший, он вышел к Русинке.

К охоте злодей приучен не был; питался какими-то ягодами, от которых постоянно мучился животом. Так что его путь к деревне мог бы легко проследить не самый опытный следопыт – по запаху. Измученный, плохо соображавший от голода, он направился вниз по реке, и на этот раз не ошибся. К вечеру он добрался до опустевшей деревне и рухнул, не входя в нее.

Жаркое солнце делало свое дело – смрад от гниющего теперь порубленного и исколотого стрелами скота накрывал тяжелым удушливым одеялом все окрестности. Лишь наутро, пересилив себя; может быть немного привыкнув к невыносимому запаху, а скорее подгоняемый голодным желудком, он направился к ближайшему дому. Там он спугнул стаю огромных воронов и безошибочно нашел погреб.

Отъевшись за все дни блужданий по лесу, Любин обошел, стараясь дышать покороче, все дома и, конечно же, не нашел никого живого. Впрочем, мертвых тоже не было – кроме скотины. Он опять вышел на берег Русинки, где свежий ветерок как-то отгонял смрад. Встав по центру огромного пятна пожарища, он нажал на левый глаз и привычно вздрогнул, услышав в мозгу голос незримого Повелителя.

- Не нашел никого, – произнес он вслух, словно извиняясь
- Набери немного земли под ногами, – приказал Узох.

Тот, нашарив в кармане грязный платок, встал на колени. Наклонившись, он набрал в свернутый узелок несколько горстей земли вперемежку с пеплом.

- Ощупай его, – последовал новый приказ.

Любин, начав с ближайшей стороны, невольно отдернул руку – так горяча была ткань с той стороны, куда несла свои воды река.

– Греет там, куда ушли оставшиеся в живых. Иди и убей всех, одного за другим – до тех пор, пока земля не станет холодной.

Голос Узоха замолк, и Любин, убедившись, что он снова один на берегу Русинки, пошел, пересиливая себя, набирать в найденные мешки припасы для дальнего путешествия – он больше не хотел голодать. Вскоре он, выбрав небольшую лодочку у причала, шагнувшего далеко в речку, плыл вниз по течению, помогая ему веслами. Наутро Любин был уже на Большой реке, в шести днях пути от человека, на которого указывала горячая земля.

Парсы, просыпаясь один за другим, с удивлением и восторгом смотрели на центр поляны, где Свет завершал утреннюю разминку. Он уже сделал стремительную пробежку по редколесью наперегонки с Волком, далеко обогнав четвероногого друга; закончил растяжки и силовые упражнения, и теперь примеривался к сваленному в кучу оружию, отобранному накануне у бандитов.

Выбрав две сабли – подлиннее остальных, и меньше других изогнутые – охотник начал поединок с незримым соперником. Зрители – как бы мало они не были искушены в искусстве фехтования – скоро поняли, что на поляне творится подлинное чудо. Ни один из них – пожелай он вступить в схватку – не продержался бы против охотника и нескольких мгновений. А бросившись все вместе – результат был бы не менее фатальным; для парсов, конечно.

Однако многие сумели сообразить, что Свет сейчас выбрал себе пусть незримого, но не менее опытного соперника. Его яростные выпады чередовались уходами в глухую оборону, где никак нельзя было понять – сколько же невидимых врагов окружают его сейчас. Иногда охотнику приходилось так тяжело, что он избегал ран от незримых клинков, лишь бросаясь на землю и стремительно перекатываясь по ней из плотного окружения врагов. При этом ни острые сучки и шишки, усеявшие поляну, словно никак не ощущались его разгоряченным, обнаженным по пояс телом.

Но вот врагов стало столько, что и бросок в сторону не мог помочь молодому поединщику. И тогда он на краткое мгновение замер, набирая воздух, и исчез за стеной сверкающего металла. Такого не могло быть – две сабли не могли ткать сплошной узор железной ткани долгие мгновения, когда многие зрители даже забыли, что иногда нужно дышать! Вдруг из стены, не нарушая ее целостности, вылетело тонкое лезвие сабли, и кто-то будто действительно вскрикнул рядом со Светом; следующий выпад – такой же стремительный и беспощадный – едва не достал до ближайшего зрителя, и толпа парсов испуганно отпрянула. Невидимые противники сейчас гибли один за другим.

– Шесть, – выдохнула толпа, и Свет остановился, опустив сабли к земле.

Его тело не лоснилось от пота, а дыхание, в отличие от зрителей, совершенно не сбилось. Толпа шумно перевела дух.

А охотник воткнул оба клинка в податливую почву и подмигнул зрителям. Те замерли, понимая, что чудеса еще не кончились. Свет вспомнил, как сам был поражен в первую встречу с мастером Ли и усмехнулся. Охотник огляделся; высмотрел пару подходящих деревьев. Это были две сосны – близнецы, выросшие вместе в двух саженях друг от друга. Толстые гладкие стволы заканчивались кронами высоко – так что снизу трудно было определить, на сколько рядов деревенской избы хватило бы единственного древесного хлыста.

Преодолев мягким, но стремительным бегом расстояние, отделявшее его от ближайшего дерева, Свет на глазах не верящих себе парсов начал подниматься вверх, отталкиваясь попеременно ногами от стволов. Так отскакивал бы от стен детский упругий мячик, запущенный сильной рукой в одну из стен. Но мяч бы опускался вниз, а охотник быстро поднимался к кронам! Исчезнув в одной из них, он заставил зрителей застыть с открытыми ртами.

Кто-то вдруг хлопнул несильно по плечу Нажудина:

– Что там такого интересного наверху?

Парс было отмахнулся, а потом стремительно развернулся на месте, потому что за его спиной стоял улыбающийся Свет. Он не зря выбрал такие толстые деревья. Стремительно скользнув по невидимой стороне сосны, на которую никто не смотрел, он, используя кустарник, незначительные складки местности, а больше свое мастерство маскировки, обогнул поляну и незамеченным подобрался к парсам.

Нажудин вдруг оглушительно захохотал, по достоинству оценив удивительные способности молодого охотника. Остальные присоединились к нему, обступив Света и дружески похлопывая его по могучим плечам.

Их веселье прервала Предводительница, властным голосом отдав команду готовиться к выступлению. К ней, уже выбравшей для себя могучего коня, направился Нажудин. Свет, смывавший на берегу грязь и пот, с интересом и легкой улыбкой следил, как между ними происходит бурная разборка. Халида, согласившись в конце концов с доводами пожилого парса, с ворчанием опять полезла в душную повозку – для пушного правдоподобия своего плененного положения.

Наскоро позавтракав, кавалькада всадников, сопровождаемая одной длинной цепью пленников, и наглухо закрытой повозкой, направилась по едва заметной дорожке от реки, в сторону затерянной в горах Обители Дао. Лишь Волк мог позволить себе нырять в густые заросли,

начавшиеся скоро, но и он старался держаться дороги, не отставая от лошади, которую выделили Свету

Охотника же, спешащего навстречу врагам, занимал сейчас лишь один вопрос. Перед самым отъездом – прежде чем занять свое место в передвижной темнице – к нему подошла Халида. Встав напротив охотника и смотря вверх, прямо в его ясные глаза, она сказала:

– Обещай мне, Свет, если исполнятся все наши планы..., – она помялась, словно отыскивая лучшее продолжение, – ты выполнишь одно мое желание.

– Ну-у-у..., – протянул Свет, – если это не помешает мне. На мне ведь еще один долг крови.

– Не помешает, – внезапно лукаво улыбнулась Повелительница.

– Тогда, – торжественно заявил Свет, – когда (не если, а когда!) исполнится наш план, я выполню любое твое желание. И даже не одно...

Стоявшие рядом парсу оглушительно захохотали, очевидно, о чем-то догадываясь. Свет, наконец, оставил бесплодные попытки догадаться, чему так лукаво улыбается Халида, лишь увидев его. Он тронул поводья высокого черного коня, ускоряя шаг. Охотник словно чувствовал погоню, которая медленно, но неуклонно приближалась, сокращая расстояние все то время, пока кавалькаду задерживали пешие невольники.

Однако через два дня парсы, сделавшие очередной привал раньше обычного, увели пленников в попавшийся на пути городок. Возглавлявший их Нажудин, вернувшись, подошел к охотнику и пробормотал:

– Эти шакалы отправили в рудники столько людей, что... Пусть теперь на своих плечах попробуют плети надсмотрщиков.

Он вывалил перед охотником небольшую кучку золотых монет. Тот с безразличием поворошил золото. Свет много слышал от учителя о силе и могуществе денег, но пока не ощутил его. Внезапно его внимание привлекла одна монета. Он оглядел профиль неведомого владыки, отчеканенный на одной стороне золотого кружочка, и зажал монету в кулак.

– Это я возьму себе, в память о людях, именующих себя парсами.

Он сам не заметил, как речь его рядом с этими людьми стала длинней и цветистой...

Движение отряда ускорилося, увеличивая разрыв с преследователем. Свет старался ехать рядом с Бензиром, благо, расширившаяся дорога позволяла это. Последний, выудив из памяти очередное творение Фардоса, нараспев декламировал его.

Наслаждаясь одним из них, молодой охотник внезапно понял, что в поэме говорится не только о подвигах древних героев, но и о нем самом, о событиях последних дней. Он в изумлении оглянулся, найдя взглядом Нажудина; тот ухмыльнулся ему в ответ. Только теперь Свет понял, что имел в виду бородатый парс, когда сказал, что Бензир знает гораздо больше стихов, чем написал когда-то великий Фардос...

Любин едва не пропустил того мгновения, когда горячее пятно его необычного поводья резко сместилось вправо, указывая на место, где Свет покинул Большую реку. Нежную кожу на груди убийцы, где он спрятал узелок с землей погибшего рода, обожгло так сильно, что он машинально налег на одно весло, поворачивая лодку к берегу. Громко ругаясь на весь белый свет, он пристал к берегу, где еще отчетливо были видны следы лагеря. Он шел двое суток, приближаясь к своим будущим жертвам, на что указывал теплеющий все сильнее узелок. Потом материя платка стала остывать, и Любин настолько сократил время на сон, что днем уже не замечал ничего, кроме следов лошадиных копыт. Еще его изрядно озадачили и напугали следы неведомого зверя, схожие с волчьими, но много крупнее.

Впрочем, тревога скоро ушла. Он встретил одинокого всадника. Разговорить его, заставить спешиться, а затем оказаться позади доверчивого путника было совсем нетрудно для опытного убийцы. Тонкое длинное жало стилета вошло в спину незнакомца – справа, снизу

вверх; пронзив последовательно почку, печень и немного не дойдя до сердца. Оставив труп на обочине дороги, Любин вскочил на коня, развернул его в сторону, куда вели следы каравана, и погнал его вперед. Узелок снова начал разогреваться...

Поздним вечером парсы разбили лагерь у стен древней обители Дао, ворота которой с закатом солнца наглухо закрывались. В небольшом с виду замке ночью оставались только двенадцать мастеров. Свет, оценив оглядевший отвесные стены, примерился к испещренной временем кладке. Однако он помнил рассказы мастера Ли о том, что Обитель защищает не только камень и железо ворот. Есть в защите и незримая сила, которую вопреки воле двенадцати вряд ли кто смог бы преодолеть.

Уверенный, что завтра ему все же удастся попасть внутрь, он решил пораньше лечь спать. Он бросил последний взгляд на повозку, из которой Халида сегодня вечером не выходила, поскольку исправленная дверца не открывалась, и закрыл глаза, согреваемый с одной стороны густой шерстью Волка.

Наутро полный решимости охотник собрался войти в распахнутые ворота Обители вместе с Нажудином, но получил неожиданный отказ.

– Ты воин, Свет! Твое дело впереди – готовься к бою. А я когда-то был купцом. Пойду торговаться. За нашу Повелительницу я выжму из Обители не меньше половины ее запасов золота.

Свет поразился:

– Какое золото?! Как ты можешь сейчас думать об этом?

– Мы же пришли торговаться, – хитро прищурился Нажудин; черты лица парса тут же ожесточились, – если Халида сегодня умрет, мы погибнем рядом с ней. Все... кроме них.

Он показал на Бензира со спасенной Светом от рук насильника девочкой и продолжил:

– Они расскажут племени о нашей смерти и отвезут выкуп, – он осадил жестом вскочившего на ноги поэта и опять улыбнулся, поворачиваясь к охотнику, – но ты ведь не допустишь нашей смерти?

Свет решительно потряс головой:

– Нет! Или... я умру рядом с вами.

Нажудин снова улыбнулся ему, повернулся и исчез в Обители с двумя соплеменниками. Ждать их пришлось недолго. То ли Нажудин действительно умел хорошо торговаться, то ли мастера Дао не жалели золота ради очередной жертвы, но вышли парсы из ворот, покачиваясь под тяжестью мешков с золотом.

Надежно закрепив их на лошадях, парс в нерешительности остановился. Он понимал, что поэт ни за что не согласится остаться здесь. Да и как он сможет рассказать племени правду, не увидев все собственными глазами? Только теперь до Нажудина дошло, что Предводительница обрекла Бензира на не менее великий, но более горький подвиг – остаться в живых, когда рядом умирают соплеменники. Но и оставить золото под охраной одной лишь маленькой девочки он не мог.

Свет правильно понял его замешательство; он посадил юную парсиянку на коня и велел Волку охранять эту пару до его возвращения. Охотник был настолько уверен в благополучном завершении миссии, что верный пес не почувствовал в его голосе ни капли тревоги. Волк распахнул в зевке громадную пасть и сел рядом с конем, который испуганно покосился на него.

Наконец Предводительница, окруженная молчаливой толпой, в которой постарался затеряться Свет, вступила в древнюю Обитель Дао. Пересекая створ ворот, молодой охотник почувствовал, как потеплел, согревая его грудь, талисман рода. Казалось две незримые силы соприкоснулись в это мгновение – и отступили, равные по своим возможностям, или не враждебные по сути.

Мастера Дао встретили их на площади, вымощенной огромными плитами горного камня. Площадь занимала весь центр Обители. На простой каменной скамье, отшлифованной до блеска задами неисчислимых поколений мастеров, сидели сейчас двенадцать человек.

– Значит, – обреченно подумал охотник, в глубине души надеявшийся встретить тут мастера Ли, – учителя нет в живых, и его место занял новый мастер.

Он обвел взглядом неподвижно сидящих адептов Дао и отметил для себя двоих, сидевших в центре полукруга. Один – седобородый старец – печально смотрел на вышедшую вперед Предводительницу. Казалось, в его сухом от старости теле живут лишь эти глаза. Второй – крепкий смуглокожий мужчина средних лет, сквозь простую одежду которого угадывались тугие узлы мышц – подался всем телом вперед, пожирая взглядом будущую жертву.

На площади установилась тишина; в ее центре, ничуть не смущаясь мужских взглядов, которые буквально раздевали ее, с гордо поднятой головой стояла Халида. Две враждебные силы – с одной стороны двенадцать невозмутимых мастеров Дао, а с другой – наполнившиеся гневом парсы, замерли, словно ожидали какого-то сигнала. Свет не торопился, отдавая инициативу мастерам, в глубине души надеясь, что постигшие учение Дао все-таки не окажутся убийцами невинных девушек; что под фразой «принести в жертву» кроется что-то совсем не гибельное для красавицы-парсиянки.

Наконец смуглокожий мастер встал, собираясь направиться к Халиде. В его хищном взгляде, в каждом нетерпеливом движении охотник читал – нет, его надежды напрасны. Мастера действительно запятнали кровью великое учение. И нет им прощения! Толпа парсов всколыхнулась, и в тот же миг, раздвигая своих новых товарищей широкими плечами, вперед вышел Свет.

Он держал в руках обнаженную саблю. Легкими шагами обогнув Предводительницу, он встал перед ней. Затем, обведя еще раз взглядом мастеров, вонзил в едва заметную щель между громадными плитами клинок и бросил вызов прямо в лицо смуглокожему, застывшему перед ним с недоуменной и снисходительной улыбкой. Причем последнего в этой ухмылке было неизмеримо больше.

– Найдется ли среди вас воин, который, прежде чем убить беззащитную девушку, сразится со мной?

Сабля, от которой Свет оторвал с последним словом ладонь, задрожала. Она гневно зазвенела, словно не это движение, а слова охотника заставили благородную сталь заполниться презрением к людям, предпочитающим убийство женщин честному поединку. Здоровяк напротив хищно усмехнулся и повернулся к седобородому:

– Стоит ли тратить время на него? Или пусть великий Дао сам накажет дерзкого!?

Тот неопределенно пожал плечами, как бы разрешая смуглокожему самому задать вопрос основателю Обители.

– Назови свое имя, дерзкий, перед тем, как умереть.

– Родичи звали меня Светом.

Седобородый мастер едва уловимо вздрогнул.

– Ну что ж, – смуглокожий, казалось, развел руками.

Однако опытные взгляды мастеров проводили полет молнии Дао, которая должна было прервать и речь незнакомца, открывшего было рот, и его жизнь. И тут же вскочили, когда стальная молния, прежде никогда и нигде не знавшая преград, вдруг отскочила от широкой груди охотника и жалобно звякнула, разлетаясь на множество осколков. Лишь старец остался на своем месте, продолжая пристально рассматривать охотника.

Свет, усмехнувшись, медленно вытянул из потайного кармана свою молнию. Заодно он погладил, мысленно прося прощение у талисмана, который подставил под сокрушительный удар. Сила Владимежа оказалась, по крайней мере, не меньшей.

– Готов ли ты тоже принять дар великого Дао?

Смуглокожий, может быть, в первый раз в жизни испугался, даже побледнел. Рядом вдруг, неожиданно и для него и для Света, неосмотрительно пристальной взглядевшегося в лицо мастера, оказался седобородый, едва достающий макушкой до плеча здоровяка. Охотник уже вспомнил, как звали старейшину Обители. Это был мастер Дамир, об искусстве которого с восхищением говорил учитель. Сам охотник, как бы ни был велик в постижении учения Дао Дамир, восхищаться этим человеком не мог. Ни тогда – в первый раз услышавший о нем; ни теперь – увидевший живую легенду собственными глазами. Как можно было восхищаться человеком, поощрявшим, или, по меньшей мере, не противившимся убийству невинных девушек?!

Мастер Дамир между тем обратился к нему:

– Я не знаю, какой силой обладаешь ты, Свет, но обещаю тебе, что все вы, – он обвел рукой толпу парсов, – уйдете отсюда живыми и невредимыми, если ты победишь одного из нас в честном поединке.

Старый мастер с особым нажимом произнес слово: «Честный!».

– А она? – Свет показал рукой на Халиду.

– Клянусь тебе, – седобородый даже немного поклонился, стукнув ладонью по собственной груди, – если сегодня ты победишь, Обитель не примет больше ни одной жертвы.

– Я верю тебе, мастер, – Свет тоже поклонился, но голос его был лишен всяких эмоций.

Он одним резким движением выдернул из камней саблю и протянул ее Предводителю. Затем он снял с себя парсийский костюм, который одел только сегодня утром; рубаху, которая еще помнила запах родной земли. На мгновение запнувшись, он медленно стянул с себя талисман, и тоже протянул девушке. Теперь охотник мог противопоставить не выбранному пока противнику только собственные мышцы, умение да холодную ярость, которая тоже являлась грозным оружием. Для умевших пользоваться ею, конечно. Свет умел.

Он повернулся к противникам, слыша за спиной восхищенный шепот парсов, которые – даже пожелай они того – не смогли бы отыскать хоть одного, даже самого малейшего изъяна в его могучей фигуре. Охотник едва сдержался, чтобы не поиграть мускулами – ведь позади стояла самая красивая девушка, какую он видел в своей жизни, а ему не исполнилось даже восемнадцати...

Вместо этого он сурово уставился на мастеров – сначала ну ту десятку, что сейчас опять усаживалась на каменную скамью – а потом на двух, что, в свою очередь, рассматривали его. Он не желал сейчас лишь одного соперника – мастера Дамира. Не потому, что воспылил к нему вдруг симпатией; нет – единственно в память об учителе, который старого мастера искренне уважал. К тому же Дамир сейчас предложил то решение, которого сам Свет и добивался.

Поединчик между тем отыскался сам. Смуглолицый, не советуясь ни с седобородым, ни с остальными мастерами, стянул с себя просторную рубаху. Свет услышал испуганный вскрик Халиды. Он ободряюще улыбнулся ей и повернулся к поединщику. Свет сейчас восхищался бы вслух исполинскими мышцами соперника, если бы не понял уже, с кем ему придется сразиться. Узлы тугих мускулов покрывали обнаженный торс мастера. Они перекатывались подобно сытым удавам даже в тех местах, где природа не предусматривала этого. Живой панцирь, казалось, мог противостоять не только кулакам, но и острой стали. А может, действительно мог – у каждого мастера, как и у учителя, были свои секреты.

Халида и Дамир отступили в свои лагеря, освобождая место для битвы. Седобородый мастер, тоже усаживаясь на место, махнул рукой:

– Начинайте, Иджомах.

Свет застыл. Он подозревал это, но сейчас уверился – сама судьба определила ему этого противника. Злейший враг, который, впрочем, не подозревал об этом!

Иджомах полуобернулся к старшему товарищу; казалось, он ответит сейчас ему. Вместо ответа он мягко присел на правую ногу и резко рванулся вперед и вверх, выпрямляя левую

и превращая ее в острое копьё, нацеленное в грудь охотника. Для любого другого противника все тут же и кончилось бы. Подобно острию копья пальцы пробили бы грудную клетку насквозь – так что смуглокожему пришлось бы потрудиться, высвобождая ногу из уже мертвой плоти. И Свет, до сих пор изумленный, не смог отклониться от этого выпада.

Однако тренированные мышцы и вбитые за годы занятий рефлексy отреагировали сами. Навстречу каменной ноге мастера Иджомаха взбух мощный панцирь, твердостью, быть может, превосходивший этот самый камень. Поэтому страшный удар мастера не нанес охотнику никакого вреда – лишь отбросил его далеко, практически к ногам парсов. Свет упал на спину, как привык на бесчисленных тренировках. И камень, которым была устлана площадь, был не самым твердым покрытием, на который ему приходилось падать.

Однако он остался лежать, глядя сквозь неплотно сомкнутые ресницы, как приближается, чуть прихрамывая, враг. Тот неспешно подошел и остановился меж широко раскинутых ног охотника, злорадно глядя на парсов. Своеобразные ножницы вдруг стремительно сомкнулись, сминая плоть и бросая Иджомаха наземь. Мастер сгруппировался, подставляя навстречу камню ладони. Однако его руки не достигли опоры, поскольку Свет уже стоял и держал Иджомаха за лодыжку, выворачивая ее и заставляя мастера приземлиться на не готовое к удару плечо. Он протащил соперника по щербатому камню и бросил его, готовый к продолжению схватки. Охотник был спокоен – он уже знал, что сильнее мастера.

Иджомах вскочил, мазнув рукой по содранному в кровь плечу. Он глянул на ладонь и вытер ее о губы, отчего его оскал стал страшным и многообещающим.

– Ха! – воскликнул Свет почти весело, – мастер Ли говорил, что Иджомах великий воин. Наверное, он ошибался.

– Ха! – передразнил Иджомах, – мастер Ли часто ошибался. И в последний раз – когда встал против меня. Вот этой рукой я вырвал сердце у него на этом самом месте.

Он топнул ногой по камню, и протянул Свету окровавленную руку, которая будто еще хранила на себе печать смерти мастера Ли.

Улыбка сползла с губ охотника; его глаза вспыхнули недобрым огнем. Иджомах, не ведая того, только что подписал себе смертный приговор.

Свет бросился на врага; не менее стремительно кинулся навстречу ему мастер, желая, наверное, задавить массой более стройного соперника. Однако железные объятия не нашли врага; мастер Иджомах никогда не видел: даже помыслить не мог, что соперник может двигаться так. Отталкиваясь ногами от камня, охотник изначально задал своему телу ломаную траекторию. Вряд ли в подлунном мире кто-то еще мог повторить это. Готовый обнять его Иджомах лишь своим отточенным чутьем почувал движение сбоку от себя, затем сзади, и уже не смог отклониться от локтя, который впечатался в левую сторону грудной клетки, заставляя врага безуспешно разевать рот в поисках живительного глотка воздуха.

Взбешенный мастер Дао стремительно развернулся к стоящему невозмутимо охотнику. Размахнувшись, он нанес сопернику немудреный удар правой рукой с замаха, какой можно увидеть в любой кабацкой драке. Удар, способный свалить с ног взрослого быка, встретила не менее мощная рука. Тогда Иджомах ударил левой. И тоже встретил препятствие. На несколько долгих мгновений враги замерли друг против друга. Неизвестно, прочитал ли Иджомах приговор в глазах Света?

Молодой охотник резко свел ладони. Казалось, он хотел расплющить между ними голову мастера, ударив его по ушам. Иджомах закричал, обхватив голову руками. Потому что понял, что никогда не услышит в своей жизни ни одного звука. А еще – что этой жизни осталось совсем чуть-чуть – столько, сколько отмерил ему Свет. Великий Дао наказал дерзкого, и этим дерзким был...

Свет нанес последний удар в незащищенную грудь противника – несильный для взглядов остальных, но милосердный для Иджомаха. Узнавший об этом ударе мастер Ли безуспешно

пытался когда-то овладеть им. А Свет – овладел. Направленная ладонью незримая волна энергии следовала в точку, определенную охотником, и там высвобождала ее, разрывая все вокруг в клочья. И для этой энергии было все равно, что рвать вокруг себя – плоть, камень или сталь! Сейчас это был маленький комочек мышц – жестокое сердце Иджомаха. Оно взорвалось внутри грудной клетки, заставив мастера подавиться на полувздохе. Так – с открытыми глазами – он и упал на том самом месте, по которому недавно топал ногой. Возмездие нашло черную душу поклонника человеческих жертв.

Свет повернулся и вышел в открытые ворота Обители. Парсы последовали за ним безмолвной толпой. Подойдя к лагерю, Свет молча сел и притянул к груди огромную голову Волка. Он отдал последний долг учителю, но не чувствовал торжества.

Мягкая ладонь опустилась на его обнаженное плечо. Свет вскочил, оказавшись лицом к лицу с Халидой. Предводительница, не говоря ни слова, сняла с груди талисман и надела его на шею охотника. Свет почувствовал знакомое тепло в груди – прямо напротив того места, где привычное место занял кругляш с изображением предка. Но... к этому теплу примешивалось другое чувство, незнакомое прежде, но бесконечно родное. И оно словно подарило ему крылья, потому что он готов был сейчас взлететь над толпой, над горами и выплеснуть в подлунный мир все те чувства, с которыми он пришел в Обитель, и победил одного из ее мастеров; воспеть красоту стоящей напротив девушки и... Он наткнулся на ошалелый взор Бензира.

Поэт выступил вперед и протянул вперед руку, словно собрался приступить к декламации:

– Сбылось предсказание предка. Великий воин освободил племена парсов от проклятой силы. Да поможет тебе небо распорядиться этой силой так же, как и сегодня – свершая только добрые дела!

До молодого охотника только теперь дошло, что исполнились все условия предсказания Фардоса. Он дважды спас Халиду, свершив недостижимые для других подвиги. И гордая Правительница принесла себя в жертву, доверившись ему.

– Что ж, возможно это и к лучшему, – он резко повернулся к подошедшему опять беззвучно мастеру Дамиру.

Свет восхитился искусством старого мастера, но не улыбнулся – простить мастера Дао, попустительствовавшего кровавым жертвам, он, может быть, мог умом, но не сердцем. Старец, впервые за многие годы покинувший стены Обители, низко поклонился парсам, словно прося прощения за те неисчислимые беды, что принесли адепты Дао этому гордому народу.

– Мне очень жаль, – глухим голосом начал он, – но мы были вынуждены искать силу Фардоса, чтобы быть готовыми к битве с могуществом Узоха...

– Узоха!?! – вскричал Свет, хватая старца за руку, – что ты знаешь о нем?

– Поговорим об этом там, – Дамир мягко повел рукой, неведомо как освободившейся от железного захвата пальцев охотника, в сторону Обители, и перевел взгляд на Волка, – я думал, что все тигроловы вымерли.

– Тигроловы?

– Или охотники на тигров – так называли дальних предков твоего пса.

– Да, – кивнул Свет, – мастер Ли что-то говорил об этом.

– Мастер Ли, – Дамир не удивился, поскольку явно слышал каждое слово поединщиков, – больше других корпел над свитками в хранилище знаний Обители. Ему ли не знать об этом. Пойдем, я покажу тебе.

Старый мастер пошел в Обитель не оборачиваясь, уверенный, что охотник последует за ним. Свет на несколько мгновений замешкался. Он чувствовал, что сила, которая недавно поселилась в нем, хочет проверить, правильно ли она выбрало свое новое воплощение. Подняв голову к небу, охотник выпустил часть ее, посылая мысленный вызов врагу:

– Ты ждешь меня, Узох?

Лишь старый Дамир изо всех, кто находился сейчас в пределах Обители, уловил возмущение в эфире, но, поскольку вызов был адресован не ему, только пожал плечами. Он предчувствовал, что сейчас, здесь, история подлунного мира чуть-чуть повернула. В лучшую ли сторону?

Догоняя его, Свет опять вошел в Обитель...

Глава 6. Награда

В голове Узоха, надежно защищенной магическим панцирем от вторжения извне, неожиданно прозвучали яростные слова:

– Ты ждешь меня, Узох?!

Он невольно вздрогнул, лихорадочно перебирая в памяти имена тех, кто мог навязать волю его собственной. Нет – на Черном континенте не осталось никого, кто обладал бы хоть намеком на такую силу. Узох проследил путь, проделанный мыслью – вызовом от неведомого противника – до мрачного дворца Повелителя. Путь начинался совсем рядом с тем местом, где замерла точка, указывающая на местонахождение верного слуги. Сделав невероятное магическое усилие, Узох ворвался в мозг Любина, прогоняя кусочек скабрезного сна.

– Спишь?! – загремел его голос в голове проснувшегося в холодном поту убийцы, – до него уже рукой подать! Догнать! Достать!! Убить сегодня же!! Убить!!!

Разум чародея вернулся в свое тело, чтобы заставить его содрогнуться от радости. Он наконец-то нашел способ расправиться с ненавистными народами, населявшими Белый континент.

– Ничего, – думал он, скоро вас не будет. Не будет народов – не будет и героев, которых они рожают. Кто тогда остановит Великого Узоха!?

Злорадный смех Повелителя разорвал мрачный полусумрак огромного замка...

Свет едва прятал восхищение, оглядывая огромный подвал Обители. Впервые в это хранилище знаний попал человек, который не был мастером Дао. Копившиеся веками фолианты и свитки, казалось ждали, когда их коснется дрожащая от нетерпения рука исследователя. Многие из них так ни разу и не раскрылись, попав сюда. Охотник понял, что мастера готовы были похоронить знания навеки, лишь бы они не оказались в руках врага.

Нигде не было пыли. Особая атмосфера подземелья, или магия Дао помогала веками сохранять сокровища человеческой мысли, собранные здесь.

Дамир достал толстый фолиант; открыл его, показав Свету рисунок. Искусной рукой мастера на нем был изображен громадный полосатый хищник, из которого фонтаном била энергия убийства. Его окружали меньшие по размерам, но не по свирепой радости битвы псы, один в один сходные с Волком. Свет пригляделся.

– Волк лучше, – чуть ревниво решил он, не в силах отвести взгляд от рисунка, где битва четвероногих хищников была в самом разгаре.

Никто – разве только сам художник, в мыслях – не мог сказать, кто победит. Действительно, его пес, облагороженный волчьей кровью Серой, выглядел не так устрашающе, как мощные тигроловы, но был стремительнее; и уж точно – умнее.

– А это, – прервал его размышления мастер Дамир, – донесение нашего тайного послышника из глубин Черного континента. Тайного (пояснил он охотнику, недоуменно вскинувшему глаза) – потому что в последние годы быть адептом великого Дао в тех краях означает верную смерть... А может, и что похуже.

Он пригласил охотника к столу, на котором был закреплен вращающийся деревянный шар, покрытый цветными знаками.

– Это наша планета, если тебе знакомо это слово, – мастер легко толкнул шар, заставив его вращаться.

Свет молча кивнул.

– Это наша земля, Белый континент; мы называем его Гудваной. А здесь, – Дамир ткнул палец в противоположный край земли, представленный огромным пятном неправильной формы, – Карахана – Черный континент.

Там живут чернокожие люди, но они такие же, как мы; в их жилах тоже течет алая кровь. Но Карахана не знает зимы; их бесчисленные предки поколениями копили загар, который с нас смывают осенние дожди и зимние снегопады. Но и среди черных людей есть последователи Дао. Послушай, что пишет один из них.

Дамир развернул свиток, до того ждавший их на столе.

– В племени, затерянном в песках Черного континента, в обычной семье родился белый ребенок. Суеверные родители были в ужасе. Они готовы были предать собственное дитя смерти, лишь бы духи, которым поклонялось это племя, не обратили на них свои безжалостные взоры. На них и на их детей, которых в тех селениях рождается невероятное количество. Но на это дитя были планы у колдуна племени. Родители, не задумываясь, отдали ему ребенка. Тот назвал дитя Узохом – что означает могущественный – вырастил его и воспитал так же, как когда-то воспитывали его. Он радовался любознательности быстро подрастающего ребенка и его стремлению к истокам черной магии.

Жизнь человека в тех краях стоит совсем немного. Мальчик рос; со временем присоединился к военному отряду племени, стал самым свирепым воином в нем. Но главной добычей он считал пленных колдунов, которых собственными руками пытал – долго и сладострастно. И, конечно же, выводывал секреты их злого искусства. А учитель только радовался, видя, как растет мастерство ученика.

Глупец! Отказавшись однажды поделиться с Узохом каким-то древним заклятием, он сам оказался в его руках. Ученик, вырвав тайну заклятия, убил старого колдуна и бежал из племени – опыта скрыть, или извратить правду о свершенном преступлении, у него было еще мало. Сразиться же с целым племенем ему было не под силу. Да и считал он себя тогда человеком, а в племени жили его отец и мать, братья и сестры.

Лучше бы соплеменники поймали его тогда и убили. Потому что он вернулся через пару лет, во главе большого отряда. Себя он называл Повелителем. С тех пор о родном племени колдуна больше никто ничего не слышал.

А Узох построил в центре Черного континента, в безводной пустыне, по которой пройти могут только знающие люди, огромный замок черного цвета. Один вид его вызывает ужас и отвращение. Он собрал в замке все тайны Черного континента, окропив каждый камень здания жертвенной кровью, – голос Дамира зазвенел от сдерживаемой ярости, – теперь его руки тянутся сюда, в Гудвану.

Ладонь старого мастера закрыла на карте мира Белый континент.

– Я вижу, что ты никогда не простишь нам страданий несчастных парсиянок, но знай – именно для того, чтобы остановить Узоха, мы пытались вырвать силу Фардоса.. Да – подло! Да – бесчестно! Но если Узоха не остановить, петь песни Фардоса будет некому.

Сам Фардос выбрал тебя, Свет, и я предлагаю тебе остаться в Обители – стать двенадцатым среди мастеров Дао – ты это право сегодня заслужил. Вместе мы остановим Узоха!

Свет медленно поднялся из-за стола и покачал головой:

– Я готов принять любую помощь. Но ждать здесь Узоха? Он не придет. Будет посылать своих убийц; болезни, мор. Но сам будет сидеть, подобно пауку, в своем гнезде – здесь! – ладонь Света накрыла Черный континент, – и здесь я его найду!

– Так я и думал, – едва слышно прошептал седобородый мастер; затем голос его окреп, – у тебя есть какой-нибудь план?

Свет пожал плечами.

– Тогда тебе будет полезно поговорить со старой Зохой. Эта женщина живет дальше – в горах – в двух днях пути от Обители. Она видит в каждом его прошлое, и может прочитать его будущее. Древние говорили, что будущее предопределено. Может, она подскажет тебе, как найти верный путь к смерти Узоха?

Свет молча выслушал, как попасть в обиталище старой ведуньи, так же молча поклонился Дамиру, и направился к выходу из подземелья. Остановившись в ярком после подвального полумрака свете заходящего солнца, он вдруг почувствовал на плече легкое прикосновение ладони Дамира, который передвигался неслышно даже для охотника.

– Могу ли я сделать для тебя лично, Свет?

– Почему ушел от меня мастер Ли? – спросил, помедлив, охотник.

– Думаю, он решил, что завершил главное дело своей жизни, – старик ткнул пальцем в грудь Света, – потому и не стал противиться нашему зову. И проиграл Иджомаху – просто потому, что не желал победы.

– А убивать – было обязательно, – горько спросил охотник.

Дамир виновато пожал плечами:

– Я же сказал; вернее не я, а древние – все в подлунном мире предопределено.

Свет посмотрел на мальчика-послушника, который как раз проходил мимо, наклоняясь набок от непомерной тяжести наполненного чем-то кувшина. Он вспомнил рассказы учителя о его детстве в Обители, и вдруг, неожиданно даже для себя, подозвал к себе малыша. Несмышленный послушник, с восторгом глядя на героя, о подвигах которого знала уже вся округа, подошел к ним и низко поклонился.

– Лучше выполни его самое заветное желание, мастер, – Свет присел перед мальчиком и спросил, – что ты хочешь больше всего на свете?

– Стать мастером – таким как ты, – воскликнул мальчуган.

– Будешь, – пообещал Свет, – а что ты хочешь именно сейчас?

Малыш, нахмутив в раздумьи брови, неожиданно громко заревел:

– Домой хочу, к ма-а-ме...

Охотник поднялся и заглянул в глаза старцу. Тот кивнул согласно:

– Хорошо, его отвезут домой. Больше того – его родители получают достаточно золота, чтобы им не пришлось больше продавать собственных детей.

Свет обернулся неверящим взглядом на мальчика.

– Да, – кивнул Дамир, – мир становится злее даже без Узоха.

Охотник потрепал малыша по стриженной голове и потяжелевшим вдруг шагом направился в лагерь парсов.

Посреди небольшой площадки, занятой племенем, раскинулся высокий шатер, который неведомо где раздобыл Нажудин. Многословный, как всегда, парс подвел охотника к нему:

– Пусть величайший из героев парсов примет небольшой знак нашей признательности.

Нажудин распахнул занавес, приглашая его внутрь. Огромный шатер был пуст, не считая толстых ковров, устилавших пол, и богато вышитой скатерти, уставленной яствами, большую часть которых Свет видел впервые в жизни. Девочка – единственный ребенок в стане парсов – внесла посеребренный таз и кувшин с узким высоким горлышком, сделав приглашающий знак рукой. Свет, во второй раз за сегодняшний день, обнажился по пояс и смыл пот и грязь сегодняшней схватки. В широкий таз вместе с водой, казалось, стекали сами воспоминания об Иджомахе и о тех многих жертвах, которые он успел принести, пока его не остановила карающая рука охотника.

Оставшись вновь один, он присел к заставленному полными чашами дастурхану. Единственная свеча разгоняла полутьму. Она же позволяла видеть, с каким наслаждением и порой удивлением пробовал Свет неведомые кушанья. Но любоваться его здоровым аппетитом здесь было некому – до тех пор, пока едва слышно не откинулся занавес и в шатер не вступила Предводительница. Охотник едва не подавился, услышав каким чарующим, чуть хриплым она задала первый вопрос:

– Ты еще помнишь свое обещание?

Свет молча поднялся к ней, понимая, что его смутные ожидания, связанные с этим вопросом, сейчас принимают самые волнующие очертания. Прекрасная парсиянка дернула шнур, который хитро опутывал богатую кафию, и предстала перед ним совершенно обнаженной. Охотник, которого, как и всех его сверстников, часто посещали волшебные грезы страсти, впервые видел красоту обнаженного женского тела на расстоянии вытянутой руки. Его руки!

Жар бросился ему в лицо при виде того, как Халида сладостно повела руками, начиная путь от пышных бедер, оглаживая нежный живот и подпирая и без того высокие груди. Свет густо покраснел, когда эти руки потянулись к его поясу, освобождая от остатков одежды.

Парсиянка, словно давая ему время прийти в себя, скользнула за спину охотника, прижимаясь к нему всем телом. Свет с дрожью ощутил на себе нежные выпуклости и шелковистые волосы, с нетерпеливым ужасом ожидая, когда Халида, начавшая, не разжимая объятий, перемещаться вперед, упрется во внезапно вздыбившееся перед ней препятствие. Коснувшись его и вздрогнув всем телом, она чуть слышно простонала, отчего охотник тоже задрожал в нетерпении.

Девушка вдруг обхватила парня за шею и ловко оседлала вырвавшегося из табунов страсти скакуна, какого она не видела в своей богатой событиями жизни. Свет, придерживая тонкую талию одной рукой, сделал другой короткое движение, посылая волну теплого воздуха к одинокой свече. Пламя, отблески которого в последний раз заставили причудливые тени метнуться по углам, погасло.

Сливаясь воедино пара медленно опустилась на ковер. Мягким, но настойчивым жестом Халида опрокинула молодого охотника на спину. Она понимала женским чутьем, что тот еще не знает дороги, ведущей в волшебную страну страсти.

Вскоре, однако, выяснилось, что Свет, как и в любом другом деле, оказался способным учеником. Выплывая из очередного сладострастного забытья, парсиянка вдруг ощутила спиной мягкий ворс ковра; в следующий раз ее разгоряченные плечи вновь приятно освежал прохладный ночной воздух. Погружаясь все глубже и глубже в волны страсти, успевая в короткие мгновения просветления лишь удивиться неиссякаемой силе охотника, Халида наконец унеслась мыслями и телом в удивительную страну любви Ургилай, куда, как верит каждая парсиянка, женщина может попасть лишь один раз в своей жизни. Ах, какой у нее был проводник!..

Только к утру Свет забылся коротким живительным сном. Предводительница не спала, вглядываясь в разжижающейся тьме в его лицо. Она понимала, что волшебная ночь прошла, и завтра Свет уйдет, чтобы завершить свое дело, важнее которого, как он считал, не было ничего. Тут Халида с ним бы не согласилась. Но разве спросит ее, слабую женщину, герой, перед которым только что открылась дорога к подвигам?..

Свет вышел из опустевшего шатра, удивляясь дружелюбному спокойствию, с каким его встретили парсы. Впервые за многие годы он обошелся без утренней тренировки.

– Впрочем, – усмехнулся он, – ночная «разминка» выжала из него сил и энергии как бы не больше, чем многочасовой мечный бой с сильным противником.

Он заметил вдруг такую же хитрую усмешку на губах Нажудина. Пожелай он – и пожилой парс рассказал бы ему, что Предводительнице принадлежит любой мужчина, на которого она положит глаз вечером, да и в любое другое время суток. Но как только она выберет одного, единственного – с кем решит связать всю оставшуюся жизнь – настанет время новой Предводительницы, а эта станет обычной женщиной древнего племени.

А еще Халида могла сказать ему, что ради него она готова была пожертвовать своим высоким положением... Пока же она без тени смущения подошла к парню и озадачила прямым вопросом, нисколько не пытаясь скрыть его от остальных:

– Была ли у тебя раньше такая женщина, Свет?

Охотник, решивший было, что после этой ночи ничто не сможет его смутить, начал краснеть. А Халида с ликующей улыбкой на чувственных губах добила его:

– А много ли их было у тебя?! – прекрасно зная ответ.

Она повернулась, снова превращаясь в гордую неприступную Предводительницу, и удалилась, разбавив своей насмешкой горечь расставания. Парсы вокруг только расхохотались.

Свет наотрез отказался откладывать свой отъезд. Его словно что-то гнало вперед. Нажудин подвел к нему уже снаряженного коня. Подавая расшитый особым образом камзол, он попросил охотника надевать эти нарядные одежды – особенно когда окажется среди парсов. Если бы Нажудин смог отказаться сейчас от всей цветистости речи, он попросту сообщил бы охотнику, что тот стал почетным членом каждого племени парсов, его признанным героем.

Последним со Светом простился мастер Дамир. Неожиданно смутившись, он передал охотнику свиток, покрытый незнакомыми знаками. Он не стал говорить охотнику, что когда-то очень давно молодой Дамир встал перед выбором – принять предложение одиннадцати мастеров Дао, чей аскетизм давно вошел в легенды и стать их двенадцатым собратом, или вернуться в родной город, где его ждала веселая хохотушка Зохра. Лишившись жениха, она поселилась рядом с Обителью, и стала незаменимой в округе травницей. За все эти года двое молодых, потом пожилых, а ныне очень старых человека не видели друг друга ни разу. Это был выбор Дамира. И сейчас он не был уверен, что этот выбор был правильным.

Дамир протянул другой рукой перстень простого серого металла – с иероглифом на печатке. Свет узнал имя Дао. Мастер покачал головой, отвечая на невысказанный вопрос:

– Этот перстень не принадлежал Иджомаху. Каждому новому мастеру Дао дает новый перстень, сработанный из волшебного металла. Металл этот носит имя бога, подарившего его людям. Бога настолько древнего, что от него осталось только имя – Титан. Увы, это не перстень мастера Ли. Только теперь я понял, кого он звал, чтобы проститься, уходя из жизни. Тогда я подумал, что вступая на тропу, ведущую в конечную темноту, он в последний раз хотел насладиться теплом нашего солнца, прошептав: «Свет!». Теперь я знаю, что он звал тебя... И это не единственная, и не самая главная моя ошибка.

Охотник примерил дар бога, о котором он услышал впервые, к безымянному пальцу левой руки. Кольцо, явно более узкое, чем полагалось, неожиданно легко скользнуло через сустав, занимая, казалось, давно привычное место. Свет удивленно вздернул брови. Он удивился бы куда сильнее, почти сейчас мысли Дамира. Старый мастер, отдавший многие годы тренировкам тела и духа, что бы приобщиться к братству Дао, понял, что в это мгновение сам Дао признал Света мастером своего учения...

Тропа, по которой бодро стучали копыта скакуна, вскоре сменилась нетронутыми травами высокогорных лугов. Представшая перед охотником и его четвероногим другом великолепная картина разнотравного раздолья заставила сжаться его сердце, пораженное суровой красотой этих диких мест, рожденной близким солнцем и свежим горным воздухом.

Даже Волк словно вспомнил свое щенячье детство и весело прыгал, безуспешно пытаясь догнать шустрых сурков, которые маленькими часовыми застывали у своих норок, и молниеносно исчезали в них, как только к ним с веселым лаем приближался такой добродушный сейчас на вид пес.

Вскоре травы стали редкими, жесткими; их место заняли сначала высокие стебли, усыпанные мелкими, подобными крошечным колокольчикам цветками. Затем исчезли и они. Только камни теперь безмолвно следили за всадником и его псом; их все чаще замещали снежные куртины. Здесь начиналась тайная тропа в долину, где жила травница.

Охотник переночевал меж корней огромного, неведомо как выросшего в камнях можжевельного дерева, нижние сухие сучья которого пошли на крошечный костер. Где-то рядом всю ночь бродил какой-то хищный зверь, спугивая иногда сон охотника недовольным урчанием. Может Свет занял его место? Если и так – это обстоятельство никак не помешало Свету прекрасно выспаться, иногда вспоминая во сне самые волнующие моменты прошлой ночи.

Точно в указанном месте охотник повернул коня в незаметное со стороны ущелье. Оно было настолько узким, что можно было иногда коснуться руками сразу двух противоположных каменных стен. Тут всегда царил полумрак, и всегда было холодно. Но дорога была на удивление ровной и натопанной, словно поток путников здесь не иссякал.

Холод в одно мгновение сменился живительным теплом – как только Свет преодолел очередной крутой поворот. Перед путниками внизу лежала маленькая долина, представлявшая собой отсюда – где ее можно было окинуть взглядом всю разом – цветущий сад с маленьким домиком посреди. Свет понял, что какой-то местный катаклизм, а может, чьи-то могучие чары остановили в этом месте лето, и оно никогда и никуда не уходило отсюда.

Вот у избушки показалась женщина, к которой, очевидно, охотник и направлялся. Ведя в поводу коня, он спустился вниз по извилистой дорожке и направился прямо к дому, где его ждала... тетка Любаша; а еще запах ее знаменитых пирожков. Понимая, что таких совпадений в жизни не бывает, он махнул перед глазами рукой, призывая этим жестом одну из тех сил, которые вроде как должны были дремать в нем. Чудесная картинка уступила место другой – не менее удивительной.

Теперь перед Светом стояла маленькая старушка со смеющимся лицом, мало чем напоминавшая дородную Любашу. Но запах пирожков не исчез; да и Волк с шумом сглотнул – он тоже учуял знакомый запах. Старушка оперлась руками на стол из тесаных досок, стоящий тут же, под открытым небом, и веселым голосом почти пропела:

– Здравствуй, Свет. Вовремя ты – как раз подоспел к пирогам.

– Я не один, – усмехнулся он, кланяясь и косясь на пса.

– И Волка накормим, – усмехнулась старушка.

Свет понял, что слухи о ясновидении Зохраны не были преувеличенными; по крайней мере, в том, что касалось прошлого путников.

– Садись, – Зохрана сдернула с широкого блюда, полного горячих пирогов, полотенце, расшитое неведомыми зверями, – все вопросы потом.

Умывшись при помощи нехитрого, никогда невиданного устройства, которое Зохрана назвала рукомойником, Свет уселся за стол. Откусив от первого пирога внушительный кусок, охотник закрыл глаза и представил себя дома, в избе тетки Любаши и дядьки Радогора, в кругу его большой семьи, и вдруг отчаянно захотел, чтобы все это случилось наяву. Чтобы не было битв и сражений, погребальных костров и даже... Халиды. Если бы прошлое можно было вернуть, он готов был пойти на такую жертву.

– Увы, – прошелестел рядом чужой голос, – прошлое можно увидеть, но не вернуть.

Зохрана вернулась за стол. Теперь ее глаза не смеялись. Но за тем, как молодой охотник утоляет богатырский аппетит пирогами и холодным козьим молоком, она наблюдала с искренним удовольствием.

– Вкусно, – признался Свет, и неожиданно спросил, – а не страшно здесь одной, тетушка?

– Здесь мало кто бывает, – ответила ему Зохрана, улыбнувшись, – к тому же у меня есть защитник.

Она показала пальцем на пушистого серого кота, который грелся рядом на солнышке. Тот, словно поняв, что речь пошла о нем, вскочил, выгнув спину, и направился к хозяйке.

– Мой Пушок, – ласково сказала старушка, – кот, каких больше не осталось в подлунном мире. Кстати, как и твой Волк.

Она теперь показывала на огромного пса, который, к искреннему изумлению Света, шарханулся он маленького мышелова как от настоящего тигра. Свет слишком хорошо знал своего пса, чтобы подумать, что наевшийся Волк таким образом выказывает свою признательность. Он пригляделся к коту, запрыгнувшему на колени Зохране. Тот, словно специально, мазнул перед собой воздух лапой, которую украшали кривые острые когти. Но не сами они были

примечательны – почтительную опаску внушала какая-то густая маслянистая жидкость, которой были смазаны когти.

Старушка проследила взгляд охотника.

– Это яд, равного которому нет, – понятной гордостью заявила она, – в это трудно поверить, но среди его далеких предков есть и кошки, и ядовитые змеи. Что было тому причиной – каприз природы или злая шутка чародея – не скажет уже никто, потому что Пушок – последний в своем роду.

Она отослала Пушка обратно на нагретое солнцем крыльцо и перешла к вопросам, за ответами на которые пришел к ней Свет.

– Мастер Дамир написал мне, какую непомерную ношу взвалил ты на свои плечи. Но я не смогла увидеть того, что ждет тебя впереди. Твое прошлое я читаю в глазах – детство, отрочество, заполненное трудом взрослого мужчины; наконец, трагедию твоего рода. Ну и еще кое-что, происшедшее совсем недавно, – лукаво улыбнулась она, – однако что-то, или кто-то мешает мне заглянуть в твое будущее. Такой могучей силы, скрывающей грядущее, я еще не встречала.

Свет медленно поднялся с лавки. Он совсем не жалел, что потратил несколько дней – знакомство с удивительной старушкой очень впечатлило его. А уж ее пирожки...

– Однако, – зазвенел голос Зохраны, – я могу сказать, что ждет впереди твоего пса.

Мелкими шажками она подскочила к Волку, схватила его за мохнатые щеки и уставилась в широко раскрывшиеся ей навстречу глаза пса. Свет ощутил начало таинства, когда внутри шевельнулись дремавшие силы, наверное, почуявшие магическое шевеление эфира.

– Вижу, – хрипло начала провидица, – вижу тебя готовым отправиться в дальний поход, рядом с воином. Не могу увидеть его лица, закрытое завесой силы. Вижу только сверкающие доспехи, украшенные изображением солнца – меч, щит, шлем и кольчугу...

Зохрана вздрогнула, отрываясь от будущего и переводя взгляд на охотника:

– Знакомый щит – я видела его на воротах Зеленграда.

– Щит Владимежа!

– Владимежа, – эхом повторила травница, – твоего предка.

Зохрана окончательно вышла из транса и вонзила горящие стрелы своих глаз в наследника великого героя древности.

– Ищи доспехи своего предка, Свет, – прохрипела она, – без них тебе не победить врага. В них он оставил свою силу.

– А разве?... – начал охотник, бросаясь к старушке, которая явно отдала ворожке все свои невеликие физические силы.

– Нет, – покачала головой старушка, усаживаясь с его помощью на широкую скамью, – в талисмানে только душа, которую он оставил своему новому роду; может быть часть его силы, как и в каждом другом доспехе. Лишь собранные воедино, они могут противостоять самому отвратительному и ужасному колдовству.

Зохрана удивительно быстро набралась сил; она встала напротив охотника.

– На склоне своих лет, Владимеж, чувствуя приближение смерти, вызвал к себе старшего сына. Он взял с наследника клятву, что тот выполнит все заветы отца. Великий князь сказал, что покидает на время Зеленград, отправляясь туда, где оставил свою душу – еще не будучи Великим князем; до знакомства с матерью своих детей. Он оставил сыну доспехи, дарованные ему Небом, взяв с собой лишь меч. Князь не вернулся в Зеленград, и вскоре в главном храме города и государства водрузили гроб Владимежа, который на самом деле – искусно обработанная глыба розового мрамора. Где покоится на самом деле Великий князь, неведомо никому...

Свет переночевал у доброй старушки и с первыми лучами солнца простился с ней. Он снова направился вверх по ущелью, чтобы вырваться на простор горных лугов и направить коня туда, где начиналась дорога в Зеленград, древнюю столицу государства славянов.

Глава 7. Би Рослан

Поздним вечером Любин наконец добрался до Обители. Он искусно накинул на себя тень безмерной усталости и подошел к костру, вокруг которого сидели, вяло переговариваясь, парсы.

– Мир вам! – обратился к ним Любин, – позвольте погреться у вашего костра.

– Садись, путник! – парсы до сих пор пребывали в приподнятом настроении, согретье и доброй вестью об исчезновении проклятья племени, и кружками терпкого вина, – голоден ли ты?

Любин помялся. Вообще-то он недавно перекусил, но опыт долгих странствий подсказывал – когда люди встречаются так радушно, отказываться от гостеприимных предложений нельзя. Поэтому он кивнул.

Разговор велся по-дугански, поскольку в языке парсов Любин не понимал ни слова. Он набросился на угощение, словно действительно голодал несколько суток. Притвориться для него не составило труда – он лишь вспомнил блуждание по лесу в поисках деревушки рода Ясеня.

Парсы, весело переговаривающиеся и подмигивающие ему, вдруг замолчали. Лишь один голос окреп и зазвучал, отгалкиваясь всей мощью от древних стен Обители и заполняя собой все вокруг. Любин понял, что невысокий чтец, обративший одухотворенное лицо к небу, декламирует сейчас что-то необычное. Поэтому он, поежившись, нажал на левый глаз, особо не скрываясь. Да и что в этом жесте такого особенного – ну попала человеку соринка в глаз. Тем более, что всеобщим вниманием сейчас завладел чтец.

Каждый раз Любин с невольным содроганием ждал момента, когда его голову заполнит холодный разум Повелителя. Вот и сейчас он внутренне затрепетал, когда в черепе стало вдвое тесней. Но Повелитель не стал, как обычно, поносить последними словами своего верного раба, до сир пор не исполнившего поручения. Он внимательно вслушался в речь декламатора. Больше того – с его колдовской помощью и сам Любин стал понимать тщедушного парсийца.

С не меньшим, чем остальные, вниманием Узох (а вместе с ним и Любин) выслушал новую поэму Бензира, которую, быть может, когда-то назовут пророческим творением великого Фардоса. А может, великий предок маленького парса действительно говорил сейчас со своим народом его устами? Сидевший с ангельским личиком убийца поначалу воспринимал поэму как сказку, навеянную грозным очарованием стен древней Обители. Но когда Бензир, описывая богатый выкуп за Предводительницу, махнул на двух лошадей, со спин которых действительно свисали хурджины с тяжелым – как оказалось, золотым – грузом, Любин встрепенулся. Он даже начал прикидывать, как этим золотом завладеть.

А вот Узох сразу понял, что поэт описывает недавние события, увиденные им воочию. Его черное сердце замерло в предвкушении, когда Бензир описывал момент передачи Предводительницей герою талисмана с силой Фардоса. Сам Повелитель сейчас понял, что маленький поэт с громким голосом не все разглядел в этом таинстве; что кроме Фардоса при передаче присутствовал еще кто-то – не менее могучий.

В голове Любина вдруг прозвучал громовой возглас, перечеркнувший все его планы насчет золота:

– Это он! – в коротком слове Узох непонятным образом обозвал всех – и молодого охотника, и парсийского поэта Фардоса, и того, кто уже давно стоит в ряду светлых сил – в первом ряду, между прочим!

Это для Любина было совсем непонятно и он осторожно спросил:

– Кто он?

– Свет! – коротко ответил Узох, справедливо решив, что пугать верного прислужника силой, стоящей за спиной охотника, ни к чему, – человек, которого мы ищем. И которого ты должен был догнать и убить!

Впрочем, теперь Повелитель был даже рад, что его адепт был не столь проворен, как хотелось бы Узоху. Теперь тайны сразу двух великих героев древности могли раскрыться перед Повелителем. Узох, не переставая следить за витиеватой повестью Бензира, успел прочесть и замыслы Любина.

– Не вздумай связываться с парсами! Их золото от нас не уйдет! Когда Свет умрет, главное, что ты должен сделать – сохранить его талисман. Понятно? Талисман!

Любин опять испуганно вздрогнул, и тут же облегченно вздохнул, когда понял, что его снова окружают только парсы. Лишь одна мысль отравляла теперь его существование – слова Узоха о том, что золото будет «нашим».

Парсы, посидев еще в раздумьях у тлеющего костра, стали готовиться к ночлегу. Нажудин нашел взглядом незнакомца и увидел его уже спящим на голых камнях. Покачав головой, парс не стал будить уставшего путника, а лишь накрыл его теплым одеялом. Притворщик, равного которому подлунный мир рождал очень редко, даже в мыслях не поблагодарил Нажудина. Он терпеливо дожидался, когда стан затихнет.

Наутро племя не досчиталось одного из своих лучших скакунов. Еще совсем недавно азартные парсы кинулись бы вдогонку. Но теперь – когда в четырех хурджилах весело позвякивали золотые монеты, и когда все они были объединены одной целью – донести до остальных парсов радостную весть – Нажудин махнул рукой: «Пусть еще одному человеку будет хорошо!». Знал бы он, куда направил их коня Любин!

В тот же день парсы снялись с места, и направились кружным путем в родные степи – ведь тайный, короткий путь от Обители к обитаемым землям мастер Дамир показал только Свету. Они везли племенам богатый выкуп, и главное – добрую весть.

Любину, между тем не нужна была карта. Его вел лучший проводник, какого только можно было пожелать – тепло родной земли Света. Он часто сверялся с этим своеобразным поводырем – особенно там, где травы сменили голые камни, не оставлявшие на себе следов копыт. На следующий день он остановился у огромного корявого можжевельника, рядом с которым узелок, ставший совсем горячим, обжег ладонь сразу в двух местах. Немного покружив, он все-таки обнаружил вход в узкое ущелье, скорее расщелину – и тут же вызвал Повелителя.

Узох, по-видимому, был очень занят, потому что, выслушав короткий доклад адепта, он коротко приказал, за тысячи верст махнув рукой в сторону ущелья: «Проверь!».

Любин повернул направо. Как и Свет, он остановился в изумлении, когда его взору открылась долина травницы, стиснутая громадой гор, защищавших ее от злых ветров. Еще больше он удивился, когда навстречу ему из аккуратного домика с котом на руках вышла единственная женщина, которую он когда-то любил. Его мать.

– Глупец, – загремел в голове голос Повелителя, избавившегося, наконец, от неотложных дел, – какая мать!?! Она же читает твои мысли! Эта женщина похожа на твою мать, как я на осла!

Повелитель внезапно умолк, и Любин понял почему – потому что Узох действительно был похож лицом на это трудолюбивое животное. Он постарался всеми силами похоронить эту мысль где-то подальше от головы – там, где Повелитель не сможет отыскать ее. Очевидно, это ему удалось не до конца, потому что сердце угрожающе заныло. Потому Любин и не заметил, что подошедшая старушка всмотрелась в его остановившиеся глаза. Она отшатнулась, когда увидела в этих очах бесконечную очередь убитых, замученных людей, а за ними – что-то совсем уже страшное... Так что руки Зохры быстрее разума сообразили, что надо делать – они с силой выпустили в благообразное лицо напротив живой смертоносный снаряд – Пушка. Они целили

в горевший нечеловеческой злобой глаз Любина – тот, из которого на нее плеснуло черной магией.

И Пушок не промахнулся! В то время, как задние лапы, точнее когти на них, полосовали подбородок и шею убийцы, передние вцепились точно в глаза. Любину, успевшему прикрыть веки, не могло помочь ничего – он умер мгновенно, не успев издать ни звука. А в своем далеком замке громко закричал Повелитель Узох, переполошивший практически всех прислужников. Из-под ладоней, закрывших лицо, текли вперемежку кровь и слезы. Все-таки при создании далеких предков кота не обошлось без магии – яд достал колдуна через полмира.

Магическая сущность Узоха преодолела действие яда. А может, на расстоянии он был не столь смертоносен? Во всяком случае, когда Узох отнял от лица ладони, на месте его левого глаза зияла чернотой пустая глазница. Рана уже заросла шрамом. Узох окривел. Как ни пытался он вернуть себе зрение, отращивая новый глаз, древняя магия не позволила сделать это. А время между тем было потеряно.

За полмира от замка Повелителя Зохра с удивительной для хрупкого тела силой потащила труп убийцы в яму за пределами обрабатываемого огорода. Там, в прямоугольном провале, в который как раз поместилось тело Любина, издавна из каменных стен сочились густая темная жидкость, которой Зохра заправляла светильник. Волшебница не колеблясь пожертвовала своими запасами горючего масла. Она свалила труп в яму, погрузив его полностью в жидкость, и подожгла ее.

Сквозь взметнувшееся пламя Зохра с удивлением и страхом увидела, как мертвец попытался сесть в неглубокой яме. Но тут его глаза от нестерпимого жара лопнули, едва не обдав своим страшным содержимым отшатнувшуюся старушку, и всякое шевеление прекратилось. Когда каменное ложе выгорело дотла, на каменном основании не осталось даже горстки пепла – и этому Зохра очень обрадовалась. Она все-таки завалила яму землей, а потом уложила слой дерна – чтобы ничто не напоминало ей о страшном госте, и его еще более страшном Повелителе. А земляное масло?

– Новую яму недолго выдолбить в мягком камне, – успокоила она себя.

Повелитель между тем, «налюбовавшись» на свое новое обличье, в котором он еще больше походил на осла – теперь окривевшего на левый глаз – тщетно пытался дозваться до мозга своего раба. Его тайный план, преследующий своей целью порабощение, или даже искоренение народов Гудваны, откладывался на неопределенный срок. Теперь он не мог мгновенно отправить людей, нужных для проведения колдовского ритуала туда, куда была нацелена мрачная стрела его замыслов.

В эту ночь кровь лилась на жертвеннике замка особенно обильно. На следующий день хорошо оснащенная группа всадников – количеством тридцать человек – начала дальний путь от центра Черного континента к берегу океана, и дальше – к Гудване. Среди белых наемников своим необычным видом (для Белого континента) выделялся высокий чернокожий человек. Редкие путники никак не могли разглядеть его лица с горящими неестественным огнем глазами. Погруженный в свои сказочные видения путник оживлялся только тогда, когда на столяках предводитель отряда отмерял в подставленную кружку тягучие капли наркотического снадобья.

Имени предводителя никто не знал, ибо Шайтаном – так звали его все – вряд ли назвали при рождении младенца. Этот человек с жестоким лицом и еще более жестоким сердцем, однажды попробовал лишить чернокожего обычной вечерней дозы снадобья. Однако его злобную радость на лице быстро сменила гримаса боли – гораздо ужаснее той, что мучила несчастного пленника. В его голове раздался голос Повелителя:

– Повеселился? Хватит! – тело Шайтана опять свело судорогой нестерпимой боли; лицо посерело, в то время как руки лихорадочно распутывали поясной платок – именно там хранилось волшебное зелье.

Больше подобных экспериментов он не предпринимал, однако ежедневно – доставая заветную бутылочку – зябко вздрагивал, вспоминая и голос Узоха в голове, и боль, которую несло появление Повелителя.

Свет почти без приключений проехал ущелье, так и не узнав, какую ужасную смерть принял неведомый преследователь. Лишь однажды в нем проснулся охотничий азарт, и тонкая стрела нашла невиданного прежде зверя, который при ближайшем рассмотрении оказался лисой – но не рыжей, к каким привык охотник в родных лесах, а практически черной. Только самые кончики ости были серебристыми. А когда подул легкий ветерок, по шерсти словно пробежала волна живого серебра.

Охотник, которого теперь скорее следовало называть воином, привычными движениями содрал богатый мех – совершенно не поврежденный, поскольку зверь был поражен в глаз. Голую тушку он оставил на камне. Такое мясо даже Волк стал бы есть только после очень долгого голодания. Свет провел еще одну ночь в ущелье, а ранним утром, свернув в еще одну незаметную для постороннего глаза расщелину, в которую едва протиснулся конь, оказался над высокой равниной, заросшей никем некошенными травами.

Молодой охотник поскакал было вперед, радуясь открывшемуся простору, где можно было насладиться скачкой, но тут же осадил лошадь. Он оглянулся назад, запоминая место, откуда начиналась единственная дорога к дому, которую он знал. Расщелину, густо заросшую кустарником, невозможно было разглядеть даже вблизи, но рядом устремила свою вершину к небу высокая одиночная скала. Она стояла стражем почти рядом с расщелиной. Уже медленней – размеренной рысью – он поскакал к видневшейся вдали дороге.

Достигнув едва заметной колеи, Свет повернул налево, следуя указаниям Зохраны. Из рассказов доброй тетушки (слышали бы эти слова Любин с Узохом!) он знал, что находится сейчас на окраине государства Хурасан, чей властелин управлял землями и людьми твердой, скорее даже жестокой рукой. Впрочем, Свету не было до него никакого дела, поскольку его путь пролегал далеко от столицы Хурасана.

Ближе к полудню наш герой достиг небольшого постоялого двора, который, по сути, был небольшой деревушкой, обнесенной общим забором. Заправлял здесь всем толстый здоровяк с выпирающим вперед животом и приклеенной к лицу профессиональной приветливой улыбкой. Он встретил Света у крыльца самого большого здания. Длинная коновязь и большая конюшня рядом с ним указывали на его предназначение. Это был постоялый двор.

– Здравья тебе, хозяин, и всему твоему роду, – первым приветствовал старшего по возрасту охотник.

Приветствовал на дуганском языке, который трактирщик не мог не знать. И не ошибся.

– Здравья и тебе, путник, – ответил хозяин, переводя взгляд со Света на Волка и обратно.

– Принимают ли здесь на постой?

– Мы рады поделиться с приезжим крышей над головой и едой... Конечно, если у него есть чем заплатить.

Здоровяк захохотал; охотник присоединился к его смеху. Он вспомнил о золотой монете, которую берег, как память о парсах, но вытащил все-таки шкурку лисы. Молча протянув ее хозяину, Свет заметил, как алчно блеснули его глаза. Он, конечно, не знал, что чернобурки очень высоко ценились в этих краях – ведь водились они теперь очень далеко – по ту сторону высокого горного хребта, делившего Белый континент надвое. В этих же краях подобные животные давно не водились.

– Ну что ж, проходи, чужестранец, – хозяин подвинулся, открывая проход в прохладу дому; отсутствие акцента в дуганском охотника не смогло обмануть его.

Он широко махнул рукой, приглашая платежеспособного гостя; другая так и не выпустила ценный мех. Видно было, что мыслями здоровяк сейчас далеко – может там, где он хотел спрятать шкурку?

– Спасибо, – ответил ему Свет, – я, пожалуй, пройдусь немного. Надеюсь, за моим конем присмотрят?

– Конечно, – хозяин исчез в дверях, а оттуда тут же выскочил черноволосый мальчишка в рубахе навывпуск и босиком, который бросился к скакуну.

Вполне профессионально он погладил высокого коня по морде и повел его к конюшне. Свет огляделся. Не сознавая того, он уже приобрел привычку бывалого воина – знать все о месте, где, быть может, придется принять бой. А может – и бежать отсюда во все ноги. Несмотря на недавние подвиги, юный охотник не возгордился, ибо помнил слова учителя о том, что гордыня – первый шаг к поражению.

На небольшой площадке перед гостиним домом о чем-то громко вопил, вздымая руки к небу, высокий жилистый человек в добротных дорожных одеждах. Его с равнодушием слушали два парня, одетых поплотнее. Они чем-то неуловимо напоминали первого. Четвертым в этой компании чуть в стороне стоял старик, весь облик которого можно было выразить одним словом – аккуратный.

Небольшая подстриженная бородка, небогатый опрятный наряд, маленькая шапочка с искусно накрученной на ней толстым слоем шелковой материи – подобной той, что носил на талии мастер Ли, а главное – умные печальные глаза.

– Он многое повидал, – решил Свет, подходя именно к нему и спрашивая, – мир тебе, добрый человек; о чем сокрушается этот, несомненно, очень почтенный торговец?

Вид последнего недвусмысленно указывал на род его занятий. Старец воззрился на охотника с некоторым удивлением.

– Понятно, – весело подумал Свет, – не ожидал такой почтительности от юнца, разгуливающего по свету с луком за плечами, – может, ты не будешь удивляться, когда узнаешь, рядом с кем я прожил последний месяц?

Незнакомец тоже поклонился:

– Меня зовут Би Рослан, – не стал чиниться он, первым представляясь молодому охотнику.

– Свет, – коротко представился охотник.

– Мир и тебе, Свет! Почтенный Алмазар сегодня лишился своей охраны. Нет, – поправился он почти весело, – самому ему ничего не грозит. Он лишился охраны своего товара. Четверо бездельников покинули нас сегодня, заявив, что купец слишком мало платит им.

– Слишком мало?! – подскочил к ним Алмазар, сразу переходя на понятный Свету дуганский, – да они съели и выпили больше, чем я заработаю, продав весь свой товар. Да еще по золотому в счет оплаты получили – как раз вчера. И покинули, когда должна была начаться настоящая работа.

– А далеко ли вы путь держите, почтеннейший? – задавая этот вопрос, Свет прикидывал, не присоединиться ли ему к каравану – хотя бы на время.

Проигрывая при этом в скорости и времени, он, несомненно, выигрывал в безопасности. Да и ненужных вопросов и подозрений от патрулей, которые шныряли по всему Хурасану, тоже можно было избежать.

Алмазар уже отскочил, продолжая угрожать кулаками ни в чем не повинному небу.

За него ответил старик:

– Мы держим путь в Шахрихан.

– А будет ли ваш путь пролегать мимо города, именуемого Зеленградом.

– Мы будем проезжать мимо некогда славного Зеленграда.

Свет не стал заострять сейчас внимания на этом достаточно нелестном эпитете, которым наградил Би Рослан столицу его предка.

– Тогда, может быть, почтенный Алмазар возьмет меня охранять его товары?

Торговец сразу замолчал, принявшись рассматривать внушительную фигуру охотника.

– Нас двое, – показал Свет на Волка. Пес, неторопливо приблизившийся к хозяину, вызвал невольное уважение своим свирепым видом.

– Что ты умеешь? – теперь уже заинтересованно спросил Алмазар.

Свет пожал плечами. Он поискал взглядом, на чем можно показать свое умение. Вдруг он вскинул руку вверх, показывая на коршуна, который высоко в небе нарезал круг за кругом, выглядывая мелкую живность на постоялом дворе. Все взгляды метнулись вслед за этим жестом, поэтому никто не увидел, как охотник плавным движением вытянул из колчана стрелу, одновременно изготавливая лук к выстрелу. Бесшумная оперенная смерть улетела навстречу птице, и та вдруг дернулась под взглядами людей, словно наткнулась в полете на невидимую стену.

Коршун, кувыркаясь, полетел вниз, упав на самом краю площадки. Собравшиеся дружно переводили глаза с птицы на охотника, только теперь заметив, что тот держит в руках лук. Все бросились к пернатому хищнику, не замечая, как Волк серой тенью скользнул за ближайший дом.

Алмазар, не веря своим глазам, молча переворачивал тяжелую тушку птицы палкой с одного бока на другой. Он словно хотел, чтобы все увидели, что у коршуна навывлет пробиты оба глаза. Торговец повернулся к Свету, который как раз принимал из широкой пасти четвероногого друга стрелу. Запасом стрел охотник дорожил, поскольку за время недолгих скитаний он ни разу не заметил зарослей остролиста, из которых получались лучшие в подлунном мире древки.

– Я согласен вверить твоей защите свой товар, – подошел он к необычному стрелку, тайне надеясь, что Свет обойдется не дороже, чем предыдущие четверо.

Он поначалу не мог поверить, что Свет готов сопровождать караван лишь за еду для себя и собаки с лошадью. Они ударили по рукам. На сунувшегося к Свету с подсказкой Би Рослана торговец грозно сверкнул очами, и тот поспешил спрятаться за широкую спину охотника. Почтенный старец сам находился в караване лишь из милости Алмазара.

Охотник ушел было в гостинный двор, когда из конюшни раздался пронзительный крик животного, несомненно, истязаемого чьей-то рукой. Он вопросительно посмотрел на аккуратного старца, и тот улыбнулся.

– Увы, – сказал он, – это единственный соотечественник, который последовал за мной в изгнание.

Он поманил за собой охотника в прохладный полумрак конюшни, где возился давешний парнишка, и Свет разглядел в полутьме рядом со своим скакуном низенькое длинноухое существо – мелкую пародию на лошадь. Непонятно было, как этот переросший заяц может нести на себе даже такого небольшого человека, как Би Рослан. В этот момент осел – так назвал своего «иноходца» старик – снова открыл рот, и Свет поспешил на улицу, невольно потирая уши руками.

– Это Дружок, мой ослик, – Би Рослан, степенно вышедший вслед за охотником, понял, что тот никогда не видел раньше этих трудолюбивых животных, – а там (теперь он махнул в противоположный угол конюшни) стоят мулы – нечто среднее между моим «скакуном» и твоим.

Свет лишь покачал головой, разглядев это, как он посчитал, издевательство над природой.

День закончился без происшествий, и Свет, переночевав в маленькой комнатке, к утру был готов выступить в путь. Мулы, сноровисто загруженные двумя грузчиками, оказавшимися дальними родственниками Алмазара, взявшим их из нищей деревушки в услужение практически на тех же условиях, что вчера Света, тронулись в путь. Под ярким светом солнца они ока-

зались вполне грациозными животными, чуть уступавшими статью скакуну охотника. Четверо из этой пятерки мулов несли неведомый, не интересный охотнику товар. На пятого взгромоздился купец. Двое родственников шагали пешком, без труда успевая за неторопливой поступью животных. Волк, проявляя инициативу, появлялся то впереди кавалькады, то позади ее, выполняя свою новую работу.

Первые дни пути – от одного постоялого двора до другого – оказались не скучными для молодого охотника, внимательно озиравшего окрестности. И все благодаря аккуратному старичку. Би Рослан оказался ученым историком, прославившим летописями свою родину – могущественный Рагистан.

– Увы, нынешний правитель Рагистана, приумноживший его могущество, столь же решительно разрушил благочестивые прежде нравы рагистанцев. Имя нашего правителя столь же звучно, сколь неблагозвучно, – старик первым рассмеялся своему каламбуру, – его зовут Нусрат.

Свет не поддержал смеха, поскольку считал, что не имя красит человека, а его дела. Би Рослан продолжил:

– Всем хорош Нусрат, если бы только не его страсть к кровавым зрелищам. Верить ли, в стране почти не осталось преступников. Это конечно благо – но какой ценой!

– Какой? – переспросил Свет.

– Каждый шестой день весь город собирается на ристалище – огромной арене, окруженной бесчисленными рядами скамей. На арену, забранную решеткой, выпускают осужденного преступника с мечом в руке, с другой стороны – хищного зверя.

– Какого? – заинтересовался охотник.

– Тигра, например, – ответил старец.

Свет вспомнил старинную гравюру в подземелье Обители; страшного полосатого зверя на ней.

– И что потом?

– Как что, – изумился Би Рослан, – что бы ты сделал с таким тигром?

– Убил бы его, – пожал плечами Свет.

Историк надолго замолчал, изредка бросая взгляды на мощные мускулы охотника и его юное лицо, в котором лишь две вертикальные морщины на переносице придавали Свету более суровый вид. Наконец он продолжил.

– Обычно убивает зверь. Преступников не стало хватать, но арена в дни ристалищ не пустует. Я имел неосторожность назвать шахиншаха в своем скромном труде кровожадной гиеной. Другой бы давно принял мучительную смерть на арене. Но Би Рослана, – старик гордо выпрямился на своем осле, едва не достав ногами до земли, – знает весь подлунный мир. Многие ученые мужи в разных странах называют меня своим учителем. Шахиншах Нусрат прислал мне чистую подорожную, что означает – впиши в него своей рукой любой город, за пределами Рагистана.

– И какой же город вписал ты в него, почтеннейший Би Рослан?

Историк вытянул из подорожной сумки свиток, и подал его охотнику. Тот развернул лист, скрепленный государственной печатью Рагистана. В главной своей части – там, где необходимо было поставить пункт назначения путешествующего ученого – подорожная была пуста.

– Во многих городах живут мои ученики, – повторил Би Рослан, – я еще не решил, где остановлюсь.

– А есть ли у тебя ученики в Зеленграде?

– Да, – кивнул ученый муж, – там живет один из них, Би Насими.

Тут и он, наконец, задал свой вопрос:

– Не будет ли нескромным с моей стороны, юный друг, спросить – какая причина сорвала тебя из родных мест? И куда ты направляешь своего коня?

Свет надолго задумался, а потом все-таки ответил – всю, или почти всю правду. О Халиде, например, он обмолвился лишь несколькими словами. Был бы здесь Бензир – сухие слова охотника обрели бы красочную полноту, заиграли новыми цветами, словно старые, никогда не надоедающие сказки.

Но даже столь скупой на подробности рассказ заставил смотреть Би Рослана на охотника с удивлением, а потом с искренним восхищением. Он не стал переспрашивать охотника, надеясь, что очередной трактат, в котором он уже сочинил первую страницу, обретет со временем все последующие; только вот времени для расспросов осталось очень мало. Ведь до столицы славинов уже не так далеко. Хотя...

Так, в неспешных разговорах, путники достигли большого леса, который, как не подгонял купец мулов, они за один переход пересечь не успели. Алмазар на глазах наливался бледностью и тревогой. Что-то он знал об этой чаще; что-то, заставляющее его крутить головой по сторонам так резко, что непонятно было, как у него до сих пор не закружилась голова.

Ночевать пришлось в лесу – у жаркого костра. Работники засветло натаскали сухих сучьев, а Свет, направившийся с одним из них в чашу, вернулся, когда костер едва тлел, разгоняя темноту вокруг себя не больше, чем на две сажени. Он вернулся, волоча за собой связанное тело, уверенный, что больше никто их до утра не потревожит. Потому что еще шесть разбойников остались впереди – там, где караван должен был проследовать поутру. Они были живы, но спали неестественным сном, прервать который мог разве что один из мастеров Дао.

– А зачем их тащить сюда, – резонно подумал Свет, – все равно завтра будем проезжать мимо.

Был еще один разбойник, покинувший замаскированный лагерь раньше, чем его отыскал охотник.

– Этот, – решил Свет, – тоже никуда не денется. Людские самонадеянность и любопытство не знают границ.

Посчитав свои обязанности на сегодня выполненными, охотник завалился спать, доверив ночную вахту Волку.

Ранним утром его попутчики проснулись, не заметив поначалу, что на одного ночевавшего в лагере стало больше. Алмазар, первый заметивший связанного разбойника, подскочил к нему и перевернул на спину, являя всем сонное лицо проснувшегося грабителя.

– Это же Седой разбойник, – вскричал он, отступая.

Видно было, что он до судорог в теле испугался даже такого – связанного – грабителя.

– За его голову дают сто золотых. Это стоит больше, чем весь мой товар.

Он повернулся к Свету; в его глазах сверкнула алчная искра. Сверкнула и погасла, когда Свет присел над грабителем и спросил:

– А за остальное?

– Что остальное? – не понял Алмазар.

– За голову – сотню, а за остальное – руки, там, ноги; требуха...

Свет не выдержал, и засмеялся первым:

– Там еще шестеро лежат, нас дожидаются.

– Еще шесть десятков золотых, – прошептал купец и, уже громче, в страхе, – как же мы доведем их до города?

– А кто нам помешает? – пожал охотник плечами, – может он?

Поднятый незаметно для остальных камень полетел в крону раскидистого дуба, под которым ночевали путники, и вниз полетел еще один – восьмой – и последний разбойник из банды Седого разбойника, которая только что перестала существовать. Разбойник, разлегшийся у корней дерева с наливающейся шишкой во лбу, был невысоким, но чудовищно широкоплечим – практически квадратным. Этот бандит, к которому как нельзя лучше подошли слова, сказанные накануне Светом, улегся рядом со своим атаманом, через всю голову кото-

рого действительно пролегла полоса седых волос. Свет не стал интересоваться – от рождения она у разбойника, или приобретенная от криков жертв насилия, на которое горазды все разбойники. Он лишь улыбнулся, поворачиваясь к купцу.

– Что ж, почтенный Алмазар, поздравляю тебя.

– Ийе! – удивился тот, – а меня с чем поздравлять?

– Хотя бы с тем, что я сейчас состою у тебя на службе, и этот трофей, – палец охотника ткнулся в седую гриву, отчего разбойник дернулся, – твой.

Купец обрадовано схватился за руку Света и принялся ее трясти, приговаривая:

– Завтра... Завтра же мы обменяем их на золотые монеты, и половина из них будет твоя.

Тут он запнулся, видимо посчитав, что излишне щедр; заглянул опять в глаза охотника, и не стал ничего менять в своих планах на завтрашний день.

Так получилось, что к вечеру следующего дня путники, сделав небольшой крюк в сторону – до ближайшего городка – выехали из него, звеня в карманах целым состоянием. Причем если Алмазар свою половину сразу же припрятал, юный охотник разделил свою долю на четыре части, одну из которых и ссыпал в свой тощий кошель. Три другие держали в руках Би Рослан и два батрака, не верящие своему счастью. На взгляд купца Свет поступил совершенно неразумно, но... Он вспомнил взгляд охотника, поехал, и радужные мечтания о том, как он отберет золото у своих неразумных родственников, растаяли как туман.

А Свет и Би Рослан улыбались, видя, как впервые на их глазах всегда поникшие, хоть и крепкие плечи батраков расправились, и на губах заиграли несмелые пока улыбки. Шутка ли – столько золота, сколько они запрятали поглубже в свои одежды, никогда не было в их нищей деревушке – даже продай жители все свое имущество вместе с домами. В их повеселевших глазах ясно читалось, как они уже тратят – скупно, как и любой крестьянин – свалившееся богатство.

Так, в оживившейся атмосфере, караван достиг границы Хурасана с государством славянов. Но если по эту сторону границы никого не было, за тонким бревном, означавшим пограничный переход, маячили фигуры стражников. И хотя эту хлипкую преграду можно было объехать с обеих сторон, торговец спешил и с почтительным видом отправился к офицеру – командиру стражников. Он вернулся совсем скоро – и в его лице не было теперь ни капли почтительности; только злость и обреченность.

– Этот шакал, – начал он вполголоса, опасливо косясь на стражников, – требует платы за проезд, хотя я уже заплатил все подати. Я предложил ему целый золотой! Но ему мало.

Свет, до последнего державшийся позади, выехал теперь вперед. Он спешил, и подошел к бревну, небрежно отесанному и покрытому красной краской, которая, как известно, везде означает: «Стой! Внимание!».

– Мы можем проехать только здесь? – спросил он, обращаясь к ближайшему стражнику.

Тот ощерился в издевательской улыбке и кивнул. Свет медленно потянул из ножен саблю, помнившую камни Обители. Тут же зазвенели, покидая ножны, клинки стражников. Лишь их командир не достал оружия, все же предусмотрительно отступив на пару шагов назад.

Охотник, не обращая никакого внимания на них, так же неторопливо вытянул саблю до конца. Мысленно попросив прощения у благородной стали, он взмахнул клинком и... Тот превратился в сплошную сверкающую полосу, невообразимым образом перемещавшуюся в руках Света от толстого конца бревна к тонкому. И только когда охотник остановился, одним движением вонзив саблю обратно в ножны, граница между двумя государствами перестала существовать. Все бревно – точнее плоские блины, подобные тем, на которые родичи Света ставили горячие горшки из печи – разом рухнули на землю. Стражник, собравший их потом для костра, сбился со счета. Может потому, что с грехом пополам умел считать лишь до сотни?

А Свет вернулся к лошади, одним прыжком оказался в седле, и медленно проехал мимо стражи. Караван тронулся за ним. Стражники так и не отпустили занесенные для ударов сабли.

Сейчас они обнаженным оружием словно отдавали салют. Молодой охотник въехал на земли, где некогда правил его знаменитый предок.

Глава 8. Новые родичи

Свет стоял, ощущая плечом горячее дыхание коня, и разглядывал щит, закрепленный на створке древних ворот. Они действительно дышали древностью, и лишь магия щита – как понял охотник – не давала им рассыпаться в труху.

Наконец он достиг Зеленграда – своей первой цели в большом мире. Рядом, так же молча, восседал на Дружке Би Рослан. Он решил присоединиться к молодому охотнику – с его согласия – понимая, что больше нигде в мире он не увидит столько знаменательных событий. Он, старый ученый, всю жизнь изучал историю; теперь же судьба пригласила посмотреть на то, как творится эта капризная богиня наук, а может – и самому поучаствовать в этом процессе. Историк присоединился к юному охотнику, к которому прикипел всем сердцем. Ни разу он не назвал его словом, хоть отдаленно напоминавшим смыслом «сын», но, наверное, уже считал его таковым. Если, конечно, быть таким смелым. Ведь во многих отношениях именно Свет относился к нему, как к беспомощному ребенку. Единственно, в чем превосходил охотника Би Рослан – это в знании своей любимой науки. Но и эта пропасть, прежде разделявшая их, становилась с каждым днем все уже – Свет с удивительной быстротой и пылкостью впитывал в себя знания. А многое и сам раньше знал; такое, о чем Би Рослан и не слыхивал. Взять хотя бы удивительную историю племени парсов, и злую волю мастеров Обители Дао.

Теперь же он с интересом смотрел, как Свет пересилил себя, сдержав руку, готовую сорвать с полотнища ворот щит предка. Вместо этого он постучал по старому дереву. Стук был глухим; вряд ли его расслышали стражники по ту сторону ворот. Но тут в дело вступил Дружок. Он затрубил так мощно, что конь Света шархнул в сторону, а створка ворот медленно, со скрипом, поползла в сторону. Перед путниками выросли два стражника.

Один из них – старший и годами и опытом – поочередно оглядел путников. Он очевидно разглядел что-то в глазах охотника; а может, был слишком опытен, чтобы связываться с этим вооруженным здоровяком. Его взгляд прикипел к ослу; точнее к двум переметным сумам, который вез на своей спине Дружок. Это не считая Би Рослана, конечно. Так что Свет сильно заблуждался, когда оценил его стати в первый раз.

Точно так же заблуждался стражник, ласкающий глазами эти объемистые и неподъемные (Свет не раз убеждался в этом) сумки. Ему бы заглянуть внутрь, увидеть там толстые книги – единственное богатство Би Рослана. А он кивнул Свету:

– Ты можешь проходить. Со своим конем, псом, и всем, что унесешь на своих плечах. А ты, уважаемый,.. – повернулся он к Би Рослану.

– Почтенный, – тронул его плечо Свет с легкой улыбкой на губах.

– Чего тебе еще? – резко повернулся к нему недовольный стражник, – сказано ведь – проходи!

– Я правильно понял, – еще лучезарней улыбнулся ему Свет, – что могу пройти со всем, что смогу унести на своих плечах?

– Ну да, – стражник стряхнул с плеча руку недалекого, как он посчитал, парня.

Он опять повернулся к старику, надеясь хорошо пожить здесь. Вообще-то вход в город не облагался платой даже с купцов – заезжай и торгуй. А уж с простых путников тем более. Но стражники уже полгода не видели жалованья, и потому решили, что этот отрезок городской твердыни по праву отдан им в кормление.

Охотник, не говоря больше ни слова, подошел к достойной паре, с беспокойством взиравшей на стражников, и подсел под осла. Миг – и Дружок вместе с седоком водрузил свой объемистый живот на плечо охотника. Обхватив его рукой, Свет без видимого напряжения в лице, даже с легкой улыбкой, прошествовал мимо разинувших рот стражников. Еще он отметил, как чуть нагрелся под рубахой талисман, очевидно приветствуя собрата – щит Владимежа.

Уже за воротами, в городе, он осторожно опустил на ноги осла вместе с пораженным Би Росланом, и только тут шумно перевел дух. Даже для его тренированного организма эта нагрузка была чрезмерной. Дружок опять заревел – теперь уже победно, делясь со столицей славинов тем непривычным чувством, когда не ты несешь кого-то, а несут тебя.

Путники направились в город, оставив позади изумленных стражей. Разинув широко рты, почтенные мужи не заметили, как в город неторопливо втянулся немалых размеров торговый караван, с которого они точно поимели бы неплохую мзду.

Свет с Би Росланом тем временем тоже были немало озадачены. Проезжая по землям государства славинов, они видели разруху, брошенные земли – все то, что рождает неумелые руки правителя. Этим государством, похоже, не управляли совсем. Но то за городом. В самой же столице разруха приобрела совсем уродливые черты. Широкая, мощеная камнем дорога – ровная, как стрела – вела от центральных ворот к холму, на котором возвышался кром, дворец нынешнего князя славинов.

Некогда чистая и торжественно пустынная – не каждого путника пускали на нее – она теперь превратилась в огромный базар. Здесь продавали, и покупали все. Был бы спрос. Но больше всего (после шнырявших повсюду карманников) здесь было нищих. Выставляя напоказ настоящие и мнимые язвы, они тянули к прохожим руки за подаванием, которого – замечал Свет – почти никто не подавал.

Оглушенный шумом толпы, охотник молча ехал вперед, раздвигая толпу грудью коня. Би Рослан, больше привыкший к городской толчее, бросил повод, придерживая сумки с драгоценным грузом – по ним уже пробежались чьи-то ловкие пальцы. Последним шагал Волк, создававший некоторое разрежение и вокруг себя, и вокруг всадников впереди. Мало кто осмелился бы наступить на лапу этому псу – поэтому на всякий случай все и теснились, пропуская маленькую кавалькаду.

Внезапно конь уперся в плотную стену из людских спин. Высоко сидевшему охотнику было видно, что впереди – на небольшом пятачке, свободном от людей – сидит за столиком человек с хитро блуждающей на губах улыбкой. Он ловко передвигал по столику маленькие стаканчики, между которыми метался, исчезая на короткое время, красный шарик. Хитрец кричал высоким зазывным голосом:

– Ставлю десять к одному! Десять грошей тому, кто поставит один и угадает, под каким стаканчиком прячется шар.

Свет оглядел толпу. Два человека, явно не праздные зеваки, бросились ему в глаза. Один из них, справа от охотника, внимательными холодными глазами оглядывал окружающих, словно отыскивая среди них кого-то, несущего угрозу. Другой – на голову выше остальных, грузный, и несомненно невероятно сильный – не отводил от первого маленьких неумных глаз. Он всем своим видом выражал готовность порвать на куски любого, на кого укажет главарь. А в том, что это одна банда, Свет уже не сомневался.

Между тем из первого ряда зрителей вперед выступил один решившийся рискнуть грошиком, который он и впечатал в столик так, что стаканчики подпрыгнули, а шарик едва не скатился на землю. Стаканчики замелькали перед глазами любопытных, и лишь опытный глаз Света успел заметить, как красная искра – шарик – метнулась от одного из них, чтобы спрятаться меж пальцами водившего. Сопровождаемый злорадным смехом толпы, неудачник затерялся в ней. Его место занял следующий, который, к удивлению охотника, выиграл посредством умело подложенного под нужный стаканчик шарика. Выигравший «счастливчик» с десятком грошиков в руке тоже постарался затеряться – поближе к главарю, с которым обменялся понятным только им двоим жестом.

К столику ринулись сразу двое. Свет улыбнулся, поняв, что предыдущая сценка разыграна как раз для таких простаков. Его улыбка вдруг изменилась – стала хищной, так что случайно оглянувшийся зевака в страхе отшатнулся. А Свет уже шел вперед, раздвигая могучим

плечом толпу. Конь – вместе с Дружком – остался под охраной Волка. Би Рослан, убедившись, что негласный приказ охотника распространяется и на его четвероногого длинноухого друга, поспешил заполнить телом ту брешь, что создала мощь охотника.

От столика как раз отходил очередной огорченный игрок, когда рядом с коробкой, заполненной почти доверху медными монетами, впечатался в столешницу золотой кругляш.

– Но господин, – воскликнул хитролицый игрок, поднимая глаза к охотнику, – у меня нет десяти золотых!

Он перевел взгляд на золотой, затем на главаря – за спину Света. Очевидно, получил какой-то приказ, потому что кивнул и дотронулся пальцем до коробки.

– Это все, что у меня есть, – сказал он, подвигая коробку к золотой монете, – если ты согласен принять такую ставку.

– Согласен, – кивнул Свет, которому, в общем-то, было все равно, сколько монет наберется в ней.

Игрок снова посмотрел на атамана; получил еще раз согласие на игру и завертел стаканчиками, заставляя красный шарик метаться между ними. Вот эта искорка исчезла, занимая привычное место между указательным и средним пальцами левой руки, а стаканчики замерли. Игрок ткнул в них пальцем:

– Выбирай!

Охотник задумался, вернее, сделал вид, что задумался, поскольку прекрасно знал, где сейчас находится шарик – в другой руке мошенника. Резким, никем не отмеченным, движением он ухватился за эту руку, сжимая ее так, что шарик, зажатый между двумя пальцами, сломал оба. Парень, дернувшийся было встать напротив Света, закричал неестественно тонким голосом. Он так и не рискнул подняться, заглянув в глаза склонившегося охотника. А шарик, не удерживаемый ничем – после того, как охотник отпустил руку – с негромким стуком упал на столик и покатился в наступившей тишине. Так что не было даже необходимости поднимать все три стаканчика, чтобы убедить зевак в том, что они долгое время предавались любимому занятию – давали себя обобрать. Эта истина заставила толпу всколыхнуться и угрожающе зашуметь. Но этот ропот легко перекрыл веселый возглас Света:

– Угадал!?! – словно удивился он.

Свет повернулся к зрителям, задавая этот же вопрос им; толпа одобрительно заворчала. Тогда охотник смахнул золотой в пустую сумку; следом посыпалась медная мелочь из коробки. Он двинулся, улыбаясь, к Би Рослану, неодобрительно качавшему головой:

– О небо! Он же еще мальчишка! – только сейчас рагистанец по-настоящему осознал, что его могучему другу действительно нет еще и восемнадцати лет.

Друзья, обогнув сомкнувшуюся над несчастным мошенником толпу, отправились дальше, ведя верховых животных на поводу. Скоро они остановили горожанина, который, подобно многим, бродил здесь без всякого занятия. Получив у словоохотливого бездельника необходимые пояснения, они свернули в узкий переулок, чтобы вдоль воняющего нечистотами канала добраться до обиталища ученика Би Рослана.

Они как раз достигли мостика через этот канал, в котором практически не двигалась темная вода. Ее было едва видно под слоем мусора и нечистот. Их остановил резкий оклик. Сзади, догоняя медленно продвигающуюся благодаря ослу процессию, спешили трое – остроглазый атаман базарной банды, толстый здоровяк и немного отстававший от них мнимый счастливчик.

Свет передал поводья коня ученому историку и остановился напротив них. Волк, увидев его успокаивающий жест, сел поодаль.

– Отдашь наши деньги и золотой, и можешь идти, мальчик. Мы только надерем тебе уши, – заявил атаман, поигрывая ножом.

«Мальчик» улыбнулся:

– А если не отдам?

– Тогда мы возьмем сами – и возьмем все, – остроглазый кивнул на лошадь и осла с хуржинами и шагнул в сторону, освобождая дорогу здоровяку. Тот пошел вперед, протягивая к охотнику руки с открытыми ладонями, словно примериваясь к шее строптивца. Выше охотника на голову, и такой же широкий, как Свет, в плечах, в талии он был раза в три толще – так что вряд ли какой человек в подлунном мире мог обхватить его двумя руками. И Свет в том числе. Поначалу – когда он шагнул в опасные объятия и свел свои руки за спиной великана. Но вот они (руки) стали смыкаться, несмотря на тщетные потуги здоровяка напрячь живот. Великан так увлекся этим занятием, что когда ладони охотника все-таки сцепились в крепкий замок, ему мало что было противопоставить противнику. Потому что дыхания не хватало; в голове стучали не молоточки, а целые кувалды; и в собственных руках, которыми он готов был тоже прижать охотника к себе, совсем не осталось силы.

Единственное, на что он мог рассчитывать – на громадный вес, выдержать который нормальному человеку было просто невозможно. А Свет и не стал проверять свои возможности – пока. Он разомкнул железные объятия и ухватил здоровяка за ворот рубахи, наматывая ее на кулак так стремительно, что соперник едва успел протолкнуть в себя единственный глоток воздуха. Другая ладонь Света так же неумолимо наматывала штаны в районе паха – до тех пор, пока из уст здоровяка не вырвался тот самый глоток – в виде сиплого писка, такого же беспомощного, как у рыночного шулера.

Охотник посчитал, что соперник достаточно надежно зафиксирован, и взял вес – громадная туша взметнулась вверх и застыла. Может, охотник дал время зрителям полюбоваться на эту картину; по крайней мере бросок, достойный героев древности, он совершил не сразу. А когда здоровяк наконец полетел в вонючий канал, зрителей было уже меньше – «счастливчик» испарился в темном переулке.

Великан упал в воду, подняв целый фонтан брызг. Еще выше полетели, достигнув высоких берегов, жутко пахнущие комки. Здоровяк не стал залеживаться в такой водичке. Он тяжело поднялся и пошел, качаясь, по колено в мутной жидкости, которую водой не хотелось даже называть. Он пошел вдаль, не так опасаясь повторного падения, сколько понимая – в этом месте он никак не сможет взобраться на берег по скользким стенкам канала.

Казалось, вид великана с безвольно поникшими плечами занимает все внимание охотника. Однако в тот момент, когда нож атамана, подкравшегося сзади, готов был вонзиться в спину противника, Свет плавно перехватил его руку и сдавил ее с такой силой, что острый клинок сам выпал в подставленную ладонь. Молодой охотник на время отпустил одноглазого, тут же схватившегося за раздавленную ладошку, и поднес его собственный нож к глазам – сейчас совсем не насмешливым. Глаза атамана были пустыми и в то же время обещающими немислимые страдания обидчику.

Однако в них плеснулся ужас, когда Свет холодно усмехнулся и принялся отламывать пальцами от ножа – от крепкого стального лезвия – кусок за куском. Они полетели туда же – в канал – и часть из них достигли спины великана, который отреагировал лишь тем, что втянул испуганно голову в плечи и ускорил шаг. Вслед за ними полетела рукоять, не достигшая здоровяка, а затем так же легко стали ломаться, неприятно лопаясь, пальцы атамана. Покончив с последним, десятым, пальцем, Свет резко отвернулся от остроглазого, который наконец потерял сознание.

Всадники продолжили путь в молчании. Наконец Свет повернулся к историку:

– Ты считаешь, что я слишком жестоко обошелся с ним?

– Да! – не отвел взгляда Би Рослан.

– Нет, – покачал головой охотник, вспомнив пустой взгляд прирожденного садиста, – этот человек – убийца, поверь мне. Он будет убивать, пока может... Теперь уже не сможет, – уточнил он.

– Лучше бы ты убил его! – вырвалось у старика.

– Вот с этим я согласен, – кивнул Свет, делая движение руками, словно собираясь повернуть назад коня.

– Я имел в виду, что ему теперь только милостыню просить, – Би Рослан ткнул пятками в бока Дружка, преграждая высокому коню дорогу.

– Что ж, – согласился с ним младший товарищ, – нищих тут много; одним будет больше. По крайней мере, хоть один будет настоящим, – он имел в виду, что множество увечных, выставивших напоказ окружающим свои страшные раны, могли смыть их в первом же ручье, – к тому же куда почетней быть попрошайкой, чем убийцей.

Би Рослан вдруг звонко рассмеялся, представив Света за этим почетным занятием. Напряжение, державшее обоих, отпустило, и вскоре историк стучался в калитку, ведущую к домику ученика.

Препровожденный в большую светлую комнату, в которой мебели было – лишь низенький столик да стопка одеял в нише, учитель засыпал ученика вопросами, не замечая того, что сразу бросилось в глаза Свету. Младший, но гораздо более наблюдательный товарищ, сразу заметил – Би Насими отвечает учителю любезно, но в некоторой растерянности.

Охотник низко поклонился вошедшей в комнату женщине, оказавшейся хозяйкой дома. Салима, жена Би Насими, по обычаю своей родины прикрывала нижнюю часть лица белым платком. На гостей поверх него смотрели усталые глаза.

Свет достал из-за пазухи чистый платок и расстелил его на столике. Все удивленно следили за его манипуляциями. А охотник высыпал на платок содержимое сумки со словами:

– Не будет ли нескромно с моей стороны попросить хозяйку этого дома устроить в честь нашей встречи небольшой праздник?

Побледневший хозяин пошевелил пальцами горку мелочи. Среди медяков тускло блеснул золотой. Би Насими, заворожено уставившийся на деньги, вытянул тяжелую монету из кучи.

– С такими деньгами опасно ходить на базар, – протянул он монету Свету.

Тот сжал ладонь хозяина в кулак, оставляя монету внутри.

– Расскажи своему ученику, как легко нам досталось это золото, – повернулся он к Би Рослану.

Потом он потоптался и вышел из дома в небольшой дворик – чистый, но тоже лишенный утвари.

– Не многого стоит правитель, – подумал охотник, – в государстве которого бедствуют ученые люди...

После ужина, закончившегося поздней ночью, гости беседовали с хозяином. Маленькие пиалы чая служили теперь не средством для утоления жажды, а непременным атрибутом общения, принятым на родине двух ученых. И хотя Би Насими давно покинул родную землю, обычаи рода не забывал. Отхлебнув маленький глоток остывшего напитка, он сказал:

– Если бы меня попросили назвать Великого князя славингов одним словом, я бы сказал про него – трус. Он так боится заговоров и убийц, что почти не появляется из замка, не замечая, как страдает его народ и разваливается государство.

– А что, у него нет мудрых советников? – поинтересовался Би Рослан.

– Советников? – переспросил ученик, – мудрые люди есть везде. Однако князь Ольгин не слушает их. До его ушей достигают лишь слова тех, кто выкрикнет: «Слово Великому князю!».

– «Слово Великому князю!», – повторил теперь Свет, – и что это означает?

– Это означает, что выкрикнувший эти слова раскрыл очередной заговор.

– И тогда...

– И тогда в пыточные подвалы тащат людей – виновных, а чаще ни в чем не повинных. Только в руках палачей почему-то все становятся преступниками.

– И много таких... доносчиков – со словом князю, – помрачнел Свет.

– Поначалу было много – ведь по новому закону им отходила половина имущества «преступников». А потом... А потом доносчиков стали находить в канале, с перерезанным горлом. У каждого осужденного ведь были братья, дети, другие родичи. Сейчас желающих разбогатеть не осталось.

Разговор перешел на другие, не такие мрачные темы; историки стали вспоминать дела минувших дней, а Свет отправился спать.

Наутро он, не вняв словам встревоженного Би Рослана, отправился в замок Великого князя, где, быть может, его ждали доспехи предка. Вскоре он, пешком дойдя до дворца, решительно застучал по кованым воротам. Никто ему не открыл. И тогда прозвучали заветные слова: «Слово Великому князю!». Ворота тут же заскрипели, отворяясь ровно настолько, чтобы охотник смог протиснуться внутрь.

Во дворе – огромном и пустынном, если не считать стрелков, направивших оружие на него с галереи, опоясавшей стены замка изнутри – его встретил невысокий человек в строгих темных одеждах. Он, не говоря ни слова, провел Света до другого – одетого немного пышнее, но такого же неразговорчивого. Такая эстафета закончилась на пятом сановнике, оказавшимся главным советником князя Ольгина. Еще раз прозвучал пароль, и вельможа, тоже не став интересоваться предметом доноса, повел охотника под конвоем сразу четырех воинов при саблях и копьях в святая святых замка – тронный зал.

Охотник так же молча дошел до больших, украшенных золотым орнаментом двустворчатых дверей и остановился, словно ожидая, что его громко представят правителю – подобно послу соседнего государства. Но, получив увесистый тычок древком копья от стражника, сам вошел в открытую дверь. Впрочем, на стражника он не обиделся – тот исполнял свою работу как мог.

В противоположной части зала, на троне, представлявшем собой деревянное резное кресло с очень высокой спинкой, сидел Великий князь славинов. В верхней части этой спинки – прямо над головой сидящего человека – сияло искусно подсвеченное золотое солнце. Человек – Великий князь Ольгин – оказался немолодым, когда-то красивым мужчиной с землистым, бледным от редкого появления на солнце лицом. Свет искал в нем черты Владимежа, и не находил их.

Князь вдруг встал с трона, что уже было невиданным для охранников, которые зашевелились за спиной охотника, и пошел к дверям – навстречу остановившемуся гостю. Свет не знал, что за его спиной, где вместе со стражниками оставался советник, на стене висел портрет, освещаемый солнцем так редко, что лицо Владимежа на нем видел в последние годы лишь князь. А теперь в дверь вошел человек, словно сошедший с этого портрета!

Князь, подойдя к охотнику вплотную, отрывисто бросил людям, замершим за его спиной:

– Оставьте нас одних.

Стражники замешкались, гремя оружием.

– Вон! – закричал неожиданно высоким голосом Ольгин.

Позади Света тут же хлопнула створка дверей.

Черты искаженного гневом лица князя разгладились, и он улыбнулся, взяв недоумевающего охотника под локоть. Он отвел Света к центру зала, и развернул его к стене, указывая на портрет. Случайно, или нет, но именно в этот момент солнечный луч пополз по творению древнего художника. Владимеж словно открыл глаза и посмотрел на своих потомков, один из которых оказался его точной копией. Казалось, глаза молодого охотника так же азартно сверкнули, и он устремился вперед, к предку, но... Но рука Ольгина по-прежнему удерживала Света за локоть, а под еще один солнечный луч, на которые был богат сегодняшний день, другая его рука вынула из-под богатого кафтана медальон. Это была еще одна копия – копия талисмана рода Ясеня, и Свет, вздохнув, достал свой.

Князь обнял охотника со словами:

– Ну, здравствуй, родич! Какие бы неведомые дела ни привели тебя в город нашего предка, я очень рад тебя видеть. Добро пожаловать в мой дом!

Свет чувствовал неприкрытую фальшь в этом голосе; понимал, что князь начал сейчас свою, не понятную пока игру, но отстраняться не стал.

– В конце концов, – решил он, – в эту игру можно играть и вдвоем. На родственные чувства я не претендую – мне бы лишь узнать, где сейчас остальные доспехи Владимежа.

Он невольно вздохнул, понимая, что обнимающий его сейчас человек никогда не станет для него настоящим родичем. Ольгин провел его в дверь, спрятавшуюся за тронем. В этой богато обставленной комнате было все, что необходимо занятому тяжким государственным трудом человеку для отдыха. Мягкое ложе; стол, полный яств и напитков. В углу даже стоял неведомый музыкальный инструмент, ждущий мастера. Ибо сам Ольгин – понял Свет – вряд ли музицировал, отдыхая от насущных дел. Но сейчас никто не мешал родичам.

Ольгин плеснул в два высоких бокала вина из кувшина, и протянул один Свету.

– Прости, Великий князь, – отстранил кубок охотник, – я дал клятву не пробовать ни капли вина, пока не исполню долга крови.

– Что ж, уважаю твою клятву, – сам князь осушил объемистый бокал в несколько глотков, – ну а теперь скажи мне, родич, как тебя зовут, откуда ты пришел, и какое дело привело тебя в Зеленград?

– Я бы скорее назвал его Дерьмоградом, – поморщился про себя охотник; вслух же достаточно вежливо ответил, – зовут меня Светом... Светославом. Я из рода Ясеня – из тех самых мест, где наш предок прожил свои последние годы. Последний из рода.

Охотник помрачнел, дотронувшись до талисмана. Он рассказал Ольгину о гибели рода, о Повелителе Узохе, о предсказании Зохры.

Князь слушал его не перебивая, лишь отхлебывая из кубка. Он тоже мрачнел с каждым словом охотника. Наконец он отставил кубок и вскочил на ноги.

– Я слышал об этом чародее, – воскликнул он, – но не думал, что его люди доберутся до нас.

– Если Узох узнает о доспехах, его руки дотянутся до Зеленграда.

– Доспехи Владимежа! – опять вскричал князь, – увы, предок оставил нам лишь щит. Ты должен был видеть его – на воротах Зеленграда.

Свет кивнул.

– Владимеж сам укрепил его там, – продолжил Ольгин, – сказав, что снимет щит лишь тот из его потомков, кто сможет защитить родную землю от смертельного врага. Ты представляешь, – князь горько улыбнулся, – я попытался однажды снять щит втайне от всех. Увы (он широко развел руки) – то ли мои предки растеряли кровь Владимежа, то ли я сам...

Он вдруг переменял тему.

– Говоришь, твое имя Свет? Просто Свет? – он словно пробовал имя охотника на вкус, – не гоже потомку князя Владимежа иметь только имя. Откуда, говоришь, ты прибыл?

Родная деревушка Света не имела названия. Род дал имя только речке – Русинка.

– Замечательно! – обрадовался почти искренне князь, – будешь Русиным, сыном моего дальнего родича. Князь Светослав Русин, звучит?

– Я не князь, – мягко отказался Свет.

– Для дела будет лучше, если все признают в тебе князя, – бросил ему в лицо Ольгин.

– Какого дела? – не понял охотник.

– Как какого? – удивился в свою очередь князь, – а доспехи! Или ты думаешь, что один будешь сражаться с врагом? Я, увы, не воин. Но уж помочь найти доспехи в силах? Или тебе не нужен такой союзник?

Великий князь Ольгин протянул ему свою ладонь, и Свет, не колеблясь, крепко пожал ее.

Князь приоткрыл дверь и хлопнул в ладоши. Прошло совсем немного времени и юный охотник, обряженный в одежды, приличествующие новому титулу, действительно стал походить на князя. От прежнего наряда остался лишь талисман, да молнии Дао, завернутые в чистую тряпицу, тоже подаренную когда-то учителем. Она единственная могла удержать в свертке таинственное оружие.

Князя Русина представили Великой княгине Ладе – женщине еще более бледной и унылой, чем ее муж. Впрочем, последний сейчас представлял собой весьма энергичного правителя. Он сыпал направо и налево распоряжениями, и изумленная челядь носилась по дворцу, едва успевая выполнять их. А Света, как не отказывался он, оставили ночевать во дворце.

Лишь на следующий день охотник, преобразенный до неузнаваемости, попал в домик Би Насими, сопровождаемый соглядатаями. От охраны он решительно отказался, но князя понимал – тот не желал лишаться по глупости нежданного союзника. Выслушавший его рассказ Би Насими недоверчиво покачал головой:

– Я бы не стал доверять князю Ольгину. Если он столь милостиво отнесся к тебе, значит, плата твоя будет великой. И не надейся, что она тебе понравится.

– А я и не надеюсь, – сурово ответил Свет, – я добиваюсь своей цели, и каждому, кто поможет мне, буду рад. А кто будет мешать...

Его глаза потемнели, а скулы стали каменными. Би Насими отшатнулся от него в страхе, а его старый учитель покачал головой, словно говоря:

– А ты не верил, что я рассказывал про этого юношу!

Князь Русин – только под этим именем его знали в замке Великого князя – оставил друзей (включая Волка) в тихом домике и отправился к Ольгину, чтобы по дороге убедиться, что в родиче действительно проснулся созидательный дух предков. Поперек широкой главной улицы двигались две сплошные шеренги стражников, сметавшие все живое по окрестным переулкам. Замешкавшихся – в основном тех самых «инвалидов», понадеявшихся на жалость к своим истинным и мнимым увечьям – тут же куда-то утаскивали. А за стражниками шумной толпой мела, скребла, чистила и мыла улицу целая армия уборщиков, которых улицы Зеленограда не видели уже годы.

Великий князь Ольгин встретил охотника во дворе замка; деятельный и трезвый, он отдавал приказы работникам, наводившим здесь порядок. Впервые за долгие годы были настежь открыты ворота. В них въезжали и выезжали возы со строительными материалами и мусором. Большая часть материалов исчезала внутри высокой каменной башни, стоящей в углу дворцового ансамбля. Видно было, что башня древнее остальных строений. Может, с нее и начинал Владимир строить свое государство?

Очень скоро Свету представилась возможность пощупать руками эти древние камни.

– Здоровы ли твои друзья, князь Русин? – ласково встретил его Ольгин.

– Здоровы, и желают того же Великому князю и княгине Ладе, – чуть поклонился ему охотник; он показал на башню, – ты ждешь новых гостей?

– Нет, – помрачнел князь, – просто... ты уверен, что остановишь Узоха?

– Да, – твердо ответил ему Свет.

– А я – нет! И если воины чародея подступят к Зеленограду, здесь – Ольгин ткнул пальцем в сторону стройки, – меня не достанет никто.

В лице охотника не отразилось ни одной мысли, однако князь Ольгин поежился, очевидно, ощутив флюиды недоуменной брезгливости, которую сейчас испытывал к нему молодой охотник.

– Вместо того, чтобы готовить к обороне страну, ты строишь логово для себя, – слова все таки вырвались наружу, – Узох достанет везде!

– Увидишь, – загадочно ответил ему Великий князь.

С этого дня Ольгин не отпускал от себя юного родича ни на минуту. Он утверждал, что охотник действует на него благотворно, подвигая на новые дела во благо государства славин. И перемены действительно были. Вот только поиски доспехов пока ни к чему не привели. Гонцы и разведчики, разосланные во все концы страны, и за ее пределы, возвращались ни с чем.

Прошел почти месяц, когда наступила развязка – самым неожиданным для Света образом. Они с князем Ольгином были во дворе замка, когда к государю подбежал растрепанный и испуганный слуга.

– Беда, князь, – воскликнул он, – княгиня Лада...

Князь оттолкнул прислужника и бросился вперед, увлекая за собой Света. Они вбежали в ту самую башню, внутри которой вдоль стены висела лестница с железными ступенями. Свет успевал отмечать на бегу – если внутри этого узкого прохода поставить по воину на каждой ступень – сколько они продержатся? Долго – но лишь до того момента, когда усталость или раны уложат их на железо. А наверху их ждала дверь – тоже железная, чудовищной толщины, которую охотник отметил, вбегая внутрь. Там их с Великим князем... точнее его одного никто не ждал. Сам Ольгин остался за дверью, которая захлопнулась с таким глухим безнадежным стуком, что Свет сразу понял – пытаться выбить это металлическое полотно бесполезным. К тому же дверь открывалась внутрь. Он все же бросился к ней – не пытаясь проверить плечом надежность и железной створки, и камня за ней – а лишь вслушиваясь в звуки, практически пропавшие вместе с надеждой.

– Ну нет, – рассердился он на себя, – надежда умрет только вместе со мной, а я пока умирать не собираюсь!

Сверху донесся какой-то шорох, и раздался голос Ольгина, искаженный эхом, царившем в этом большом каменном мешке.

– Ну что, Свет, князь Русин – хорошо я придумал?

В ответ тоже прозвучал вопрос – на удивление спокойный.

– И что же ты придумал?

– Я понял, – захохотал наверху родич в отверстие размером не больше головы охотника, – как не допустить Узоха сюда, за доспехами.

– И как же? – Свет даже не сердился на этого недоумка, понимая, что в том говорит не разум, а страх.

– Надо просто сделать так, чтобы Узох не узнал о них. А кто может принести ему весть? Только ты! А пока ты сидишь тут – на княжеском довольствии – пусть этот колдун развлекается у себя, на Черном континенте... А ты развлекайся здесь, размышляя о доспехах нашего предка. Кстати, гонцы не зря носились по окрестным странам. Можешь утешиться вестью о том, что кольчуга Владимежа находится у кого-то из франских баронов... Впрочем, ты можешь выйти отсюда, родич.

– И когда? – поинтересовался охотник, наперед знавший ответ.

– Когда проклятый Узох умрет, – раздался затихающий смех правителя славин.

– Не когда, а если, – прошептал окончательно успокоившийся Свет.

Сверху, в отверстие пополз на веревке узел. Охотник не стал пытаться выдернуть веревку, понимая, что этот момент давно просчитан. Он отвязал узел, полный еды, и отправился вдоль стен узилища, обследуя эту каменную рукотворную пещеру. В замысле Ольгина он уже видел изъян – первый и самый главный. Охотнику оставили жизнь, а значит, возможность бороться за свободу.

В темном углу камеры Свет обнаружил струю прохладной воды, стекающую из отверстия у потолка; в эту дыру он не сумел бы просунуть даже кулак. Вода стекала в треть, и последнее здесь отверстие. Как понял Свет, в это отверстие должны были изливаться вместе с влагой все отходы его организма.

Наверху опять кто-то зашуршал, и чей-то незнакомый голос возвестил:

– Великий князь в милости своей велел сделать так, что бы ты ни в чем не нуждался. Скажи, что тебе принести в следующий раз?

Свет хотел пошутить: «Ключ от дверей», – но благоразумно промолчал. Невидимый стражник лишь исполнял волю своего господина, и вступать в пререкания с ним он не соби-рался. Тем более, что у охотника была задача поважнее – обследовать темницу. Он был уве-рен, что из любого застенка можно найти выход – нужно лишь иметь терпение, здоровье, да здравый разум.

Но сначала он развязал внушительный узел, который ждал его под отверстием в потолке.

– Да, – почти весело подумал Свет, разглядывая богатое угощение, в котором нашлось место даже для бутылки дорогого вина, – князь не поскупился. Так и спиться недолго. Так и быть, не буду его сильно наказывать, когда выберусь отсюда.

Увы – сказать было легче, чем сделать. Охотник исследовал каждую пядь кладки; знал наизусть каждую заклепку на железной двери. Ничто не подсказало ему, куда надо приложить силу и смекалку. Пятно в потолке потемнело – наступил вечер. Сверху подали поздний ужин; этот страж обошелся без слов. А ночью – в глубоком сне – к Свету пришел предок. Владимир смотрел спокойно, без всякой укоризны – словно был уверен, что далекий потомок найдет выход. Исчезая в предутренней мгле, он ткнул пальцем в грудь охотника – прямо в талисман – и растаял, так и не сказав ни слова.

Свет в его появлении увидел знак; больше того – подсказку, и связана она была именно с наследием рода. Он недолго крутил снятый с шеи талисман в руках; лишь только его палец провел по шершавому ребру кругляша из неизвестного металла, как перед глазами встали кар-тина боя с Иджомахом.

– Талисман выдержал удар молнии Дао, – пробормотал он, – выдержит ли сталь натиск талисмана?

Он вскочил с широкого ложа и прямо в исподнем подбежал к двери, чье широкое полотно было почти зеркально отшлифовано. Свету этот глянец было не жаль – он уже вчера насмотрелся на свое изображение, ощупывая двенадцать громадных заклепок, поддержива-ющих с противоположной стороны петли. Поэтому он без раздумий провел длинную черту от одного угла двери к другому. За талисманом следовал слабый скрежет и глубокая царапина, свидетельствующая о победе дара предка над железом.

Охотник осмотрел талисман – на его ребре, только что оставившем заметный след на металле, не было ни малейшей отметины. На мгновенье мелькнула мысль – не кощунство ли это – использовать талисман рода вместо обычного точильного камня. Но в памяти тут же всплыло лицо Владимира, явно благословившего его ночью на этот тяжкий труд. И тогда моло-дой охотник, не дожидаясь завтрака, примерился к первой клепке. Две царапины перечертили самую верхнюю шляпку крепежа, и в этом перекрестии начал вращаться из стороны в сторону необычный инструмент. Мелкие опилки посыпались на каменный пол.

К приходу стражника с завтраком Свет успел стереть в металлический порошок две заклепки. Еще десять ждали его, бросая тусклую, едва различимую тень на полотно двери. Талисман занял свое место на груди, а охотник отправился одеваться – несмотря ни на какие волнения, порядок должен быть во всем. Завтрак – такой же изысканный и сытный, как вечер-няя трапеза – исчез в молодом организме ужасающе быстро; еще быстрее Свет совершил утрен-нюю приборку, заключающуюся в омовении холодной водой и заправке одеял на мягком ложе.

И опять потянулась нудная монотонная работа, когда об окончании очередного этапа можно было судить по изменению напряжения в руке – талисман начинал грызть металл уже самой двери. Потом был перерыв на обед; обязательная тренировка в ограниченном простран-стве темницы. Две очередные маленькие победы над неподатливым металлом и еще один пере-рыв – теперь уже на ужин. Света посетило было сомнение – не выпадет ли полотно, когда дело дойдет до последней заклепки?

– Нет, – успокоил он себя, – чудовищный вес не даст двери даже шелохнуться. Чтобы сдвинуть эти заклепки с места, к которым они скоро прикипели бы намертво, нужен очень твердый клин, и не менее мощная кувалда.

И такие инструменты у Света были!.. Он перевел дух, отнимая руку с талисманом от последней, двенадцатой воронки, образовавшейся на месте клепки, и глубоко вдохнул воздух, в последний раз оглядывая темницу. Ничто его здесь не держало, и указательный палец, бесчисленными многолетними тренировками превращенный в не знающий преград таран, обрушился прямо в среднюю заклепку. Последняя вылетела с приличной скоростью и, очевидно, попала стражнику, охранявшему неприступную дверь, куда-то в болезненное место. Потому что остальные удары и звон прыгающих по камням заклепок почти вершковской длины сопровождали громкие стоны.

Потом пришел черед последнего стержня, и дверь сразу перекосило – она повисла лишь на засове. Пальцы охотника нырнули туда, где только что неподъемный вес двери держали на весу эти стержни. Рывок потряс ее так, что засов согнуло, а в образовавшуюся щель стало видно лицо стражника – сначала недоуменное и встревоженное, а потом скривившееся в неподдельном ужасе, когда воин увидел, как дверь, которую вносили сюда с великим трудом восемь человек, буквально влетела в темницу. Вместо нее в проеме оказался охотник.

Еще один бросок; милосердный удар – и страж улегся на камни, чтобы проснуться только утром; выпавшимся и с единственной болью – в затекших на неудобном ложе членах. И в предвкушении неминуемого наказания. Но тут уже молодой охотник ничем помочь не мог – мелькнувшую было мысль навестить Великого князя Свет решительно отменил. И так много времени потерял, ожидая помощи от родича.

Солнце еще не взошло над стенами Зеленграда, когда охотник, незаметно преодолевший охрану замка, постучался в калитку домика на улице Медной, которую еще раньше перепрыгнул в противоположном направлении Волк, первым встретивший хозяина после долгой разлуки.

Свет мягко, но решительно пресек все расспросы Би Рослана и хозяина дома, задав первому единственный вопрос – не хочет ли старый историк сейчас же покинуть Зеленград, что бы присоединиться к охотнику в его странствиях. Заглянув в решительные глаза Света, Би Рослан согласно кивнул, совсем недолго посомневавшись – не станет ли он обузой своему юному другу.

Спустя полчаса конь Света и Дружок уже стояли у калитки оседланными, ожидая седоков. Би Рослан простился с учеником, которому на время странствий оставил свои драгоценные книги. Свет, которому прощаться в Зеленграде было не с кем, вдруг достал из сумки золото, доставшееся ему при разделе награды за пойманных разбойников, и сунул его в руки опешившего Би Насими. Он поклонился ученому и запрыгнул на коня.

Всадники выехали на центральную улицу, которая за малое время опять начала принимать прежний неухоженный вид. Но не отсутствие Света перед глазами властителя славинов было причиной потухшего энтузиазма Великого князя. Он, как понял Свет, снова заперся в своих покоях, как только обманом заманил его в ловушку. В душе Ольгина, а значит, и во всем княжестве, правил теперь не сам князь, а его страх.

Все те же стражники молча проводили всадников в открытые на этот раз настежь ворота. Свет, отъехавший на десяток шагов, вдруг натянул уздечку, круто поворачивая коня. Он подъехал к той створке, которую века украшал щит Владимежа, и без всяких усилий сорвал его с толстого бруса. Талисман на груди заметно потеплел, приветствуя собрата. Охотник прищиприл коня, догоняя Би Рослана, пропустившее такое знаменательное событие. Когда историк повернулся на частый топот копыт, он увидел, как древние ворота, бесчисленные годы защищавшие столицу славинов, медленно осыпаются трухой у ног опешивших стражников.

– Этот щит защищал Зеленград от врагов семьсот лет, – напомнил он Свету.

Тот без малейшего сомнения в собственной правоте ответил:
– Ничто не защитит народ, который не может защитить себя сам

Глава 9. Франский барон

Ширко – капитан «Зари», маленького парусника – с большим облегчением проводил взглядом последнего пассажира, сходявшего по узкому трапу его корабля. Он сам не мог понять, почему эти люди наводили страх на его команду. Говорил за всех один – высокий здоровяк с жестокими глазами. Ширко, спросивший при первой встрече, как его зовут, удивленно смотрел, как тот долго молчал, словно вспоминая свое имя; потом хрипло буркнул:

– Зови меня Шайтаном.

Капитан, в это мгновение заглянувший в его глаза, подумал, что такое имя здоровяку в самый раз. Впрочем, никаких хлопот в плавании ни Шайтан, ни его команда не доставляли. Единственное, что он потребовал у капитана и остальных моряков – даже не подходить к дверям каюты, в котором весь переход между континентами провел, не выходя на свежий воздух, таинственный незнакомец, укутанный с головы до ног кусками темной материи.

Соседнюю каюту охраняли еще строже. Здесь уже четыре стражника околачивались постоянно у дверей, оберегая единственный предмет, запертый в ней. Это было что-то продолговатое и не очень тяжелое, завернутое в такую же материю. Предмет внес в каюту сам Шайтан. Вот и теперь он нес его, а следом брел, едва передвигая ноги, укутанный в тряпки незнакомец. Он вдруг споткнулся, и один из стражников поддержал его, едва не сдернув с головы бедняги куфию. На капитана в образовавшуюся щель глянул чернокожий человек. Глянул сначала как-то отстраненно, явно находясь под воздействием снадобий. Потом ему в лицо брызнула свежестью высоко подскочившая дочка морской волны и глаза оживились. Теперь незнакомец смотрел на Ширко с таким безнадежным ужасом, что капитан невольно прикрыл глаза. Прикрыл не затем, чтобы еще раз подсчитать, какой немислимый барыш принес ему и команде этот рейс. Он почему-то подумал, что вместе с командой Шайтана на берег Гудваны выгрузилось что-то страшное. И принес его на «Заре» капитан Ширко.

Когда стены Зеленграда скрылись за поворотом, Би Рослан спросил охотника:

– И куда же мы направляемся, мой юный друг?

Свет, давно привыкший к подобному обращению, в свою очередь спросил:

– Знаешь ли ты, почтенный Би Рослан, франский язык?

– Знаю...

– А долог ли путь до земель франов?

– Дружок дойдет до них дней за тридцать – не меньше.

– Что ж, времени хватит, чтобы научиться понимать язык франов, – улыбнулся Свет, и добавил, отвечая на вопрос историка, – где-то у франских баронов кольчуга Владимежа.

Би Рослан собрался с мыслями, извлекая из памяти позабытые слова и начал первый урок. Так, негромко перебрасываясь фразами, они продвигались в сторону франской границы, вплетая в разговор все больше франских слов.

Уже начались приграничные земли, когда историк, тоже оставивший большую часть денег ученику, ворчливо обратился к Свету, покидая очередной постоялый двор:

– Я разменял сегодня последний золотой. Надеюсь, у тебя осталась хоть одна монета?

Свет давно постиг умом могущество золотых кружочков, однако по-прежнему относился к ним равнодушно. Он пожал плечами:

– У меня есть один золотой. Но я его не отдам – это память о народе парсов, и еще...

Его лицо слабо залилось краской при воспоминании о Халиде, и он все-таки нащупал в сумке монету. Она лежала в том же кармашке, что и молнии, а теперь сверкнула на солнце, когда Свет протянул ее Би Рослану.

– Ийе! – удивился тот, – это же золотой рагистанский дирхам! Как он попал к тебе?

– Дирхам? – в свою очередь удивился Свет; он впервые в жизни услышал это слово.

– Ну да, – кивнул историк, протягивая монету обратно, – конечно дирхам. Причем новенький, последней чеканки – вот на нем сам шахиншах Нусрат в своей волшебной короне.

– Почему волшебной? – поинтересовался охотник совершенно спокойно, – в чем проявляется ее волшебство?

– Это корона шахиншахов – из века в век, – ответил напевно Би Рослан, – говорят, что ее не берет сталь. Она не раз спасала голову предков нынешнего правителя Рагистана.

– Вот как, – заинтересовался вдруг Свет; он поднес монету к глазам и воскликнул, увидев знакомые очертания, получившиеся потому, что часть короны оказалась прикрыта пальцем, – это же шлем Владимежа!

– Какой шлем? – подъехал поближе Би Рослан.

– Гляди, – Свет показал знакомые витки спирали, подобные куполу главного храма Зеленграда; мысленно отбросил драгоценную мишуру, прикрывавшую острое навершие.

Охотник одновременно описывал шлем, который видел в недавнем сне на предке. Сомнений не было – это был он, доспех предка. Свет искоса поглядел на историка, понимая, что следующей точкой в их путешествии будет родной город Би Рослана.

Свет уже спокойным голосом рассказал историку о вещем сне, и тот, еще раз взяв в руки монету, согласился:

– Действительно – похож на купол храма Владимежа.

Главный храм Зеленграда имел другое название, но Свету сейчас было не до тонкостей. Юный охотник знал, где искать заветный доспех. И вся охрана шахиншаха не мешает ему вернуть наследие предка.

– Что ж, можно считать, что шлем уже наш, – хитро подмигнул он Би Рослану, намекая на то, что тот прекрасно знает столицу Рагистана.

Би Рослан только покачал головой, вспомнив, какой охраной всегда окружает себя рагистанский тиран.

– Увы, Свет, за шлемом тебе придется отправиться одному – меня там слишком хорошо знают. В столице у меня остались друзья, которые дадут тебе приют. Но не жди от них помощи в деле против шахиншаха. Ведь ты рискуешь только своей судьбой, а они – жизнями и своей, и своих близких.

Путники проехали небольшую деревушку, которая словно вымерла при их появлении. Видимо здешний люд не привык доверять вооруженным людям. Затем они пересекли речушку – настолько мелкую, что даже Дружок не замочил колен.

Въезжая в высокий густой лес, начавшийся почти от самого берега, Свет радостно вдохнул полную грудь свежего лесного воздуха, так похожего на родной, русинский. Ни он, ни Би Рослан, тоже наслаждавшийся ароматами здешней растительности, не подозревали, что с каждым шагом они углубляются во владения франского барона.

Охотник остановил коня ближе к полудню – на небольшой поляне, заросшей шелковистой травой.

– Надеюсь, почтенный Би Рослан не откажется от куска жареного оленьего окорока?

Историк, остановивший осла посреди поляны, живо огляделся в поисках тех неведомых личностей, что поднесут сейчас проголодавшимся путникам угощение. Он даже сглотнул, представив блюдо с дымящимся мясом. Свет рассмеялся – настолько мечтательным было выражение лица старшего друга. Впрочем, охотник был из тех людей, кто вполне способен мечту превратить в быль.

– Попробуй развести костер, – бросил он с улыбкой и исчез в чаще вместе с Волком.

Би Рослан усердно натаскал сухих веток, которых оказалось в лесу великое множество, и присел у сложенного шалашиком костра, раздувая пламя и немилосердно чихая и кашляя

от дыма, почти полностью окутавшего. Огонь никак не хотел вздыматься кверху, накрывая сизым дымом фигуру негодующего старца все сильнее.

Он вдруг вздрогнул от звука упавшей рядом туши – это Свет вернулся, принес на плече немалых размеров оленя, встретившего на свою беду охотника. Не говоря ни слова, Свет отодвинул Би Рослана от огня и передвинул несколько веточек так, что пламя загудело и ринулось вверх, отправляя к небу горячие клочья. Сучки весело затрещали. А костер словно вобрал в себя сизую дымку, освобождая от этого невесомого плена Би Рослана. И совсем скоро над поляной поплыл восхитительный запах жареного мяса.

Последний кусок поджарившегося окорока еще не исчез во ртах проголодавшихся путников, когда на поляну выскочил поджарый длинноногий пес, которого природа и долгие труды заводчиков превратили в идеального бегуна. В охотника на дичь. Но не на такого, что выросла тотчас перед ним. С грозным ворчанием Волк преградил дорогу чужому псу. Тот коротко визгнул и затормозил передними лапами, едва не кувыркнувшись через голову. Би Рослан мог бы сейчас рассказать, что за породу вывели для охоты в этих лесах и полях франские бароны. Предки вот этого, выметнувшегося на коне вслед за четвероногим другом. Конь барона – а это мог быть только властитель здешних мест (вон как важно выглядит) – тяжело дышал, поводя боками.

Свет покачал головой, представив себе, как олень, или другая дичь во все ноги мчится от собаки и этого верзилы, заставляя сердце замирать от усталости и ужаса: «Нет! Это не для него!». Он вспомнил свою сегодняшнюю охоту. Олень скорее всего даже не почувствовал, как его покинула жизнь после единственного выстрела подкравшегося неслышно охотника.

Между тем надменное, грубо слепленное лицо всадника, осадившего коня твердой рукой, исказила гримаса гнева. В его жилах забурлила кровь аристократа, заставшего на собственной земле каких-то проходимцев, поедающих его же оленя! Барон Рагон – владелец окрестных лесов и полей – не мог поверить собственным глазам: эти презренные оборванцы поедали окорок как ни в чем не бывало!

– Сорок плетей каждому, – взревел он, едва не наступив на собственную собаку, на которую тотчас перенес свой гнев, – Джой, скотина такая, взять их!

Пес бросил затравленный взгляд на разбушевавшегося хозяина, и молча ринулся на соперника, превосходившего его не меньше, чем в два раза. Свет успел огорченно вздохнуть: «Пес-то в чем виноват?». В следующее мгновение громадные челюсти Волка сомкнулись на заливке Джоя и все услышали противный треск позвонков, когда длинноногую собаку трянули в воздухе, словно неразумного щенка. Волк распахнул пасть, и Джой упал почти на самом краю поляны кучкой неопрятной мертвой плоти. Он даже не сучил ногами – острые клыки тигролова перемололи хребет так быстро и безжалостно, что голова Джоя не успела податься телу ни одной самой простой команды.

На барона было страшно смотреть. Казалось, сейчас его выпученные глаза лопнут от ярости, забрызгав все вокруг, а уши... (замечательные уши – Свет никогда не видел таких огромных, с мочками до плеч) взмахнут подобно крыльям и барон Рагон налетит на врагов, чтобы порвать их в клочья. Ну, или исхлестать до полусмерти плеткой, которая вдруг оказалась в его руке.

Он шагнул вперед, поднимая плетку для удара – перед ним стоял почему-то только один соперник, Би Рослан. Рука барона, уже начавшаяся опускаться, оказалась вдруг в железном захвате, а его дородное тело вопреки желанию повернулось. Он оказался прямо напротив второго противника – юного и спокойного; никак не реагирующего на гнев Рагона. Только в глазах его – голубых и бездонных – начал зарождаться гнев; не менее яростный, чем у барона. И последний вдруг задрожал – как это делал каждый простолюдин, посмевавший обратить на себя внимание господина.

– Сколько плетей, ты сказал? – вопрос хлестнул барона, словно пощечина.

– За Джоя, – прохрипел все же владетель окрестных земель, – я заporю тебя до смерти.

Он даже попытался занести увесистый кулак для удара, но опоздал. Палец охотника, нацеленный, словно копье, в шею барона, мог, наверное, раздробить и горло, и позвонки за ним; однако остановился он как раз в таком положении, что Рагон в ужасе почувствовал – он не может шевельнуть ни одним членом. Только волосы, которыми он безуспешно прикрывал свои безобразные уши, не подчинились незнакомцу – они встали дыбом, когда барон понял, зачем юный силач спрашивал его о плети.

Свет отступил назад, опуская тело барона на траву; широкий поясной ремень выдержал, когда охотник приподнял тело так, что пояс глубоко врезался в то место, где у владетеля когда-то была талия. А молодой охотник встряхнул барона, словно нашкодившего несмышленища; и еще раз, и еще – до тех пор, пока ремень не лопнул, и барон не оказался опять на траве – уже без штанов, которые рука Света ловко сдернула с жилистого зада, накачанного мускулами настолько, что как-то неудобно было называть это место мягким.

Свет глянул на Би Рослана, словно приглашая того принять участие в экзекуции, но историк еще не открыл глаза, которые в отчаянии зажмурил, ожидая первого удара. И удар последовал! Только не по голове старого ученого, а по голой заднице барона – хлесткий и обидный. Оказалось, что внутренние органы – по крайней мере те, что отвечали за слезы – тоже работали. Из уголков глаз Рагона потекли ручейки соленой жидкости – впервые за многие годы, а точнее – в самый первый раз. Потому что в первый раз в жизни его унижали и оскорбляли. Неимоверное усилие воли позволило ему лишь заскрежетать зубами – он вслед за охотником считал удары, которых совершенно не замечал – до тех пор, пока Свет не сказал: «Сорок», – и не ткнул его пальцем в район поясницы.

Вместе с подвижностью вернулась вся боль сорока ударов, а обида и унижение куда-то улетучились, загнанные яростью в самый уголок недоброй души барона. Би Рослан уже давно открыл глаза; он тотчас отметил, как налились кровью; стали почти малиновыми огромные уши Рагона. Что это было – фамильная черта, или небо отметила лишь этот образчик человеческой расы?

Узнать это ученый историк мог у самого барона, или его приближенных. Вот только особой охотой разгадывать эту загадку Би Рослан не горел. Он лишь поглядел на своего Дружка; осла уже разглядывал и Свет, переводивший глаза с животного на барона и обратно. Он заметил интерес историка, и подмигнул ему:

– Дружок-то покрасивее будет.

И Би Рослан, сам того не ожидая от себя, громко расхохотался. А Свет подвел к лежащему барону его коня, рывком забросил тело на седло, не озаботившись привести его одежду в порядок, и хлопнул животное по крупу. Конь взвился, едва не сбросив Рагона, и помчался с поляны, заржав уже за поворотом тропы.

– Пожалуй, нам пора собираться.

Историк, еще всхлипывая от истерики, кивнул. Он не хуже Света представлял себе, какая суматоха поднимется скоро в замке барона. Только теперь он обратил внимание, что держит в руке большой мосол с остатками остывшего мяса. Бросив кость Волку, он пошел к Дружку, вытирая руки большим платком. Уже сидя на верном четвероногом ушастике, Би Рослан неодобрительно покачал головой, обращаясь к Свету:

– Теперь добыть кольчугу Владимирежа мирно вряд ли удастся. Никто не кичится честью больше, чем франские бароны. Нужно было попытаться договориться с нбим.

– После того, как его проклятая собака чуть не загрызла Волка?

Историк бросил взгляд на огромного пса, наострившего уши при звуках своего имени. Толстую кость пес успешно разгрыз, добравшись до теплого мозга, и теперь бежал с самым невинным видом. Би Рослан никак не мог решить – сердиться ему на юного друга, или еще раз

рассмеяться, словно он услышал самую смешную шутку за последнее время. След проследил его взгляд на «невинную жертву», и присоединился к его смеху.

– Я не думаю, – сказал он, отсмеявшись, – что все бароны такие, как этот надутый индюк. Будем надеяться, что тот владетель, у которого сейчас кольчуга, окажется благоразумней.

Охотник не подозревал, что первая встреча на земле франских баронов свела его с человеком, в чьей семье уже не одно поколение хранится доспех его предка.

Путники остановились, когда уже начало темнеть. У подножия огромного дерева из-под земли бил маленький ключ. Отменного вкуса вода стала тем напитком, которым они запили остатки окорока. Деликатес от франского барона не забыл прихватить с собой Би Рослан. Они не стали разводить костер и устроились на ночь, доверив свой покой Волку.

Уже засыпая, Би Рослан пробормотал:

– Я думал, что земли франов многолюдней...

Свет не стал отрывать его от первых, самых сладких сновидений сообщением о том, что на пути от поляны до раскидистого дерева, под которым они сейчас ночевали, маленькая кавалькада миновала две деревушки и один мрачного вида замок. Увлечшийся разговорами историк так и не заметил их.

Би Рослану показалось, что он только что лег, сомкнув глаза, а безжалостная рука молодого охотника уже трясла его плечо. Рагистанец дернулся, садясь на одеяле, и тут же замер, потому что Свет прижимал к губам палец, призывая к молчанию. Старик поерзал на одеяле, усаживаясь поудобнее. Солнце стояло достаточно высоко. Конь с Дружком мирно паслись; лишь Волка не было видно.

Би Рослан только теперь расслышал какой-то неясный шум, который приближался, разбиваясь на отдельные звуки – яростную брань, лязг стали о сталь; наконец громкий вопль – кого-то достал клинок. Увлекаемый рукой Света к раскидистому кусту, он совсем скоро пригнул книзу мешавшую ветку и увидел на проходившей совсем рядом дороге картину неравного боя.

На коне вертелся, словно чертик, старик. Он размахивал саблей, явно тяжелой для него. Судя по наряду, это был франский дворянин. А его противники – все шестеро – напялили на себя лохмотья. Но судя по сытым лоснящимся физиономиям и крепким фигурам, нищетолюбивые они из себя только изображали. Да и палками, вернее кольями, махали довольно уверенно. Конечно, простолюдины не могли сравниться в воинской сноровке с дворянином, вся жизнь которого протекала с оружием в руках, но их молодость и количество должны были сделать свое дело; причем довольно скоро.

Старик, очевидно, тоже понял это, потому что с отчаянным криком бросил коня в атаку. Вопль тут же стал торжествующим и громким настолько, что перекрыл предсмертные хрипы пораженного в грудь молодца. Меч вышел из человеческой плоти с заметным усилием; победный клич прервался, сменившись теперь болезненным стоном – один из здоровяков огрел дворянина по вооруженной мечом руке, и он остался против пятерки злодеев без оружия. А позади коня огромную оглоблю уже поднимал другой парень – еще здоровее первого.

Би Рослан не заметил, как в руках Света оказался лук. Ожидая фатального удара, он переводил взгляд с сильных, заросших черным волосом рук бандита на не прикрытую ничем седую голову всадника. С его губ был готов сорваться предупреждающий крик, когда широкую ладонь, сжимающую оглоблю, пронзила стрела, пробившая и запястье, и древесину, и отсекая фалангу среднего пальца верзилы. Разбойник враз поскуучнел взглядом и заорал. Он бросил свое оружие в сторону, совершенно не подумав о последствиях. Лучше бы он этого не делал – стрела-то по-прежнему соединяла оглоблю с ладонью. Крик сменился воплем настолько громким, что бой остановился. Все повернулись к бандиту, зажавшему разорванную ладонь другой рукой и охотнику, вышедшему к ним с саблей наголо.

– Шестеро на одного – не много ли будет? – Свет не ждал ответа от этих разбойников; точнее людей, прикинувшихся разбойниками.

Бандиты сунулись было к нему, но быстро отпрыгнули назад – на сколько смогли – потому что их деревянное оружие неведомо как укоротилось до размеров ножки от детского табурета. Причем у всех сразу. А потом на арену боя неторопливо вышел Волк. Ему даже не пришлось скалиться. Огрызки оглобель тут же полетели на дорогу, а сами разбойники исчезли быстрее, чем последняя палка успокоилась в колее. Впрочем, затихающие вдали крики показали, что Волк догнал кого-то из них, и что теперь лохмотья бедолаги не подошли бы даже огородному чучелу.

Бандит, первым получивший ранение, отстал от других. Он настолько увлекся своей рваной раной, что бросился наутек, лишь получив еще одну – теперь острым клинком. Длинная рана перекрестила природную линию пониже спины. С этим ударом Свет ловким движением забросил клинок в ножны.

Старый фран сидел на коне изумленный, позабыв об ушибленной руке. Наконец глубокое удивление сменила улыбка, сразу сбросившая с лица десяток лет, и он достаточно легко спрыгнул с коня. Первым делом он подобрал меч, а потом поклонился спасителю; он протянул навстречу охотнику руки, воскликнув:

– Барон Гарден рад приветствовать на своей земле столь искусного воина.

– Меня зовут Свет, – поклонился тот в ответ.

– С каким титулом мне подобает обращаться к своему спасителю, ибо, – он сделал протестующий жест пытавшемуся покачать головой охотнику, – я ни за что не поверю, что воин, столь блестяще владеющий оружием, родился в семье простолюдинов?

Свет в душе одновременно улыбнулся и помрачнел, вспомнив родителей; неожиданно даже для себя он ответил:

– Славины зовут меня князем Русиным; Светославом Русиным. А это, – он показал на историка, – почтеннейший Би Рослан, ученый, равному которому в познаниях нет никого в Рагистане и окрестных государствах. Историк, прославивший свой народ бесчисленными научными трудами...

Би Рослан с каждым словом становился важнее и выше; он расцвел, оглаживая бородку величественным, как ему казалось, жестом – до тех пор, пока не поймал смеющийся взгляд юного охотника. Свет, несмотря на молодость, частенько подтрунивал над старшим товарищем. К барону историк подошел таким, каким был на самом деле – скромным, но знающим себе цену человеком.

Он поклонился хозяину этих мест и задал свой вопрос:

– Я не думал, что в лесах франов водится столько разбойников.

– А, – небрежно махнул рукой Гарден, – никакие это не разбойники. Думаю, это люди Рагона, моего соседа.

– Это у вас такие забавы? – включился в разговор Свет.

– Нет, – помрачнел старик, – просто я – последний из баронов Гарденов. У меня нет наследников. Но об этом потом. Эй, бездельники!

Он повернулся к кустам по другую сторону дороги, и оттуда действительно вышли два человека, нерешительно мявшие в руках полотняные шапки. Небогатая одежда показывала, что это слуги барона Гардена. Последний, очевидно еще раньше оценивший храбрость своих прислужников, даже не стал их распекать. Сразу отправил их с распоряжениями в замок.

– Вы оба – бегите в замок! Чтобы к нашему приезду все были готовы встретить гостей.

Слуги снова исчезли в кустах, очевидно зная короткую дорогу домой. Просека, по которой двинулись в объезд всадники, скоро превратилась в хорошо накатанную дорогу, по которой бодро застучали копыта двух лошадей и осла. По дороге путники не молчали, но важных вопросов не затрагивали.

Вскоре перед глазами вырос высокий замок, сложенный из громадных обтесанных плит горного камня. Было видно, что когда-то он знал лучшие времена. Над главной башней, впускившей всадников, безвольно повис флаг. Словно по заказу, слабое движение воздуха развернуло полотнище, показав на светло-зеленом фоне фигуру лесного хозяина, вставшего на дыбы. Гарден, показавший новым товарищам символ своего рода, грустно вздохнул:

– В моих лесах остался один медведь – я сам.

Би Рослана, ожидавшего после распоряжений барона кипучую деятельность челяди, несколько смутил вид небольшой толпы любопытствующей дворни. Впрочем, все уже было готово к приему гостей. Охотника и ученого историка отвели в светлые комнаты с высокими потолками – каждого в свою; там они могли отдохнуть, сменить дорожные одежды. Свет – ополоснувшийся, чистый – с изумлением обнаружил в своей дорожной сумке княжеский костюм – его заботливо прихватил старший товарищ. В нем он когда-то бежал из плена князя Ольгина.

Спустя час барон Гарден одобрительным кивком встретил гостей в огромном пиршественном зале, где длинный деревянный стол был накрыт лишь в той его части, где имелся невысокий помост для хозяина и хозяйки. Было видно, что этот стол давно не использовался по назначению – барон питался в ином, не столь торжественном месте. Стены залы были увешаны оружием и трофеями предков. Их, очевидно, собирали на полях сражений и турниров многие поколения Гарденов – настолько древними выглядели некоторые доспехи. Увы – кольчуги Владимежа среди них не было.

Ужин, несмотря на извинения Гардена, был превосходным – вкусным и обильным. Особенно много лилось вина из подвалов замка. Только Свет наотрез отказался даже пригубить драгоценный напиток, сославшись на обет.

И лишь когда последний прибор был убран слугами, оставившими на потемневшей дубовой столешнице свечи в старинных подсвечниках, да пару бокалов с кувшином еще не опробованного вина, барон, несмотря на выпитое, с грустью сказал, что даже не помнит, когда он принимал в этом зале гостей.

– А ведь раньше, – обвел он рукой длинный стол, – не хватало места для нашей большой семьи. Тогда были живы мой дед, отец, дядя... Потом родились мои сыновья, а внуков я так и не дождался. Два сына – мои гордость и надежда – погибли в бою под знаменами Великого герцога франов Гельма. Теперь род Гарденов прервется, а земли достанутся другому барону. Скорее всего Рагону. Вернее, одному из его братьев. Старший унаследовал своему отцу, а трое других могут не ждать его смерти – барон Рагон еще крепок телом и духом. Слишком крепок. Скорее всего, он и подослал своих людей под видом разбойников.

– Какие же дела привели вас в наши земли, – спохватился он, – если только вы можете доверить свои секреты старому барону?

Свет кивнул Би Рослану, разрешая тому изложить удивительную историю их исканий. Барон внимательно слушал. Он лишь изредка жестами выражал свое отношение к наиболее примечательной части рассказа, да оглушительно захохотал, когда историк заканчивал его.

– Большие уши? И собаку звали Джоем? Да это же мой сосед – барон Рагон. Однако, – он внезапно нахмурился, – такого врага я не пожелал бы никому. Можете не верить, но такого поединщика, как он, франская земля давно не рождала. А самое главное – у него есть фамильная реликвия – кольчуга с изображением солнца вместо нагрудника. И она действительно непробиваема сталью – проверено и в боях, и на турнирах.

– Такое солнце? – охотник вытащил на свет свечи талисман.

Гарден подслеповато прищурился и кивнул.

– Что ж, – Свет поднялся из-за стола, – завтра мы посетим барона Гардена.

– И восстановите против себя всех франских баронов. Нет, – Гарден покачал головой, – доброе дело надо делать честными руками. Прадед Рагона завоевал этот трофей на турнире; только так можно отобрать его у правнука!

В разговор вступил Би Рослан:

– И кто же допустит на турнир баронов постороннего? К тому же Свет не может ждать так долго.

– Ежегодный турнир состоится через две недели, – старый барон положил руку на плечо поднявшегося было охотника, – и на него действительно не допустят чужаков. Даже князя Русина не допустят. А вот наследника рода Гарденов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.